

王

Анна
Старобинец

ЛИСЫ БРОДЫ

18+

Анна Старобинец
Лисьи броды

ООО "Эвербук"

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Старобинец А. А.

Лисьи броды / А. А. Старобинец — ООО "Эвербук", 2022

ISBN 978-9-18-062763-4

«Лисьи Броды» — новый роман Анны Старобинец, приключенческий мистический триллер про затерянное на русско-маньчжурской границе проклятое место, в котором китайские лисы-оборотни встречаются с советскими офицерами, а беглые зэки — с даосом, владеющим тайной бессмертия. Захватывающее и страшное путешествие в сердце тьмы, где каждый находит то, что он заслужил: кто-то — любовь, иные — смерть, и абсолютно все — свою единственно верную, предначертанную то ли богом, то ли чертом судьбу. © Storyside В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги. В книге нет иллюстраций.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-9-18-062763-4

© Старобинец А. А., 2022
© ООО "Эвербук", 2022

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1	10
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	24
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	45
Глава 11	47
Глава 12	50
Глава 13	52
Глава 14	55
Часть 2	59
Глава 1	60
Глава 2	63
Глава 3	66
Глава 4	68
Глава 5	74
Глава 6	77
Глава 7	79
Глава 8	80
Глава 9	84
Глава 10	88
Глава 11	91
Глава 12	93
Глава 13	94
Глава 14	98
Глава 15	100
Глава 16	104
Глава 17	106
Часть 3	108
Глава 1	109
Глава 2	113
Глава 3	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Анна Старобинец

Лисьи Броды

Продюсеры проекта Борис Макаренков, Диана Смирнова

© Анна Старобинец, 2021

© Storyside, 2022

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Эта книга посвящается Саше Гарросу, моему покойному мужу и соавтору. Несколько лет назад, в прошлой жизни, мы вместе с ним придумали историю Лисьих Бродов, которая легла в основу романа, написанного мной в одиночку.

Вместо предисловия

Часть 0

*Баю-бай, засытай, детка,
Я с тобой посижу.
Если ты не уснешь, монетку
В руку тебе вложу.
Баю-бай, не кричи, не плачь,
В доме открыта дверь.
Спи, скорей засытай, иначе
В дом явится зверь.*

(Дальневосточная колыбельная)

Москва. 21.06.1941

Я дышу горячо и часто, как больная собака. Я хочу зажмуриться и погрузиться во тьму. Или открыть глаза и посмотреть ему прямо в лицо. Он не позволяет мне сделать ни того, ни другого. Ни заснуть, ни проснуться. Тусклый свет, пульсируя, сочится в меня через неплотно сомкнутые веки. Я – собака, издыхающая у ног хозяина. Я – поломанная кукла в руках ребенка-садиста. Я закатываю глаза, я оставляю ему только узкие прорезы белков – но ему их достаточно. Через эти прорезы его монотонный голос проникает мне в мозг вместе с пульсацией света.

– В каком мы городе, Максим Кронин?

Мои губы горячие и сухие, как опаленная деревяшка, мои губы не подчиняются мне, но подчиняются ему, и я отвечаю:

– В Москве.

– Какое сегодня число, Максим Кронин?

– Двадцать первое июня сорок первого года.

– Кто я такой?

– Ты Глеб Аристов. НКГБ.

– А ты упрямый, Макс. У тебя непросто забрать контроль.

В его голосе мне чудится похвала, и на долю секунды я даже испытываю гордость. Как пес, которого похвалили за то, что он нагадил на улице, а не в доме. Если бы я был псом, я бы постарался вильнуть хвостом.

– Сейчас я буду считать от десяти до нуля, – говорит он.

Дверные петли скрипят. Он отвлекается – и мне удается слегка распахнуть глаза. В амбразуре, открывшейся между век, – три смутных, колеблющихся силуэта. Один – Глеб Аристов, он прямо напротив меня. Еще двое – на пороге, в пепельной полосе света, простертой ко мне от двери через непролазную тьму. Мужчина и женщина. Он – в черном костюме, она – в черном платье. У обоих – светлые волосы. Они как будто ожившее черно-белое фото.

Они закрывают за собой дверь, и полоса пепла исчезает, проглотив их обоих.

– Вы отвлекаете, – голос Аристова звучит раздраженно.

– Я хочу попрощаться. Пожалуйста! – говорит женщина.

Говорит моя женщина.

– Молчи и жди, – Аристов поворачивается ко мне. Я не вижу его лица, но через узкую щель между век различаю руку в лайковой черной перчатке. В черной ладони – карманные часы-луковица на тонкой цепочке. Он нажимает на рычажок, и крышка, щелкнув, откидывается. Знакомое, тихое тиканье: по циферблату бежит секундная стрелка. Не вижу, но знаю: на

крышке с внутренней стороны – фотопортрет блондинки с родинкой над губой. Фотопортрет моей женщины.

Рука в перчатке берет часы за цепочку и раскачивает передо мной.

– Я буду считать от десяти до нуля. Я заберу твою волю. Ты должен следовать за моим голосом, Максим Кронин.

Его голос тянет меня, как поводок упрямого пса. Но я упираюсь. И я рычу:

– Зачем, учитель?! Зачем? Ведь я и так тебе предан!

– Боюсь, что родине ты предан больше, чем мне. Расслабься, Макс. Соппротивление бесполезно. Я буду считать – а ты будешь забывать.

Соппротивляться. У меня непросто забрать контроль. Сосредоточиться. Не поддаваться. Не подчиняться...

– Десять. Твои стандартные навыки останутся при тебе.

...Хозяин сказал, что оставит мне мою кость. Благодарность. Какая может быть благодарность?! Это нелепо. Не подчиняться. Абстрагироваться. Увидеть себя со стороны. Вот он, Макс Кронин, сидит на стуле, его тело слегка подергивается – так бывает, когда человек засыпает... Так бывает, когда собака бежит во сне... За секундной стрелкой, бегущей по циферблату...

– Но – девять. В твоём мире больше не будет чуда.

...Ночь. Огромная оранжевая луна. Я вижу силуэты зверей, крадущихся под луной. Собак или, может, лисиц... Они встают на задние лапы...

– Восемь. Мир для тебя снова станет очень простым.

...Они распрямляются, они оказываются людьми...

– Семь. Начнется большая война.

...Хищный высверк клинка. Острие вычерчивает на человеческой коже три продольные полосы, перечеркивает их одной поперечной, все четыре набухают и сочатся густым, багровым...

– Шесть. Ты пойдешь на эту войну.

...Оранжевая луна отражается в луже. Дождевые черви, сотни червей копошатся в рыжей воде под дождем. Я иду по этой воде, я иду по червям. Впереди – спина солдата, на рукаве его свастика...

– Пять. Там все будет элементарно: свои и враги.

...Я стреляю, и солдат падает лицом в грязь. Я бросаю ему монету, как будто подаю нищему. Его форма на глазах истлевает, пулевые раны затягиваются, превращаются в едва заметные шрамы. Его кожа чернеет, из чернозема прорастают алые маки. Женщина с белыми волосами стоит на маковом поле. Гладит рукой стремительно вылезавшие из почвы побеги...

– Четыре. Ты забудешь все, что я тебе показал. Ты забудешь меня. Остальное ты будешь помнить: мир без чудес.

...Алые маки вспыхивают, маковое поле горит. Прясть отрезанных светлых волос и черные лайковые перчатки летят в огонь...

– Три. За тобой придут. Но ты не сможешь ничего рассказать.

...Языки пламени вылизывают маковое поле дотла...

– Два. Потому что ты забыл самое важное.

...Ослепительная вспышка – белая пустота...

– Один. Если кому-то когда-либо удастся вернуть тебе память, в чем я лично сомневаюсь... ты немедленно себя уничтожишь. Ты захочешь умереть, очень страстно, всем существом. Это ясно?

Я отвечаю:

– Ясно.

– Вот и славно, Макс. Твои веки становятся легче, ты скоро проснешься... Он скоро проснется. Прощайтесь.

Торопливый стук каблучков. Женщина с длинными светлыми волосами и с родинкой над губой, женщина, которую я с трудом, но все-таки узнаю, моя женщина подходит ко мне. Она опускается передо мной на колени, она проводит рукой по моей щеке.

Ее спутник говорит с чуть заметным немецким акцентом:

– Пора, Элена. Не мешкай.

Это Юнгер, ее сводный брат. Моя женщина послушно шепчет мне в ухо:

– Прощай.

Она целует меня в губы – испуганно, торопливо и нежно. Как ласточка, по ошибке свившая гнездо под чужой крышей и на секунду подлетевшая к птенцу, чтобы сунуть осу в его раззявленный клюв.

Она поднимается и идет к выходу. Полоска света ложится на темный пол и спустя несколько секунд гаснет, поглотив похожую на птицу светловолосую женщину. Мою женщину.

Она уходит, и я в тот же миг забываю, что она здесь была.

Чья-то рука в черной лайковой перчатке вкладывает часы в мою липкую от пота ладонь.

– Ноль, – говорит чей-то тихий, спокойный голос.

Я открываю глаза.

Я сижу на стуле перед зеркалом во всю стену, один в примерке. В окно сочится ядовитая ртуть луны, и в ртутном свете мое лицо – как у мертвеца. На зеркале, поверх моего мертвого лица, красной помадой написано слово «прости».

В моей руке – часы-луковица, на внутренней стороне откинутой крышки портрет. Все стрелки указывают на мою женщину: ровно полночь.

Я чувствую себя совершенно разбитым.

Ощущение, что у меня разбилось что-то внутри, и самый крупный осколок, пока я спал, кто-то вынул – торопливо и грубо, в кровь изранив нутро.

Я возвращаюсь домой на рассвете – и не нахожу там жену. Вместо жены меня встречают двое чекистов. Один из них жрет яблочный штрудель, который Елена испекла накануне: отламывает руками куски, вытряхивает на пол начинку, а пустой рулет сует в рот. Вообще-то Елена делает божественный штрудель. Наверное, он просто не любит яблоки и орехи.

Другой распарывает ножом обивку дивана. В квартире разгром, наши вещи валяются на полу, зеркала и стекла серванта разбиты.

– А ну руки, контра! – орет чекист с пирогом, и полупрожеванные кусочки летят у него изо рта. – На колени, сука!

Я падаю на колени. Я кричу им:

– Это ошибка! Я артист цирка!

Они мне почему-то не верят. Тогда я нащупываю на полу стеклянный осколок. Жест отчаяния. Дохлый номер, как говорят у нас в цирке.

Это все, что у меня есть для защиты, – осколок стекла от серванта. Я один, а их двое, они вооружены, а я нет. Но спустя четверть часа я стою, привалившись к стене, – а у ног моих валяются два остывающих трупа и недоеденный штрудель. Я прикончил их так легко, как будто всю жизнь только и делал, что голыми руками убивал вооруженных людей. Но ведь я же артист. Всего-навсего артист цирка.

Я зачем-то вкладываю каждому из них в рот по монете. Я брожу по дому с острым куском стекла и с отбитым куском души. В тот же день начинается война, но удивления я не испытываю. Как будто жизнь развивается по сценарию, который я когда-то читал.

Я иду на войну. Там все просто: свои и враги. Мне везет. У меня по-прежнему рваная рана внутри, но снаружи я остаюсь невредимым.

Прямо с войны меня забирают в лагерь. Урановый рудник «Гранитный». Там тоже все просто. Все по понятиям. Я изучаю чужие понятия, я делаю их своими. Я сижу за преступления, которых не совершал. Я сижу за измену и шпионаж. Пятьдесят восьмая статья. Я сижу за то, что чего-то не рассказал на допросе. Я сижу за то, что мне нечего было сказать.

Пустота зарастает во мне диким мясом, затягивается кривыми, воспаленными шрамами. Я живу с заросшей внутри дырой, как живут с культей на месте руки. Но однажды я слышу от старого вора про мою женщину. Я не знаю, есть ли шанс отыскать ее и обнять ее. Но я точно не вижу смысла сидеть в этом каменном мешке дальше.

у тебя непросто забрать контроль, Максим Кронин

Кто-то мне однажды сказал эту фразу. Не помню кто – и не важно. Главное, он был прав. Есть два фокуса.

Один заключается в том, чтобы видеть себя как бы со стороны. Без эмоций, без чувств, без рефлексии, без души. Я не помню, кто научил меня этому трюку, – возможно, я додумался сам. Потерять контроль над собой может только пленник своего тела. Настоящий хозяин всегда снаружи. Он наблюдает. Фокус в том, чтобы «я» превратилось в «он».

У хозяина нет настоящего и нет будущего. Настоящее постоянно меняется, будущее – загадка. У хозяина есть только прошлое – и оно в его власти. Все, что с ним происходит, уже случилось. Все, что с ним случится, уже прошло. Он живет, подобно японскому самураю, как будто он уже умер. Это делает его бесстрашным и беспощадным. Это дарит ему контроль. Фокус в том, чтобы настоящее время превратилось в прошедшее.

Я умею показывать оба фокуса. Оттого у меня непросто забрать контроль.

Оттого у него непросто забрать контроль.

У Максима Кронина было непросто забрать контроль.

Часть 1

То сознание, которое у него еще оставалось и которое, возможно, уже не было человеческим сознанием, имело слишком мало граней и сейчас было направлено лишь на одно – чтобы скорее убрать камни.
(Варлам Шаламов. «Колымские рассказы»)

Глава 1

Дальний Восток. Урановый рудник «Гранитный».

Конец августа 1945 г.

– Куда башку свернул? – голос вертухая сорвался, как у подростка, на петушиный крик. – А ну ко мне повернись!

Неровный строй заключенных в бушлатах, карабкавшихся вверх по усыпанной камнями тропе к зеву штольни, на несколько секунд – пока каждый примерял сказанное к себе и к соседу – оцепенел. Потом все двинулись дальше, старательно глядя на вертухая и не глядя на Кронина. Хороший парень, но нарвался – его проблемы.

Макс Кронин молча смотрел на далекие приземистые горы с намотанными на верхушки лоскутами тумана, с азиатской вкрадчивостью проступавшие в утренней полумгле. На хищно ощеренные гранитные останцы, кривыми серыми рядами торчавшие из скалы по обе стороны от входа в штольню, как недосомкнутые челюсти давно убитого великана. На огибавшую скалу речку Усть-Зейку, за лето совсем было пересохшую, но после недели дождей заклокотавшую и поднимающуюся. На растянувшихся в муравьиные цепочки зэка, которые, задыхаясь, минуя конвоиров с автоматами и овчарками, тащились в шесть утра по узкой дороге вверх, к штольням. И которые на закате той же муравьиной тропой с коробами на спине отправятся назад – к лагерю уранового рудника «Гранитный», к баракам за колючей проволокой, построенным из серых гранитных плит.

Гранит везде. Снаружи и внутри – камни. Скала из камня, стены из камня, каменное крошево под ногами, каменная взвесь в легких. Все из камня, и все из камня. Каменный лазарет в одном из бараков в седловине горы – для доходяг, выкашливающих каменную пыль вместе с кровью. И братская могила, Ров Смерти за лазаретом, – для тех, кто больше не кашляет, а значит, больше не дышит...

– Триста третий! На меня смотреть, я сказал!

Триста третий повернулся к вертухаю, всем своим видом выражая готовность смотреть на него бесконечно, даром что сверху вниз: он был на голову выше и раза в два шире в плечах; вертухай рядом с ним смотрелся как задиристый поросенок рядом с лесным кабаном.

– Руки поднял! – поросенок ткнул Кронина автоматным стволом в грудь, в нашитый на бушлат номер.

Кронин послушно поднял руки, чуть разведя их в извиняющемся жесте: мол, извини, командир, зазевался. И, уже без команды, расставил ноги на ширине плеч. Заключенных досматривали два вертухая, прежде чем впустить в штольню: один – поросенок – наставлял ППШ, другой бегло обыскивал поднявшего руки зэка.

– Работай! – вертухай подтолкнул Кронина стволом в спину.

Тот расслабил руки и шагнул в штольню.

– Чо уставились?! – взгляд вертухая бешено заметался от одного зэка к другому. Прогорклой кислой отрыжкой вдруг пришло запоздалое понимание, что триста третий его унизил, унизил надсмотрщика перед всеми зэка. В осанке триста третьего, в подчеркнута доброжелательных его жестах, в прямом его взгляде не было главного: страха. Триста третий имел наглость его не бояться. Триста третий не подчинился – он как будто бы уступил. Так уступает слабому сильный...

Зэка покорно опустили глаза, не понимая, да и не пытаясь понять, почему минуту назад на вертухая необходимо было смотреть, а теперь это запрещено. Просто хозяин изменил правила – так бывает...

Вертухай удовлетворенно оглядел гусиный строй заключенных. Так-то лучше. Он – хозяин. Они – гранитная пыль под его ногами. Но настроение все равно безнадежно испортилось. Надо будет навестить триста третьего в штольне. Сбить с него спесь.

Когда Кронин, наконец, свернул в боковой лаз, Флинт ждал его уже час. Вместо приветствия ощерил сухой, воспаленный рот, сверкнув железной фиксой в свете газового фонаря. Флинту было под шестьдесят, татуировки покрывали руки и спину, в лагере его уважали. Ждать было ему не по рангу.

Кронин, молча кивнув и не извинившись, забрал у вора небольшой сверток и, осторожно ступая по гранитному месиву, двинул по лазу первым; Флинт, прихватив фонарь и лопату, пошел за ним. Тут же закашлялся, плотно зажал рот ладонью.

Когда лаз сузился до тесного аппендикса, оба опустили на животы и, извиваясь земляными червями, выбрались в грот, откуда-то сверху, как будто из-под купола храма, подсвеченный рассеянной пылью солнца. Заброшенная разведочная штольня. Там, наверху, когда-то был вход. Теперь его почти завалило камнями снаружи, а лестница, что вела от входа вниз, обрушилась, за несколько лет разъеденная холодом и сыростью.

Флинт не считал Кронина другом. Врагом не считал тоже. Когда Кронин попал в лагерь, Флинтovy кореша попытались отобрать у него невесть как пронесенные на зону часы, а тот им не отдал. Как игрушки у малышей, отобрал самоточки, одного отключил ударом в голову, другого ткнул напряженными пальцами в солнечное сплетение, третьего взял за горло. Сказал спокойно – не нападавшим, но наблюдавшему в стороне Флинту, безошибочно угадав в нем главного: «В следующий раз убью». Это вызвало уважение, они пару раз потом побалакали, но по большому счету между ними не было ничего общего – кроме этой покинутой, затянутой изумрудной плесенью штольни. Они нашли ее неделю назад, случайно. Просто стояли рядом во время отпалки. Просто пробили взрывом лаз, который привел их сюда.

– Посвети, Флинт, – Кронин извлек из свертка несколько брусков динамита, бикфордов шнур и детонатор.

– Волшебное слово забыл, – Флинт с нарочитой ленцой осветил карбидным фонарем лаз, из которого они только что выбрались: над горловиной опасно нависала кладка крупных валунов.

– Я много чего забыл, – Кронин приладил под одним из валунов шашку, вставил детонатор и принялся вводить в него шнур, нежно обжимая пальцами гильзу.

– Чо, на пару с зоны канаете? – вкрадчиво спросил кто-то за спиной Флинта.

Флинт, дернувшись и мазнув фонарем по стене штольни, обернулся на голос. Беспо мощно, как игрушечное ружье, выставил перед собой во тьму пучок света.

В стеклянную сердцевину фонаря с жирным шмяком ткнулся невесть как проникший сюда мотылек, отбросив на стену крылатую монструозную тень, а следом за ним в золотистый круг света, точно паяц на сцену, разболтанной походкой шагнул из темноты блатной Пика – щуплый и подвижный, нагло-расхлябанный, похожий на дрессированную гиену. Ослабился неполным комплектом зубов, отвесил шутовской поклон Флинту и Кронину.

– Тебя третьим не звали, понял? – Флинт плавно поставил фонарь на землю и перехватил поудобнее черенок лопаты на случай удара. Обернулся на Кронина – тот расслабленно изучал Пика, за кирку не хватался.

– А зря не позвали Пика, – голос прозвучал вкрадчиво, как у торговца лежалым товаром на азиатском базаре, – Пика – честняга. Не подведет.

– Олень ты. – Флинт смачно харкнул себе под ноги. – Чо стоишь, как хер спозаранку? Линяй отсюда. Хавальник откроешь – на лоскуты тебя попишут.

– Чо за базар, Флинт? Я закон уважаю, хозяину не стучу... Э! Ты чо?! – Пика суетливо шарахнулся от Кронина, который мгновенно и бесшумно переместился к нему вплотную. – Не подходи, контра!

Пика дернул рукой – по стене бритвенно-острым клинком мелькнула тень заточенной ложки – и попятился от Кронина:

– Чо ж ты, Флинт, честного вора гонишь, а «пятьдесят восьмую» в рывок тянешь?!

– Кончай хипиш, – Кронин выставил вперед руку, демонстрируя, что безоружен, – но это не помогло.

Истерично дернувшись и чуть взвизгнув, Пика споткнулся, ухватился рукой за стенку и, выворотив плохо державшийся булыжник, вызвал небольшой и локальный, но шумный камнепад.

– Да ты ж, с-сука, нас всех сейчас запалишь, – Кронин прижал Пику к стене и почувствовал запах гнилой селедки из его полукрытого рта.

– Запорю-у-у! – Пика полоснул воздух заточкой в том месте, где секунду назад была шея Кронина, замахнулся еще раз – но Кронин выбил из его руки ложку, а потом напряженными пальцами ткнул Пику под челюсть. Тот обмяк и привалился к стене.

– Как котика искупал, мать твою... – Кронин направился к лазу. И увидел направленный на него ствол ППШ.

– Лечь, падаль! – Вертухай-поросенок выпростался из лаза и, дергая стволом попеременно в сторону то Флинта, то Кронина, пошел на них.

Если ты человек в форме, наделенный властью и пистолетом, то по логике вещей ты сильнее двух человек в бушлатах с нашитыми номерками, вооруженных лопатой и ложкой. Но есть логика хаоса (его еще иногда называют судьбой), согласно которой тебе может просто не повезти. Один из эков вдруг с ловкостью гимнаста отпрыгнет в сторону на руки, перекатится через голову и увильнет от выпущенной тобой очереди. Ты будешь стрелять, а рикошеты высекут из камней искры, фонтаны искр в полумраке. И ты не заметишь, что второй эк стоит у тебя за спиной с лопатой. Больной и хилый, он будет кашлять, нанося свой удар, и ты успеешь заслониться от него автоматом, и черенок лопаты сломается, и ты почти победишь – ударишь кашляющую тварь прикладом в живот, и тварь опустится на колени, хрипя и пуская слюни. Но тот, другой, который сильный и молодой, запустит тебе в голову камнем. И камень ударит тебя в переносицу. И ты почувствуешь боль и вкус железа во рту и горле. Ты потеряешь контроль над телом, ты начнешь падать навзничь. И тот, что кашляет, тот, которого ты опустил на колени, нащупает что-то на каменном, холодном полу и ударит тебя в живот. Ударит острой, бритвенно-заточенной ложкой. И ты упадешь, и фуражка покатится по холодному полу, и тот, что рядом с тобой на коленях, оседлает тебя. И ты перестанешь чувствовать боль, потому что будешь уже не здесь, а он станет бить тебя заточенной ложкой еще и еще – между ребер и в горло. Ты будешь хрипеть и пару раз дернешься. Ты затихнешь в луже собственной крови. Совсем молодой. Тебе будет навсегда двадцать три...

– Хорош уже. Все! – Кронин забрал самооточку у Флинта и осторожно положил на пол. Флинт снова закашлялся. Отдышался. Оглядел себя удивленно, все еще глухо поперхивая, – он был весь в крови вертухая. Сполз с трупа, как бы уступив место Кронину. Тот опустился рядом с телом на корточки, на всякий случай пощупал артерию, бегло осмотрел ППШ – отчетливо погнутый и помятый, – отбросил за непригодностью. Заглянул вертухая в нарисованные глаза. Потянулся было закрыть – но отдернул руку.

Только тот, кто не видел смерть близко, полагает, что глаза у мертвецов «стекленеют». Нет, они становятся муляжом, подделкой, рисунком. Становятся как будто бумажными – с

намалеванными наскоро, в первые пять минут яркими, а потом сразу выцветшими радужками, зрачками, белками. Потому их так поспешно и закрывают – чтобы не видеть муляж.

Кронин против муляжа ничего не имел. Куда проще обчистить куклу с бумажными зенками, чем убитого человека.

Стараясь не измазаться кровью, Кронин обыскал вертухая. Извлек из его кармана пару монет, одну взял себе, другую – пятнадцатикопеечную, медно-никелевую – вложил вертухаю в открытый рот. Снял с трупа часы. Нашупал штык-нож, резко отстегнул вместе с ножами, отчего голова вертухая мотнулась вбок, и монета выкатилась изо рта на каменный пол. Кронин ее подобрал.

– Прими, – он вложил монету вертухаю в ладонь и сжал его мертвые пальцы в кулак.

Флинт глянул дико, но промолчал.

– Надо рвать когти, – Кронин добыл из другого вертухайского кармана пачку папирос и зажигалку-самоделку из гильзы.

– Сейчас? Пайки нет... – Флинт кашлянул и поморщился. – Ни хера не готово.

– Давай тогда куму жмура, что ли, притащим, да? Мол, за мокруху извини, дай еще денек на подготовку... – Кронин деловито вытянул из штрипок солдатский ремень. – Сейчас, Флинт, – приложил сапог вертухая к своей ноге, разочарованно цокнул: мал, – его искать будут. По баракам шмон пройдет, по штольне. Оставаться тут – дохлый номер.

Кронин встал, рассовывая по карманам добычу. Подошел к сидевшему у стены Пике. Легонько ткнул носком сапога – проверить, в сознании ли. Тот, коротко бормотнув, завалился на бок.

– Допустим, – Флинт пересек грот и тоже навис над Пикой. – Бикфорда-то хватит, что я добыл?

– Полминуты будет у нас.

– А с этим чо? – в руке Флинта опять материализовалась окровавленная самопочка.

– Нет. Хватит на сегодня жмуров.

Флинт хмыкнул неодобрительно, но пристроил самопочку в голенище сапога и стал наблюдать, как Кронин с удовольствием, широко замахиваясь, хлопает Пикой открытой ладонью по щекам. На пятой пощечине Пика всхлипнул, дернулся, открыл глаза и, увидев над собой Кронина, начал нелепо отмахиваться руками.

– Как кот, – Кронин широко улыбнулся. – В побег хотел? Щас побегаешь.

– Лезь, – Флинт пихнул Пикой в спину к устью расщелины, ведшей косо по стене вверх, к старому входу в штольню.

Оттуда, сверху, сочилась солнечная пыльца.

– А если застряну? – Пика вскарабкался до середины и замер.

– Если застрянешь, перо тебе в очко вставлю. – Флинт, карабкавшийся за ним следом, сплюнул вниз, явно метя в труп вертухая.

Промахнулся. Зыркнул на Кронина, оскалился, обнажив железную фиксу:

– Давай, Циркач. Пли!

Кронин выдавил из трофейной зажигалки язычок пламени, дал ему нежно лизнуть кончик бикфордова шнура – тот вспыхнул по-бенгальски, по-новогоднему, – и полез следом за Пикой и Флинтом. Те как раз выбрались, оттолкнув пару некрупных булыжников, через полузаваленный вход на узкий каменный выступ-карниз, нависавший над горной рекой.

– А-а, в рот меня! – Пика затравленно огляделся. – Где тропа? В эту штольню как-то же заходили!

– Тропу оползнем пересыпало, – Кронин выбрался на выступ следом за ними. – Давай, Пика, – пошел!

– Куда пошел? – Пика вжался в скалу.

– В реку прыгай, куда еще?!

Пика затрясся, судорожно растопырив исполосованные татуировками пальцы – как кот на верхушке сосны, вцепившийся всеми когтями в кору.

– Брысь! – Кронин легко отодрал потную ладошку Пики от камня и толкнул его с выступа.

С невнятным воплем Пика плюхнулся в гудящую воду. Флинт прыгнул следом – зажав рукой нос, солдатиком. Кронин – технично, рыбкой.

Спустя секунду раздался взрыв – и Кронин вошел в воду ровно, руками вперед, вместе с каменной мелкой шрапнелью.

Крупные камни тоже оторвались, но остались там, в штольне. Крупные камни погребли под собой труп вертухая с нарисованными глазами, завалили вход в грот, ставший ему могилой.

Какая разница, что становится тебе пухом, земля или камни.

Глава 2

Смерть – хищная, жадная, ненасытная тварь. Она неумна, но хитра, и она всегда голодна. В ней нет никакого высокодуховного смысла. Она – как вошь. Она – как земляной червь. Она очень быстро входит во вкус, одной жертвы ей мало. Чем больше трупов, тем ей сытней. Поэтому тварь любит войну. И больницы. И тюрьмы. Тварь любит мясо. Пушечное мясо, обреченное мясо, больное, слабое мясо с гнильцой.

Если тварь не может тебя сожрать, если ты для нее пока что слишком силен, она постарается от тебя скрыться. Она не хочет, чтобы ты раньше времени знал, что и как она потом с тобой сделает. Она предпочтет остаться для тебя незаметной – до срока. Она выманит тебя из больничной палаты за минуту до смерти любимого человека. Она будет мешать тебе заглянуть в нарисованные ею глаза.

Она сделает для тебя исключение, она подпустит тебя совсем близко, только если ты сам накормишь ее с руки. Сам кого-то убьешь. Вот тогда ты станешь ее сообщником.

Смерть – голодная тварь, принимающая разные формы. Четверть часа назад она приняла форму остро заточенной ложки. А сейчас она приняла форму воды и хочет забрать двоих сразу – больного эка, не справляющегося с ее течением, и захлебнувшегося ею подлого эка. Она хочет, чтобы сильный эк посмотрел, как она сожрет двух других.

Нас здесь четверо, в этой воде: три беглых эка и извивающаяся прозрачная тварь, притворяющаяся бурным течением в изгибе Усть-Зейки.

Я не могу отдать ей больного эка, потому что он знает, где искать мою женщину.

Я могу отдать ей подлого эка, это будет рационально. Он не нужен. Он обуза. Он ненадежен.

Но я знаю, что нельзя кормить тварь без крайней необходимости – это правило. Я не помню, откуда оно, но всегда его соблюдаю.

Я вытаскиваю обоих по очереди, больного и подлого.

– Суч-чонка... – Флинт стянул с себя мокрый бушлат и закашлялся. – ...зря выловил... Разве что его как корову на черный день... Но воры это не одобряют.

Кронин молча приподнял лежавшего лицом в камнях Пику, поставил на четвереньки и надавил на живот. Удовлетворенно кивнул двум щедрым порциям выbleванной воды. Выжал свой бушлат, потом бушлат Флинта, трясущегося в ознобе.

– Что за шрам такой? – стуча зубами, Флинт легонько ткнул Кронина ледяным пальцем в грудь – в то место, где кожа зарубцевалась тремя продольными лиловыми полосами, перечеркнутыми одной поперечной.

– Просто шрам.

– Просто шрамов не бывает, – ослабил Флинт. – Каждый шрам – как наколка. Свое значение имеет. И кольчика своего. Вот этот шрам у меня, – Флинт коснулся пальцем крестообразной отметины на впалой груди, – от брата моего. Этот вот – от хунхузов. А у тебя от кого?

– Уже не помню, – Кронин сделал ловкое движение пальцами – в руке блеснули карманные часики с портретом блондинки на откинутой крышке.

Девять утра. Под цоканье тонкой секундной стрелки на камень рядом с содрогавшимся в сухих спазмах Пикой лег золотистый блик света. Край солнца отпоротой медной вертухайской нашивкой блеснул в просвете между двух гор. Блик растянулся в тонкую золотую полоску, пополз через реку к скале, к руднику «Гранитный», словно силясь дотянуться до заваленного

камнями зева, ведшего в штольню, словно прочерчивая для тех, кто будет искать их, самый короткий маршрут.

– Подъем, – Кронин ткнул Пику в живот носком сапога. – Бегом марш.

Они перешли с бега на шаг в полдень – когда отдельные деревья на тех горах, из кольца которых они вырвались утром, стали неразличимы, размазавшись по склонам мутно-зеленой плесенью, когда маячившее перед ними дымчато-голубое пятно распахнулось неровным строем приземистого таежного леса, когда их бушлаты высохли на солнце, а потом снова намокли, пропитавшись горячим потом, когда Флинт, пошатнувшись, согнулся в приступе кашля и закрыл рот рукой, когда он отнял ладонь ото рта и Кронин увидел на пальцах Флинта алые брызги.

– Идти-то сможешь, Флинт?

– Не бзди, Циркач, – вор вытер руку о край бушлата. – Зона не согнула – воля не ломает.

Они сделали привал на закате – у чахлого ручейка, из последних сил проковырявшего себе русло в песке и хвое.

Флинт, сипло дыша, присел на корточки, погрузил руки в ручей, остервенело, долго смыл засохшую кровь, с ладоней и пальцев свою, из-под ногтей – вертухайскую. И, лишь закончив, зачерпнул воды в пригоршню и стал жадно пить – будто выменял воду на кровь у засыхающего ручья.

Кронин присел на корень сосны и придирчиво осмотрел намокшие спички: серные головки облезли и раскрошились. Отбросив размякший коробок, движением фокусника извлек на свет трофейную вертухайскую зажигалку.

– Вот это я уважаю, – подал голос Пика, покровительственно и льстиво одновременно. За этот день он явно переоценил иерархию в их компании и определил в Кронине лидера. Небрежно харкнув в ручей зеленоватым комком и проследив краем глаза за поплывшей в сторону Флинта соплей, расхлябанной походочкой подошел к Кронину: – Где наблатыкался фокусы так показывать?

– В цирке. – Кронин попытался извлечь огонек из гильзы, но колесико от щелчка отвалилось, и наружу выпал размякший фитиль.

На секунду Пика пришел в замешательство, потом громко, неестественно рассмеялся и похлопал себя по ляжкам, демонстрируя, что оценил хохму. Быстро зыркнул на Флинта – тот закашлялся, поперхнувшись водой.

– Керя, слышь... – доверительно шепнул Пика. – Ты мужик, как я вижу, правильный... Пошли на пару? С Пикой не пропадешь. Пика фарг имеет... А Флинт – бацильный, доходит уже. Не на себе ж его переть – балласт, падаль...

– Это ты падаль. – Кронин вынул из трофейной пачки «Норда», изъятой у вертухая, покоробившуюся от воды, но просохшую папиросу – и вдруг быстро, прежде чем тот успел отшатнуться, засунул ее за ухо Пике.

– Это... чо? – Пика недоуменно ощупал пальцами папиросу.

– Это тебе на дорожку, – дружелюбно сообщил Кронин.

Флинт хихикнул – и снова закашлялся.

– Ты чо, а? Вы чо оба? Прогоняете, значит?

Кронин молча, без выражения оглядел Пику – и отвернулся.

Не дождавшись ответа, тот дергано, как марионетка в руках контуженного кукловода, пошагал прочь, вдоль ручья. На безопасном, как показалось ему, расстоянии остановился, повернулся к Кронину с Флинтом, криво ощерив рот:

– Ты, Flint, сдохнешь скоро, к тебе у Пики вопросов нет. А вот ты, контра, за унижение мне ответишь. – Не дожидаясь реакции, Пика суетливо перепрыгнул ручей и порысил в лес.

– Спалит нас. – Flint с досадой сплюнул желтый комок с прожилками крови. – Прикопать тебе надо было сучонка, а не папиросками угощать.

– Я не мокрушник, – Кронин принялся подбирать сухие сосновые ветки. – Тебе, смотрю, полегчало? Собирай тогда хворост.

– Не мокрушник? – Flint не двинулся с места, нехорошо усмехнулся. – Вертухая-то мы с тобой не вместе разве пришили?

Кронин молча собрал охапку сучьев, свалил на землю, начал складывать из сухих веток «вигвам».

– Я – добил, – ответил наконец тихо, будто себе самому. – Удар милосердия.

Он вытряхнул в рот табак из двух папирос, пожевал, опустевшие папиросные бумажки засунул в щели «вигвама», туда же зачихал комочки сухого моха.

– Ты мне хоть один резон обозначь, милосердный мой, – в голосе Flintа прорезалась опасная воровская тяжесть, – зачем сучонку жить надо?

– Зачем кому жить – это не мне решать. – Кронин, поморщившись, выплюнул табачную жвачку, присел на корточки у ручья, зачерпнул в пригоршню воды, плеснул в рот.

– А кому ж? – изумился Flint. – Ты что, в бога веришь?!

Кронин вернулся к заготовке из веток, положил рядом трофейные часы вертухая и свои карманные – с женщиной на отщелкнутой крышке. Острием ножа поддел стекла обоих часов, сомкнул их в подобие линзы, выдул туда порцию воды изо рта.

– Я не помню, в кого я верю, – он выковырял из-под корня сосны комок глины, размял в пальцах, скрепил линзу по канту.

– Я тебе говорил, Циркач, что ты чокнутый?

– Говорил, – Кронин повертел в руках линзу, фокусируя ослепительно-белого солнечного зайчика на растопке.

– А в разведке своей ты сколько фрицев заделал? – Flint коротко полоснул большим пальцем у горла. – Ручками, а? Или тоже всех отпускал и папироску дарил?

Папиросная бумажка занялась, вспыхнула, сине-рыжий червячок огня деловито переполз на мох, на тонкие ветки. Кронин отложил линзу. Взял с земли нож. Посмотрел в глаза Flintу.

– В разведке я врагов убивал.

Flint поднялся на ноги, напряженно глядя на нож. Кронин бережно подправил острием покосившуюся сухую веточку, усмехнулся.

– Еще вопросы имеешь?

– Имею. – Flint кашлянул, сухо и резко, будто треснула в костре ветка. – Пока по этапу идешь, сто раз ошмонают. На зону явился – вертухай в очко залазят. Так как ты часики свои рыжие в лагерь пронес?

– Так я ж циркач. Ловкость рук. Слышал – фокус с исчезновением?

– Допустим, – без малейшего доверия сказал Flint. – А зачем вертухаю-жмуру монету оставил? Тоже фокус?

– Нет. Суеверие. Я с ним расплатился.

– Я приметы такой не знаю, чтоб со жмурами расплачиваться. Это кто тебя научил?

– Не помню... – Кронин внимательно взгляделся в огонь, словно там мог вспыхнуть ответ.

Глава 3

Москва. НКГБ. Август 1945 г.

Полковник Глеб Аристов расслабил душивший его с самого утра галстук, закрыл глаза и сделал глубокий вдох, мысленно считая до трех. Затем выдох. На выдохе сосчитал до пяти – выдох длиннее вдоха.

И еще раз. Вдох короче, чем выдох. Выдох длиннее вдоха. Нет ничего, кроме темноты и ровного, сосредоточенного дыхания.

Нет удавки на шее.

Нет буравящих его взглядом вождей – иконостаса Ленин-Сталин-Дзержинский в дубовых рамках на бледной стене.

Нет шеренги фикусов на окне и лоснящейся от дождя Лубянской площади за окном.

Нет двухтумбового канцелярского стола, нету черного телефона-кремлевки и стопки корреспонденции на столе, и среди стандартных конвертов нет массивного пакета из плотной бумаги с сургучной печатью без адреса и имени отправителя.

Нету верхнего ящика справа, а в ящике нет коробки школьных мелков, нет удобно лежащего – мигом схватить, если что, – «парабеллума» и лайковых черных перчаток.

Нет трофейного приемника «Телефункен».

Нет его кабинета.

Нет цветов и форм, есть только ритмично дышащая в нем и вокруг него тьма. И еще голоса, звучащие в этой тьме.

– ...преодолевая отчаянное сопротивление японских оккупантов, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжают стремительно двигаться к Чанчуню. В то же время войска Второго Дальневосточного фронта, разбив японские части на всех направлениях, заняли семь укрепрайонов противника. Бьют врага в хвост и гриву советские героические воины...

Голос радиодиктора. Он мешает, он заглушает все прочие голоса, он должен умолкнуть. Не открывая глаз, Аристов выключает приемник, и остаются два голоса. Один снаружи, другой внутри.

Дребезжащий, трескучий голос дождя за окном.

И его, полковника Аристова, внутренний голос.

– За тобой придут, за тобой придут, за тобой придут, – тарабанит дождь.

– Не сегодня, – отвечает внутренний голос. – Они придут не сегодня.

– В любой момент, в любой момент, в любой момент, – плюет в оконное стекло дождь.

– Не сейчас. Они придут не сейчас. Когда и если это случится – придется открыть верхний правый ящик стола и взять пистолет. Но это будет потом. Сейчас сосредоточимся на дыхании. Сосредоточимся на том, что важнее всего в данный момент. Протягивай руки вперед – ладонями вверх, ладонями вниз... Почему дрожат руки? Почему тебе холодно, Аристов? Попробуй почувствовать, что самое важное – здесь и сейчас. Попробуй определить, откуда исходит холод.

– От большого конверта, – произносит Аристов вслух. – От конверта без имени отправителя.

– Имя отправителя – Смерть, – подсказывает с улицы дождь. – И в конверте – смерть, и рядом с тобой ходит смерть...

– Вполне возможно, – соглашается Аристов. – Но это чья-то чужая смерть. Моя – не сегодня. И даже не в этом году. Я не планирую умирать в сорок шесть лет.

Полковник Аристов открыл глаза, свинцово-серые, как московское дождливое небо, снова затянул галстук, смахнул с пошитого на заказ костюма несуществующую пылинку, чуть

тронул ладонью белоснежный жесткий ежик на голове – и вытащил из стопки корреспонденции осургученный толстый пакет. Решительно надорвал по краю и извлек на стол содержимое: письмо, пару фотографий и миниатюрные стеклянные капсулы, похожие на крошечные пузырьки парфюмерии, с плотно притертыми крышечками. Первым делом изучил фотографии. На одной худая, огненно-рыжая, почти красная лиса в клетке – с разъявленной пастью и рассеченным надвое, облепленным присохшими катышками крови хвостом. На другой: молодая, обнаженная, изможденная китайка со следами побоев, привязана к медицинскому креслу, в вене катетер, рядом с ней азиат – лицо немного не в фокусе, но, похоже, японец, – в круглых очках, в заляпанном кровью белом халате, в одной руке шприц, в другой – лоточек с колотым льдом.

Аристов дернул уголок рта, отложил фотографии и бегло прочел письмо. На секунду снова прикрыл глаза – а потом с силой нажал пальцами на глазные яблоки через веки. Простой трюк, чтобы замедлить ритм сердца. Темнота запестрила текучим зелено-красным узором, изменчивым, как в калейдоскопе, а сердце послушно сбавило темп. Тот, кто хочет быть хозяином ситуации, абсолютно спокоен. Никакого возбуждения, никакого адреналина. Никаких эмоций, рефлексий, чувств, никаких движений души. Потерять контроль может только пленник своего тела. Настоящий хозяин всегда снаружи. Настоящий хозяин – наблюдатель. Экспериментатор.

Аристов открыл верхний ящик справа, нежным, едва уловимым движением, словно погладил уснувшего в укромном углу котенка, коснулся ствола «парабеллума» и вынул из ящика лайковые перчатки. Надел их. Взял капсулу. Поглядел на просвет. Почти черная, с рубиновым отблеском, тягучая жидкость. Как пропитанный кровью убитого хищника перегной. Как рижский бальзам.

Он подошел к окну и осторожно свинтил с капсулы крышку. Дождь перестал. Аристов капнул одну черную каплю в лейку с водой – и полил фикусы.

Потом повернулся лицом к двери и, прищурившись, точно целился из «парабеллума», четко и внятно подумал: «Силовьев, ко мне!»

Майор Силовьев, жизнерадостный тридцатилетний детина с лоснящимся, круглым, чуть тронутым угревой сыпью лицом, похожим на неидеальный, но с явной любовью приготовленный бабушкин блин, сидел за захлавленным столом в крошечной приемной-предбаннике у кабинета полковника и бодро поглощал беляши из промасленного газетного кулька, когда в голове его, четко и внятно, как в телефонной трубке, вдруг прозвучало: «Немедленно найди к шефу».

Силовьев дернулся, чуть не подавился горячим, полупрожеванным куском беляша и вскочил. Такое с ним случалось не в первый раз – и всегда изрядно пугало. Он словно слышал зов, слышал голос, приказывавший ему, к примеру, сделать чай или сварить кофе и отнести Аристову. Шеф объяснял этот феномен удивительно развитой интуицией и мощным «шестым чувством» Силовьева, что звучало в общем-то лестно – но только если не брать в расчет издевательскую ухмылку, с которой полковник его хвалил.

На этот раз конкретного указания не было. Силовьев на всякий случай прихватил кулек беляшей, негромко, деликатно постучал в дверь и, не дождавшись ответа, шагнул в кабинет шефа, как обычно, стараясь не споткнуться на пороге, – и, как обычно, споткнувшись. Силовьев не считал себя неуклюжим и не считал себя трусом. Летом он ходил в горы и на охоту, зимой катался на лыжах, в любое время года отжимался от пола сто раз подряд, он многократно разнимал дравшихся и еще чаще лез в драку сам. Но всякий раз, переступая порог кабинета

шефа, он покрывался испариной и словно бы на секунду запутывался в невидимой, но плотной и удушливой паутине, и всякий раз паутину приходилось с усилием разрывать.

Полковник Аристов стоял у окна и озираал Лубянскую площадь. В его кабинете висел густой, резкий запах разгоряченного зверя. Силowieв знал этот запах: так пахнут загнанная лиса и загнавшая ее гончая.

Он покосился на стол, увидел фотографию с голой связанной женщиной – и снова чуть не подавился куском беляша, который, оказывается, все это время держал за щекой. Силowieв с усилием проглотил остывший, слипшийся будто во что-то неорганическое комок фарша и беспомощно тряхнул газетным кульком:

– Хотите беляш, товарищ полковник? Горяченькие.

– Спасибо, не надо, – Аристов брезгливо повел плечом.

– Прошу прощения, Глеб Арнольдович, я думал, может, вы проголодались, дай, думаю, беляшей... Ну, значит, я зря к вам...

– Не зря. Есть задание для тебя.

Полковник Аристов наконец повернулся к Силowieву, и тот, как всегда, просто на автомате, отметил несоответствие между молодым, с единственной вертикальной морщиной на переносице, лицом шефа и снежно-седыми его волосами. Было в этом несоответствии что-то дурное, тревожное...

– Пункт первый. Выясни, в каком лагере сидит Максим Кронин. Пятьдесят восьмая, двадцать пять лет строгого, измена, шпионаж, весь букет. Как узнаешь – готовь на него бумаги. Он мне нужен.

– Вас понял, товарищ полковник.

– Пункт второй. Собери мне всю информацию по «Отряду-512». Это у японцев секретная часть в Маньчжурии. Лаборатория – опыты на людях, переохлаждение, инфекции. Оба пункта – срочно.

– Сделаю, товарищ полковник, – майор снова покосился на фотографию измученной китайки и переступил с ноги на ногу.

– Силowieв? Что-то неясно?

– Так точно. Не вижу связи между первым и вторым пунктом.

– А ты, Силowieв, не ищи связи. – Аристов открыл форточку, отошел от окна, уселся за стол и перевернул тревожившее Силowieва фото изображением вниз. – Паши, кушай беляши, а связи предоставь мне. Еще вопросы?

– Один вопрос, – просипел Силowieв. – Что с фикусами?

Тиская в потных руках промасленный газетный кулек, Силowieв смотрел на подоконник, от которого только что отошел Аристов. Растения в горшках, еще с утра, когда он их поливал, выглядевшие абсолютно здоровыми, почернели. Как будто сгорели и обуглились, сохранив, однако же, форму.

– Фикусы завяли, – буднично сообщил Аристов.

Силowieв еще немного помялся в ожидании пояснений, но, так и не получив их, просеменил к выходу и открыл дверь. Порыв сквозняка подхватил фотографии со стола шефа и швырнул на пол, прямо Силowieву под ноги: он чуть не наступил на лису с раздвоенным красным хвостом. Уже выходя и запнувшись, как всегда, на пороге, майор обернулся. Горшки на подоконнике стояли пустые: обуглившиеся фикусы осыпались черной пылью.

Дождавшись, когда помощник выйдет из кабинета, Аристов вынул из ящика стола коробку мелков, подошел к двери и опустил на корточки. По паркету, едва заметная, нари-

сованная мелом, тянулась цепочка рунических символов, змеясь, взбиралась на оба дверных косяка и соединялась над дверью, образуя замкнутый прямоугольник.

Аристов взял голубой мелок и подправил охранительную руну, смазанную подошвой Силовьева.

В кабинете сладко и гнилостно пахло мертвым, остывающим диким зверем. Или, может быть, беляшами.

Глава 4

Дальний Восток. Тайга. Август 1945 г.

Дыхание смерти – одно на всех. В который раз я вижу этому подтверждение. Солдат и зверь, умирая, выпускают дух одинаково. Короткий вдох – не вдох даже, а отчаянная, последняя, безнадежная попытка втянуть в себя кислород – и длинный, и такой вдруг спокойный, исполненный безразличия выдох. Да, смерть не любит свидетелей, но она любит убийц. И если убийца склоняется над выпускающим дух, и если я склоняюсь над солдатом ли, зверем – мне открывается истинный запах смерти.

Нет, смерть не воняет разложившейся падалью; падаль – следствие. У смерти – тонкий, пряный, сладкий аромат увядших гвоздик, и прелой листвы, и остывающего, но еще теплого воска, и спутанных, спрятанных под косынкой волос, и липкой, гнойной, сочащейся из разреза на коре священного аравийского дерева смолы, из которой делают ладан. У смерти – сложный букет с едва заметным намеком на начало распада...

Когда кабан выпускает, наконец, дух, а тот его глаз, что остался целым, в последний раз вспыхивает багровой бусиной боли и ненависти и застывает намалеванной наскоро блеклой картинкой, я извлекаю из кабаньей головы трофейный вертухайский штык-нож, засаженный в глазницу по самую рукоять, обтираю лезвие о встопорщенную жесткую гриву и прячу в карман. И я выдергиваю из его боков три остро заточенных палки, которыми не нанес зверю глубоких ран, но раздражил его и спровоцировал к нападению. Мне повезло: когда я выследил кабана, он уже был ранен: спина разодрана когтями какого-то хищника – тигра или медведя. Все раны поверхностны, но кабан спасался от нападавшего бегством, и это подорвало его силы.

Я выкуриваю папироску – не потому, что хочу курить, а чтобы едкий дым заглушил во мне ощущение сладкой отравы, неконтролируемое, древнее возбуждение воина, убившего в одиночку дикого вепря.

И я тащу тяжелую тушу в сторону нашего с вором привала, марая низкую сухую траву густой, остывающей кровью зверя. Тревожная и безумная, ворочается в голове мысль: за эту кровь мне полагается заплатить. Но не монетой – чем-то другим. Когда-то я знал, чем платят зверю за кровь, а теперь забыл.

Я волоку кабана, ухватив за одно из задних копыт, а он цепляется за корни торчащим из разъявленной пасти желтым клыком и тарашится в закатное небо багровой глазницей. Как будто и после смерти он сопротивляется мне. Как будто он молит своего лесного дикого бога отомстить за несправедливость.

Я возвращаюсь с добычей, и вор встречает меня у костра, голодный, присмиревший и, кажется, впервые за этот день – благодарный. Мы вместе разделяем кабана, сооружаем вертел и подвешиваем над огнем тушу, и мертвая кровь, шипя, стекает в красные угли, и вор заходится кашлем, трескучим, как наш костер, и сплевывает в огонь темный слизистый сгусток собственной крови.

В эту секунду я понимаю, чем платят мертвому зверю. И я беру вертухайский нож с присохшей коростой кабаньей крови на лезвии, и этим ножом я делаю на левой ладони короткий разрез, и я встаю над костром и сжимаю руку в кулак, и алые капли, шипя, орошают убитого мною зверя.

Когда убиваешь человека – платишь за кровь монетой.

Когда убиваешь зверя – за кровь платишь кровью.

Глава 5

Дальний Восток. Урановый рудник «Гранитный».

Август 1945 г.

Начальник лагеря «Гранитный» подполковник Модинский сжал челюсти так, что захрустело в ушах, и едва заметно кивнул. Майор Гранкин, его помощник, откинул край брезента и направил на труп фонарик.

В невнятном буром месиве, на том самом месте, где Модинский предполагал увидеть голову вертухая, красовался круглый булыжник.

– Как? – хрипло процедил сквозь зубы Модинский.

– Зарезали его, об-бобрали, шашку рв-ванули – и втроем у-ушли, – волнуясь, Гранкин начинал заикаться. – Тут, сами видите, штольня ок-ка-азалась разведочная...

Гранкин суетливо прикрыл брезентом булыжник, заменивший вертухаю лицо, мазнул фонарем по кое-как расчищенному, с грудями камней по периметру, нутру штольни и указал на разлом в стене, из которого мутной сукровицей сочился закат.

– ...И выход наверху... ок-ка... – Гранкин мучительно напряг челюсти, силясь вытолкнуть из себя последнее слово, – ...азался.

– Ока-ка-ка-зался! – зло передразнил Модинский и с тоской подумал, что фляжку свою с коньяком напрасно оставил внизу, в лагере. – Двое блатных и капитан, фронтовик, кто б подумал! Сколько дней они готовили этот побег? Пробивали лаз в штольню? Динамита столько откуда у них?!

– Не могу знать, товарищ начальник! Всех трясую! Вы-ыясняю! – убито отрапортовал Гранкин.

– Мудями ты трясешь, попка ссыкливый! – заорал Модинский и пнул ботинком кусок гранита. Камень отлетел, ударился о труп вертухая, и из-под брезента выпростался посиневший, плотно сжатый кулак.

Модинский присел над трупом и, скалясь от натуги и отвращения, разжал окоченевшие пальцы. На каменный пол скользнула из холодной мертвой ладони замаранная кровью пятнадцатикопеечная монета.

– Что за... ч-черт? – начальник лагеря подобрал монету, безглаголиво повертел и сунул в карман.

Поднялся, попытался было с разбегу вскарабкаться к разлому в стене, но на середине расщелины соскользнул и грузно осел в гранитную пыль. Еще недавно подтянутый, дерзкий офицер НКГБ с эффектными кубиками мышц на покрытом пушистой порослью торсе – не дашь и сорока, не то что истинного полтинника, – в последние пару лет, с тех пор, как азался на службе в этой гранитной дыре, Модинский отрастил брюшко и мешки под глазами, обрюзг и пристрастился к грузинскому коньяку. Без коньяка ни с новым своим телом, ни со ссылкой в дальневосточное захолустье он смириться никак не мог. Как будто там, внутри, под слоем жира и дряблой кожи, сидел, как в камере-одиночке, настоящий Модинский, сильный и молодой. Как будто грузное тело было его собственным вертухаем, и коньяком он все пытался изничтожить его, отравить.

– Чего уставился, ну?! Лестницу мне сюда!

– Так вот же она, лестница, – Гранкин осветил фонарем на прислоненную к стене в паре метров от Модинского приставную лестницу и предупредительно пододвинул ее к разлому. – Я ж все предусмотрел, Михал Саньч, я и фляжечку вашу вам прихватил...

Модинский молча взял фляжку, втянул в себя три длинных, жгучих глотка и полез в пролом наверху. Гранкин, помявшись, устремился за ним, по-собачьи дыша в затылок.

Выбравшись на узкий карниз, Модинский качнулся было вперед, с трудом удержал равновесие и привалился к шершавой скале.

– Осторожно, тут высоко, – с некоторым опозданием сообщил Гранкин и взял его за рукав.

Модинский резко выдернул руку, выпрямился и уставился вниз, на розовую в предзакатном свете пену реки.

– Так мы общую тревогу объявляем, товарищ Модинский?

– Никакой тревоги. – Начальник лагеря хлебнул из фляжки. – Отсюда не выплыть. Ждем два дня. Если трупы вынесет, ты их сразу доставляешь сюда и пишешь мне рапорт: несчастный случай, завал, обрушение, четверо погибших, сактировали, закопали. Если трупы не вынесет, пишешь мне рапорт: несчастный случай, завал, обрушение, четверо погибших. Сактировали, закопали. Все, точка.

– Я не понял, товарищ подп-полковник. А в чем разница между первым и вторым вариантом рап-порта?

– Ни в чем, Гранкин.

– Но ведь это ж мы с вами – п-под статью, если скроем п-побег...

– А если не скроем?! – взревел Модинский, и горное эхо швырнуло в них осколками последнего слова: «скроем!», «роем!», «ем!».

– У вас глаз сильно красный, товарищ подполковник, – заметил вдруг Гранкин. – Сосуд, наверное, лопнул.

– Это рудник «Гранитный», – внезапно успокоившись, процедил сквозь зубы Модинский. – Объект. Особой. Секретности. Побегов здесь – не бывает. Точка.

Глава 6

Трещит вхолостую мотоциклетный движок. Я в гоночных латах и шлеме, в седле мотоцикла, на арене московского цирка. Передо мною ездочная дорожка, окольцовывающая манеж и переходящая в отвесную трехметровую стену.

Я проверяю закрепленную на груди «обойму» с метательными ножами: короткие лезвия, длинные рукояти. Я трогаю лезвия пальцами левой руки – и сам себе удивляюсь. Зачем я их трогаю? Ведь я поранюсь до крови, а мне сейчас выступать...

Все лезвия остро наточены – но они не ранят меня. Я изучаю руку, подушечки пальцев: нет ни следа. Лишь на ладони короткий, покрытый тонкой коркой разрез. Откуда он? Я вспоминаю, что вроде бы сам его сделал. В лесу, над костром... Где этот лес? Почему я здесь?..

Тревога прорастает во мне, как острые побеги бамбука. Грохочут аплодисменты и марш ударно-духового оркестра. Зал полон зрителей, и из первого ряда на меня смотрит блондинка в черном вечернем платье. Елена, моя жена. Но разве... Я разве не потерял ее четыре года назад?.. Она улыбается мне, беспечно и нежно, и ростки тревоги во мне засыхают и обращаются в прах, и даже царапина на ладони затягивается и исчезает. Все хорошо. Ведь все хорошо? Она здесь, со мной. На шее ее, на цепочке – золотые часы, такие же, как у меня, с моим портретом под крышкой. Все хорошо. Я ношу у сердца ее лицо, а она носит мое.

– Сегодня в нашем цирке! Смертельный! Н-номер! – надывается шпрыхшталмейстер в дешевом красном сюртуке с блестками. – Гонки по вертикали на мотоцикле! С одновременным метанием ножей! В живую! Женщину!.. Встречайте!.. Макса!.. Кронина! А-а-а теперь я приглашаю на сцену женщину-у! Кто готов поучаствовать в представлении добровольно, доверившись судьбе и н-неповторимому!.. Макс!.. Кронину?

Елена поднимается и выходит на сцену. Зал рукоплещет. Теперь на ней вместо черного платья – обтягивающее золотое трико. Когда она успела переодеться?.. Она встает в центре арены у затянутой черным бархатом стойки и разводит в стороны руки, будто прислонившись к невидимому кресту.

Шпрыхшталмейстер направляется к ней, жонглируя тремя апельсинами. Два апельсина он кладет на раскрытые ладони ее широко разведенных рук, один – на макушку. Он кричит:

– Запомните этот день! Двадцать первое июня! сорок первого! года!

И снова что-то не так. С трудом выдавливаю из глотки слова:

– Сейчас сорок пятый... год... Сейчас не тот день...

– Спи, спи, Циркач, – тихо шепчет шпрых, и во рту его блестит железная фикса. – Сегодня у нас мясной день...

Он стреляет из стартового пистолета, и мой мотоцикл срывается с места. Дорожка сама летит под колеса, зал вертится пестрой, стрекочущей каруселью – и начинает крениться: мотоцикл выходит на вертикаль. Я кидаю нож, я в себе уверен, это мой коронный бросок. Свистнув в воздухе, нож пробивает фрукт, лежащий в ладони моей жены, и пригвождает его к черной стойке. Зал охает. Елена подносит освободившуюся руку к губам и посылает мне поцелуй. Цирк бешено вертится, я мечу еще один нож, и еще один.

Зал вдруг смолкает. Я замедляюсь, съезжаю с вертикали на ездочную дорожку, останавливаю мотоцикл. Три апельсина пригвождены к стойке, три липких, сладких дорожки сока на черном бархате, но на полу, под стойкой, не сок, а кровь... А женщины нет. Моей женщины нет.

– Лена? – я прыгиваю с мотоциклета и выбегаю в центр арены.

Мне хочется кричать, но горло перехвачено спазмом, и я с трудом, почти беззвучно выдавливаю:

– Лена, где ты?

– Тут бабы твоей точно нет, – шипит мне в ухо шпрых и сухо, с присвистом, кашляет.

В руке его – нож; лезвие вымазано в апельсиновом соке и чьей-то крови. Я не могу его оттолкнуть, я не в состоянии шевелиться. Я понимаю, что это сон, – но я им не управляю. Холодная, липкая сталь касается моей шеи – не только во сне, но и по ту сторону сна.

Из зала свистят. Один из зрителей в первом ряду встает. Он кажется мне смутно знакомым. Высокий и худощавый, с деревянно-прямой спиной, моложавый, но абсолютно седой, в дорогом костюме. Лица его мне со сцены не видно, но я откуда-то знаю, что глаза у него цвета оплавленного свинца. Он поднимает руку в лайковой черной перчатке. Двумя черными пальцами он держит золотые часы за цепочку. Часы раскачиваются из стороны в сторону, а он говорит:

– Ты мне все еще нужен, Кронин. Не позволяй резать себя как свинью. Не позволяй тому, кто тебе снится, быть сильнее тебя! Я разрешаю тебе вспомнить, как контролировать сон! Я буду считать до пяти. Когда я скажу «пять», ты проснешься! Раз...

Первым делом я отменяю время. Во сне оно всегда течет медленно, но сейчас я его совсем останавливаю – оно не движется, пока седой человек в костюме считает вслух. Шпрыхшталь-мастер замирает с ножом, приставленным к моей шее. Зрители в зале застывают в нелепых позах, их лица – как дешевые маски из итальянских уличных представлений. Я тоже не двигаюсь. И седой человек в костюме. Только часы на цепочке, которые он держит в руке, болтаются из стороны в сторону.

– Два...

Я представляю себе тигра, мечущегося в клетке там, за кулисами. Я создаю его силой мысли – большого, голодного зверя. Я создаю его клетку, и дверцу клетки, и того бестолкового человека, который забыл ее запереть.

– Три...

Я представляю, как тигр крадется по коридору и замирает за кулисами, готовясь к своему новому номеру. Я представляю себе его полосатый хвост, беззвучно и резко вычерчивающий на полу полукруги, то слева направо, то справа налево, как взбесившаяся секундная стрелка. Я представляю себе его напружиненные задние лапы.

– Четыре...

Я представляю прыжок.

И, преодолевая сопротивление сна, я заставляю мой язык шевелиться, и я выдавливаю из себя:

– Тигр на арене!

Мой тигр выпрыгивает на сцену с утробным рычанием, и красный с блестками камзол шпрыхста чернеет под мышками, от этих черных пятен несет застарелым потом, перемешанным с потом свежим, и грязный нож в руке шпрыхштальмастера мелко-мелко трясется.

– В натуре тигр, бля буду... – лопочет он.

Теперь, когда он удивлен и напуган, я, наконец, возвращаю себе контроль. И я хватаю и выкручиваю его трясущуюся, слабую руку, я подбираю выпавший нож, и в тот момент, когда седой человек в черных перчатках говорит...

– Пять!

...я кидаю нож прямо в седого человека в перчатках. И я просыпаюсь, даже не посмотрев, попал ли я ему в сердце. Я абсолютно в себе уверен. Это мой коронный бросок.

– Порешить меня хотел, падла, пока я сплю? – Кронин резко выкрутил Флинту руку – вертухайский трофейный нож выпал и ткнулся острием в землю, – повалил его и схватил за горло.

Флинт раззявил рот с белесой трубочкой языка в немом кашле; глаза его, панически выпученные, смотрели не на Кронина, а куда-то ему за спину и чуть вбок, в безразмерную черноту, в редких паузах между деревьями истыканную занозами звезд.

– На меня смотреть, сука! – взбесился Кронин.

– Ты во сне про тигра базарил... – просипел Флинт, продолжая тарашиться в ночь. – Вон он, у тебя за спиной!

– Фуфло гонишь, – Кронин немного ослабил хватку.

– Бля буду, – прошептал Флинт и потянулся к голенищу сапога. – Рычит, слышь? Щас обоих нас схавает...

Кронин молча перехватил дрожащую руку Флинта, молниеносным движением фокусника вытянул из Флинтова сапога ложку-самоточку – и лишь после того застыл и прислушался. Треск костра. Свистящее дыхание Флинта. И влажное, нутряное рычание.

Продолжая прижимать Флинта к земле, Кронин медленно обернулся.

Тигр, поджарый, крупный, стоял рядом с деревом, в нескольких шагах от костра, напряжинив задние лапы. Приоткрытая пасть с четырьмя лоснящимися клыками, черный узор на лбу: три горизонтальные полосы, перечеркнутые по центру одной вертикальной. Хвост вычерчивал на земле полукруги, слева направо, справа налево, как взбесившаяся секундная стрелка.

Вспышкой бреда мелькнула в голове Кронина мысль, что не только в сон, но и сюда, в ночную тайгу, он привел животное усилием воли, что он может им управлять. Впрочем, нет, все проще: тигр пришел по кровавому следу убитого кабана.

И сейчас он прыгнет.

Глядя тигру прямо в глаза, Кронин плавно, не совершая резких движений, отпустил шею Флинта, нащупал торчащую из земли рукоять и вытянул нож.

Тигр сощурил янтарные глаза и покосился на направленное на него острие. Перевел взгляд на Флинта: тот, скрючившись, лежал на земле и прикрывал рот ладонью, чтобы заглушить кашель; на спине его подрагивала наскоро сварганенная из подкладки бушлата, вся в сальных пятнах, котомка, из котомки высовывался здоровенный ломоть зажаренного кабана. Тигр снова посмотрел в глаза Кронину, и тому показалось, что диким своим чутьем зверь понял расклад. Вот есть сильный, с острым металлом в руке. А вот с ним рядом валяется, точно падаль, больной и слабый. Этот слабый хотел украсть добытое сильным мясо, зарезать сильного и сбежать. Тигр не тронет сильного, но тот должен отдать ему слабого – без крови, без боя. Это честная, справедливая сделка.

Кронин медленно, очень медленно отполз от Флинта чуть в сторону, продолжая смотреть в глаза тигру и как бы обозначая, что принял условия соглашения.

Тигр плавно, как в замедленной съемке, моргнул – и прыгнул на Флинта.

– Прости, киса, – Кронин прицелился и метнул нож.

Пропоров полосатую шкуру, нож вошел в спину тигра под левой лопаткой по самую рукоять. Прямо в сердце: Кронин удовлетворенно кивнул. Милосердная, быстрая смерть без мучений, зверь ее заслужил. Вот сейчас он застынет – короткий вдох, длинный выдох – и рухнет на Флинта...

Тигр застыл, по-прежнему нависая над Флинтом, сделал короткий, мучительный вдох – но не рухнул, а повернул к Кронину оскаленную в бешенстве морду и тихо, протяжно рыкнул. Не глядя, дважды полоснул Флинта по лицу лапой, будто отвесил пару пощечин, и сделал шаг к Кронину, не отводя от него потемневших от боли и гнева янтарных глаз. Рукоятка ножа торчала из-под лопатки.

Невозможно. Нож вошел в сердце. Он должен быть мертв. Кронин сжал в руке самоточку.

Тигр сделал еще один шаг, наморщил нос и напряжился. Полосатая шкура на спине и на левой лапе пропиталась кровью и в отблесках костра казалась огненной, раскаленной... Тигр снова рыкнул.

Секундой позже утробный рык послышался сверху, как будто зверю ответил яростный лесной бог. Кривое лезвие молнии порезало черное небо на лоскуты. И в этом высверке узор на лбу тигра – три перечеркнутые полоски – показался Кронину как будто знакомым... Шрам на груди, его собственный шрам, имел такую же форму...

Смотреть в глаза. С диким зверем главное – не отводить взгляд, это Кронин выучил в цирке. Кто отведет глаза первым – тот проиграл, потерял контроль.

«Уходи, – мысленно сказал тигру Кронин. – Уходи, ты ранен и слаб».

Несколько секунд тигр смотрел на Кронина, тяжело и хрипло дыша, потом резко отвернулся, одним прыжком пересек поляну и нырнул в темноту.

Кронин выдохнул и, по-прежнему сжимая в руке самоточку, подошел к возившемуся на земле Флинту. Вытянул из кармана воровского бушлата свои часы на цепочке. Пнул вора сапогом:

– А ну встал.

Флинт поднялся. На щеке его багровели следы когтей.

– Я уж думал, амбец мне, – осторожно, но без заискивания сообщил вор, – ни бзднуть, ни пёрнуть.

Кронин молча схватил его за грудки, стряхнул с плеча котомку с кабаньим мясом и поставил к горлу острие самоточки.

– Что ж ты, вор, за пайку жирную и котлы решил товарища замочить?

– Какой ты мне товарищ, – просипел Флинт. – И не в пайке дело... И не в котлах.

– Договор был! – Кронин чуть вдавил острие; на тощей шее Флинта выступила бусинка крови.

– И что теперь? Припорешь меня – и монетку в пасть сунешь? – Флинт поперхнулся собственным смехом и, изловчившись, сплюнул бурый сгусток под ноги Кронину. – Не-е-ет, не припорешь, я тебе нужен. Без меня ты бабу свою не найдешь.

Раздался гром – гораздо ближе и громче, чем минуту назад.

– Вот как все будет, Флинт. Если скажешь сейчас, где ее искать, – останешься жив. Своей дорогой пойдешь, я – своей. А если нет – припорю. Ну?! – удерживая Флинта левой рукой, правой Кронин сильнее надавил на ложку. Темная бусина медленно поползла по щетинистой коже Флинта, оставляя за собой тонкую алую дорожку, и впиталась в ворот бушлата – вместе с первыми каплями дождя.

– Заточку убери, на шаг отойди – тогда побазарим, – спокойно ответил Флинт.

Секунду помедлив, Кронин отпустил Флинта и отвел от него руку с заточкой. Запрокинул лицо к небу.

– Бабу твою я в Маньчжурии с двумя япошками видел. Больше года назад. Япошки там, у маньчжур, такое творили... Лютые, как волки на овец. Не боишься, что они ее давно уже?.. – Флинт чиркнул себя по горлу воображаемым острием, размазав пальцами кровь, и многозначительно умолк.

– Не твоя забота, чего я боюсь. Расстегивай бушлат.

– Что за фуфло, зачем тебе мой бушлат? – растерялся Флинт.

– Костер спасти будем, чо. Сейчас ливанет.

Вверху оглушительно грохотнуло, еще одна молния косо рассекла тьму – и, словно перерезали магистральную артерию неба, потоки воды мгновенно захлестнули тайгу.

Задрал и сомкнув над головами полы бушлатов, нос к носу, с налипшими на лбы волосами, Флинт с Крониним согнулись над хилым, бессильно шипящим костром в корнях плешивой сосны.

– Дай точное место! – перекрикивая очередной раскат грома, проорал Кронин. – Где конкретно ты видел Лену?

– Точное место дам, когда ты мне подсобишь границу перескочить! – проорал в ответ Флинт и зашелся в приступе кашля, одной рукой заслоняя рот. Отвел ладонь под струи дождя – и смыл с руки кровь. – Я честный вор, мое слово железное.

– Только ржавеет быстро... Какая нам граница с тобой?! Ты только что меня спящего хотел припороть, честный вор так не поступает! Последний раз говорю: дашь мне точное место, где Лену искать, – разбегаемся, нет – здесь подохнешь.

– А если я про место загну? – прищурился Флинт. – Ты ж честным вором меня не считаешь. Тогда что? Фуффло мое схавает, закуточку с собой дашь и отпустишь?

– Не схавую. Когда мне врут, я по глазам вижу.

Костер с шипением испустил дух – последний тонкий дымок – и погас. И вместе с костром почти мгновенно иссяк небесный поток, как будто единственной его задачей было лишить их тепла.

Поежившись, Флинт запахнул насквозь мокрый бушлат и присел на корень сосны.

– Ты все-таки, Кронин, чокнутый, – сказал он. – Давай мы так с тобой порешим. За свой поступок я тебе сейчас поясню, а ты в глаза мне смотри – фуффло гоню или нет. Если фуффло – значит, порешишь меня здесь, я без тебя до границы все равно не дойду. А если поверишь – то дальше вместе. Согласен?

Кронин уселся рядом.

– Говори, Флинт.

– Я думал, ты перевертыш.

– Я – кто?!

– Ну, оборотень, нежить такая – то в человека перекидывается, то в зверя, но суть его – бесовская, мертвяцкая... Чо лыбишься, как майская роза? Я знаю, что говорю. Ты, Кронин, сразу, как мы вертухая пришили, мне подозрителен стал. То жмуру монету подаришь, то сучонка отпустишь, спички-часики из пустоты достаешь, руку сам себе вскрыл и кровь в огонь капнул... На груди твоей йероглиф китайский вырезан. Кабана без ружья пришил и мне сюда приволок... А я ж вижу – у него спина тигриными когтями вся вспорота. Что я должен был думать?!

– Что я – тигр?! Что я задрал кабана? Ты в своем уме вообще, Флинт? Ты же вор! Как ты можешь верить в это фуффло?!

– А я обосную. Двадцать лет назад я в Маньчжурии золото через границу возил. И меня подстрелили. Хунхузы. Легкое мне пробрили, – Флинт распахнул мокрый бушлат и показал Кронину шрам от пули. – Песочек рыжий забрали, меня оставили подыхать. Я юшкой харкал – вот как сейчас. Тогда мой кореш, охотник, к девке меня повел. На себе поволок. Косоглазая, по прозвищу Хулидзин... Она была ведьма. Перекидывалась в лисицу с тремя хвостами. Я сам видел, бля буду. И та девка меня травой какой-то поила, и все время смеялась, и еще она мне... – Флинт замаялся. – Короче, за три дня я на ноги встал. А когда я от нее уходил, она сказала: «Я сейчас одну твою смерть от тебя отвела, а взамен тебе другую придумала. Ты узнаешь, что смерть твоя рядом, когда опять встретишь оборотня. На том оборотне будет йероглиф «ван», по-русски значит вожак, хозяин. Он убьет тебя сам – или оставит на тебе свою метку, чтобы смерть тебя быстро нашла»... – Флинт закашлялся.

Продолжая перхатъ, вытянул из погасшего костра полусгоревшую палку, начертил на мокрой золе три горизонтальные полосы, перечеркнул их посередине одной вертикальной.

– Вот это – йероглиф «ван», – сказал он хрипло, когда приступ прошел. – Такой же – у тебя на груди. В натуре не помнишь, Кронин, кто тебя так расписал?

– В натуре не помню.

– И где ж тебе так кукушку встряхнули?

– Контузило на войне.

– А я подумал, ты мне в уши ссышь, что не помнишь. Что ты мой перевертыш и есть. Решил тебя припороть, чтоб от смерти своей слететь. А потом тигр с этим «ваном» на лбу меня чуть не замочил, а ты мне жизнь спас. Выходит, он перевертыш, а ты нормальный мужик. Облажался я, Кронин. Вперед к тебе уважение обещаю иметь. Ну что, канаем вдвоем? Или, скажешь, я фуфло тебе гнал?

– Фуфло. Но ты в него честно веришь. Так что канаем, – Кронин встал и протянул Флинту руку.

– Сам встану. – Вор поднялся, добрал до котомки с кабаньим мясом, подобрал ее, повесил на плечо – и его снова пробил озноб.

«Мясо вепря дают человеку в последний путь», – подумал вдруг Кронин и тут же раздраженно поморщился. Он не помнил, кто ему это сказал или где он это прочел. Может быть, сам только что выдумал.

– Солнце выйдет – обсушимся, – Кронин глянул в пепельно-серое небо с набухающей гематомой рассвета. – А пока пойдем, а то околеем.

– Только с хавчиком, – Флинт излек из торбы два куска мяса, один протянул Кронину – и улыбнулся вдруг совершенно детской улыбкой.

На щеке его темнели отметины от когтей тигра: три горизонтальные борозды и перечеркивающая их поперечная.

Глава 7

Москва. Кремлевская больница на Воздвиженке.

Август 1945 г.

– Вот рубашка, галстук и брюки, товарищ полковник. Хоть убей, никак не пойму, зачем они вам в больнице... А вот по списку, Глеб Арнольдович, как вы просили. Достать было непросто, – Силowieв многозначительно воздел указательный палец и принялся выкладывать из объемистой сумки на больничную тумбочку кульки с сушеными травами. – Женьшень княжеский, красный клевер алтайский, красные финики китайские, дудник китайский, бессмертник, корень лакричника... и вот... – Силowieв плюхнул поверх кульков сетчатую авоську, – яблочки!

– Я не просил яблочки, – поморщился Аристов.

– Так для сердца яблочки – самое то! Там витаминов знаете сколько? – Лоснясь улыбкой, Силowieв покровительственно оглядел шефа. Тот был бледен, небрит и в больничном халате выглядел почти жалким.

– В яблоках железо! – одобрительно прогудел сосед Аристова по палате, пожилой энкавэдэшник с багровым лицом. – У кого сердечные дела, как у нас, тем без железа никак!

– Я вам обоим сейчас помою самые спелые! – Силowieв цапнул из авоськи два больших яблока и поднялся было со стула.

– Сидеть, – процедил Аристов так тихо, что Силowieв даже засомневался, прозвучала ли реплика во всеуслышание – или только в его голове. Он осторожно положил фрукты обратно в авоську, опустил на стул и принялся сосредоточенно разглядывать круглую сетчатую штучковину в обрамлении птичьих перьев и бусин, подвешенную у изголовья аристовской койки.

– Красивая вещица, – с сомнением пробормотал Силowieв. – У меня племянник тоже поделочки мастерит. Своими руками. Перьев на улице насобирает – и...

– Это ловец снов, – перебил Аристов. – Тебе кошмары по ночам снятся, Силowieв? Можешь не отвечать. Знаю, что снятся. Попроси своего племянника тебе такую же штуку сделать. Сетка плотная должна быть. Чтоб кошмары не пропускать.

– А ко мне мертвецы по ночам приходят, – встрял сосед по палате. – С дыркой во лбу, вот тут, – он ткнул себя в багровый, со вздутыми венами, лоб.

– В вашем случае необходим крепкий дневной сон, – брезгливо отозвался Аристов.

– А я днем никогда не сплю, такая моя особенность организма. Как-то раз даже...

– Раз, – сказал Аристов. – Ваши веки тяжелеют.

– Что?.. – лицо энкавэдэшника побагровело еще сильнее.

– Два. Вы чувствуете усталость. Не пытайтесь бороться с усталостью. На счет «три» вы заснете... Три. Вы спите. Вы крепко спите. Вам снятся люди, которых вы поставили к стенке...

– Зачем же так, товарищ полковник... – Силowieв сочувственно уставился на спящего старика. Тот резко, прерывисто всхрапнул не то всхлипнул – и заскрипел зубами. Зрачки его метались под набрякшими веками.

– Чтоб не мешал, – равнодушно ответил Аристов.

– Это да, но мертвецы-то во сне...

– Уверен, он с ними сладит. Живые в снах гораздо опасней мертвых. Как, впрочем, и наяву... – Аристов резко сел на кровати. – Ты собрал то, что мне нужно? Принес?

– Так травки же... – промямлил Силowieв. – Вам, кстати, заварить? Я и кипяточек с собой... – Силowieв суетливо запустил пятерню в сумку.

– Не травки. Информацию.

Рука Силowieва застыла на дне сумки.

– Мне ваш доктор строго-настрого велел вас не волновать и по работе не дергать. Он сказал, у вас ночью сердце остановилось. Еле вас откачали и сюда привезли. А информация... она бывает очень волнительной... Давайте мы, товарищ полковник,ждемся выписки, а там уж я вам всю информацию в лучшем виде...

– Сегодня. Сейчас, – Аристов требовательно протянул руку. – Я считаю до трех, Силовьев. На счет «три» ты узнаешь, что чувствует человек с остановкой сердца.

– Тут по «Отряду-512» в Маньчжурии! – Силовьев быстро извлек из сумки тонкую папку и вложил в руку шефа. – Их неделю назад наши десантники накрыли. Двенадцать японцев при штурме погибли, пленных нет, два грузовика прорвались через оцепление.

– Нужен полный...

– ...список участников операции, протоколы допросов, отчеты – все тут, Глеб Арнольдович.

– Молодцом, Силовьев, – полковник раскрыл папку и хищно впился взглядом в верхний листок. – А по Максиму Кронину? Что-то есть?

– По Кронину... неудачно. Он в «Гранитном» срок отбывал – урановый рудник в системе Дальлага...

– Отбывал? Почему прошедшее время?

Силовьев виновато поерзал на стуле.

– Погиб, товарищ полковник. Неделю назад. Обвал в штольне. С ним еще два зэка из уголовных и конвоир. Всех насмерть.

– Завари-ка мне бессмертник, Силовьев, – Аристов откинулся на подушку.

– Слушаюсь! – Силовьев с облегчением подскочил, выудил со дна сумки кипятыльник, схватил стакан. – Водичка нужна. Туалет где, на этаже?

– Туалет в палате, – Аристов указал взглядом на дверь за спиной Силовьева. – Это Кремлевская больница. Для избранных. Избранные не ходят ссать на этаж.

– Понял.

Силовьев метнулся за дверь, вернулся со стаканом воды, приладил кипятыльник.

– Тела нашли?

Багроволицый энкавэдэшник громко всхрипнул и шмякнул себя ладонью по лбу.

– Тела, товарищ полковник?..

– Тела зэка, погибших в «Гранитном».

– Так точно. Нашли.

Аристов прикрыл глаза, вслушиваясь в нарастающее бульканье кипящей воды.

– Товарищ полковник, сколько бессмертника на стакан?

– Сыпь весь. Бессмертника много не бывает, – Аристов открыл глаза. – Я не верю, что Кронин мертв.

– Почему, Глеб Арнольдович?

– Пункт первый. Кронин – особенный человек. Пункт второй. Утверждать, что он умер, можно, только если перед тобой его труп. Да и то имеет смысл убедиться, что у трупа отсутствует пульс. Пункт третий. Я видел Кронина живым вчера ночью.

– Где?! – Силовьев бухнул в стакан с кипятком пригоршню буро-желтых сухих цветков и растерянно уставился на полковника.

– Во сне.

– Но, товарищ полковник... Мне, к примеру, вчера бабуля приснилась. Она тоже особенная была, такие блинчики жарила, – Силовьев принялся энергично помешивать бессмертник, звеня ложечкой о стакан. – Вот уже три года, как умерла. Совершенно точно, я труп в гробу видел. Пульс, правда, не проверял...

– Перестань брэнчать! – Аристов раздраженно поморщился. – Я не в своем сне видел Кронина!

- А в чем? – Силовьев в последний раз робко звякнул ложечкой.
- В его.
- Не понял, товарищ полковник.

Аристов дернул уголком рта и ничего не сказал. Бесплезно. Из этой тупой шестерки ему не вырастить настоящего помощника никогда. И что бы он Силовьеву ни сказал и ни показал, и сколько бы раз тот ни становился свидетелем *чуда*, он все равно не сможет вырваться за рамки обыденности. Не сможет стать менталистом. Останется преданным, исполнительным рохлей, жующим блинчик или беляш и спотыкающимся в дверях. Он никогда *не поймет*. Никогда не заменит Максима Кронина.

А впрочем, Кронина не заменит никто. Макс великолепен даже теперь – живущий в плоском, необъемном, примитивном мирке, где все поделены на своих и врагов. Лишенный навыков, лишенный чудес, лишенный воспоминаний о чудесах. Забывший все, что он когда-то умел. Забывший того, кто его всему научил. Он, Аристов, с кровью вырвал из Кронина все чудеса, он оскотил и прогнал его, как провинившегося шелудивого кобеля... Но иногда – нет, не оттого, что скучал, а просто удостовериться, что Кронин по-прежнему под контролем, – он проникал в его сны.

Искусство входа в чужие сны – одно из самых опасных для менталиста. В чужие сны не ввалишься с улицы, вышибив дверь, не проскользнешь во тьме, поковырявшись в замке отмычкой. В чужие сны можно только шагнуть из собственных снов. Шагнуть – и не сорваться в промозглую пустоту, в которой лязгают жернова безумия и беспамятства.

Сон постороннего человека – как поезд, несущийся вдоль обрыва на полном ходу. Чуть не рассчитаешь, пытаешься запрыгнуть в него с другой стороны обрыва, – сознание твое навсегда перемелется в кашу, в межсонье, в предсонье, в гриппозную, тошнотворную путаницу обрывков воспоминаний, своих и чужих, и бреда, своего и чужого, в уродливую грудку асимметричных фигур, осыпавшихся мозаик, несходящихся уравнений и не складывающихся в слова букв. А тело твое, парализованное, коматозное, с перекошенным ртом, со слюнями на подбородке, с расширенными зрачками, – да, тело твое доставят в больницу навроде этой. И врач с важным видом скажет: «С ним во сне случился удар», и даже не будет знать, насколько он прав.

Нет, прыгать в кронинский сон на полном ходу – это риск. Он знал менталистов, которые рисковали, вот взять того же Юнгера, например. Но Аристов не любил риск. Он любил точность расчетов. В сон Кронина он попадал не как каскадер – скорее, как стрелочник. Не прыгал через бешено гудящую пустоту – но четко и уверенно направлял свой собственный сон на общие пути их с Крониним воспоминаний, к той точке, где стрелки их видений пересекались, где бешеные составы их снов бесшумно и мягко входили в текучую ткань друг друга. К той точке, где им снилось одно и то же. И в этой точке Аристов ловко совершал пересадку – точнее сказать, он ловко оставался сидеть на собственном месте – в московском цирке, в первом ряду, рядом с Еленой и Юнгером, ее сводным братом, 21 июня 41-го года, – но просто это был уже не его, а кронинский сон.

Сон Кронина про тот вечер, когда он утратил контроль над собственной жизнью, когда он потерял сразу все – жену, и *чудо*, и смысл. Про вечер, когда Аристов лишил его всего разом. Про вечер накануне войны. Удобно, что этот вечер снился Кронину регулярно, повторялся снова и снова, кошмарной тенью скользя по кругу кронинского сознания, как мотоцикл по краю арены, лишь с небольшими вариациями в сюжете.

Обычно Елена сразу же исчезала, как только Кронин кидал свой нож, и после нее на сцене оставался сочащийся кровью распоротый апельсин. Случалось также, что нож входил ей в живот и пригвождал к черной стойке, как булавка бабочку-лимонницу. Она улыбалась и махала ему рукой, а изо рта ее вытекала ржавая струйка апельсиновой липкой сукровицы.

Однажды на сцену вместо Елены выбрался Юнгер. Он встал, раскинув руки, как на кресте, и сказал с этим своим мягким немецким акцентом – очень громко, со сцены сказал Кронину то, что в реальности когда-то нашептал ему в ухо:

– Я хочу увезти Елену. Ты хочешь тоже сбежать? Я говорю с тобой сейчас не как сотрудник абвера, а как брат твоей жены. Я не предлагаю тебе измену. Только свободу! У меня есть окно на границе, швейцарские паспорта...

И Кронин громко ответил «нет», и под рев и свист зрителей метнул в Юнгера нож, а Юнгер стоял на сцене с ножом во лбу и говорил ему, почти ласково:

– Ты Dummkopf. Фанатик. Ты погибнешь тут, Макс. Тебя поставят к стенке твои же дружки с Лубянки...

Чуть реже события приближались к тому, как все было на самом деле, и Кронин тогда метал свои ножи не в Елену, а в ассистентку по имени Аннабель, жена же смотрела на него из первого ряда. Потом он вдруг замечал, что ее место пустует, в антракте обнаруживал на зеркале в гримерке слово «прости», написанное ее почерком, ее красной помадой, и брел обратно на сцену, раздавленный, под хлопки и свист зрителей...

Аристов никогда не вмешивался в ход сна. Он спокойно сидел в зрительном зале, оставаясь полужнакомым пятном на периферии зрения и сознания, сохраняя инкогнито, – и уходил, когда ему становилось скучно или ткань сновиденья рвалась, распоротая острыми краями воспоминаний, к которым Аристов закрыл Кронину доступ...

Но вчера что-то внезапно пошло не так. Что-то неправильное происходило со шпехшталмейстером, он слишком много на себя взял, перетянул на себя весь сон, и он был явно, очевидно *двойным*: в его словах, в его щербатом оскале, и даже в позе его отражался другой человек. И человек этот представлял смертельную угрозу для Кронина по ту сторону сна.

Смерти Кронина Аристов не мог допустить. Никаких сантиментов, никакой стариковской привязанности к ученику – просто чистый расчет: Максим Кронин нужен ему живым.

Так что Аристов впервые нарушил принцип. Вмешался. Он вернул контроль Макс Кронину на несколько жалких секунд, чтобы тот мог спасти свою жалкую шкуру, – и сразу же получил нож под ребра.

Что ж, любуйтесь на результат: остановка сердца, больница, лучший в стране кардиолог не понимает причины.

А причина проста: Макс Кронин великолепен. Даже теперь.

– Как мы себя сегодня чувствуем, Глеб Арнольдович? – Вино-горский, лучший в стране кардиолог, по обыкновению своему, прошмыгнул в палату бесшумно и незаметно, словно через одному ему известную больничную щель, и замер в метре от Аристова, беспокойно оглаживая пальцами усы и с насекомой осторожностью оценивая то ли состояние пациента, то ли степень исходившей от пациента угрозы.

– Мы сегодня чувствуем себя превосходно, – Аристов отложил принесенную Силovieвым папку. – Вашими стараниями, доктор.

– А мы что же, забыли, что нам нельзя утомляться? – Вино-горский неприязненно зыркнул на ссутулившегося Силovieва и одобрительно – на спящего энкавэдэшника. – Покой и сон – залог нашего с вами выздоровления. Распахиваем халатик...

Виногорский просеменил, наконец, к койке Аристова, пристроился рядом и прислонил к его груди трубочку фонендоскопа, хищно и нежно, как слепень – хоботок. Замер, вслушался в пульсацию крови.

– Превосходно... У нас с вами весьма любопытный случай... – Виногорский закрыл глаза и переместил хоботок в центр груди. – Нарушение ритма и остановка сердца на фоне полного здоровья... Симптоматика повреждения перикарда и кардиальной мышцы... Таковую картину часто дает проникающее ножевое ранение...

– На вас напали, товарищ полковник?! – всполошился Силовьев.

– Молчим и не мешаем осмотру! Симптоматика ножевого ранения – но самого ранения нет! Кстати, а это у нас что за старенький шрамик? Интересная форма, напоминает китайский ироглиф «ван».

Хоботок фонендоскопа потыкался в три белесые горизонтальные линии, перечеркнутые посередине одной вертикальной. Силовьев дико скопил глаза на грудь шефа, стараясь не шевелиться и не поворачивать головы.

– Мы владеем китайским языком, доктор? – Аристов с интересом оглядел Виногорского.

– Знаю пару ироглифов. В девятьсот седьмом служил в Маньчжурии фельдшером... «Ван» – знак власти. Китайцы считают, у кого такой знак, с тем рядом смерть ходит. Как бы ни было, Глеб Арнольдович, наши с вами симптомы ушли в течение суток, это прекрасно. – Хоботок переместился чуть выше, к левой ключице. – Но в ближайшую неделю мы выписаться не можем никак. Наблюдение и покой – вот что нам с вами нужно, наблюдение и покой...

– Ну, раз нужно... Я всецело вам доверяю. Вы же личный доктор наркома, не так ли? – Аристов наградил Виногорского одной из самых своих дружелюбных улыбок и отметил, что хоботок беспокойно дернулся. – Раз уж вам удастся решать все... пикантные, скажем так, проблемы со здоровьем наркома, и даже не по вашему профилю, то в моем уж случае...

Хоботок резко отлепился от шеи Аристова.

– Откуда вам известны?... – Виногорский покосился на спящего энкавэдэшника и покрывшегося испариной Силовьева и не закончил фразу.

– Откуда *нам с вами* известны симптомы, тревожащие наркома? – Аристов запахнул халат и свесил голые ноги с кровати. – Так ведь вы же сами мне вчера рассказали, пока снимали кардиограмму, не помните? Я напомню. Вы сказали, он подхватил кое-что. Эх, все беды от женщин, верно?... И теперь он через день приезжает на процедуры. Значит, завтра снова приедет. Так?

Виногорский отошел от койки Аристова на пару шагов, пригладил усы и замер, как насекомое, почуявшее опасность и притворившееся мертвым, но готовое укусить.

– Я не разглашаю информацию о моих пациентах.

– Вот и славно! – Аристов отхлебнул отвара бессмертника, довольно причмокнул и положил принесенную Силовьевым папку себе на колени. – Я вас не прошу мне больше ничего разглашать. Я прошу вас о маленьком одолжении, доктор. Когда завтра у вашего *пациента* закончится процедура, я хотел бы с ним переговорить. Очень коротко. Лично. Вопрос государственной важности. Это ясно?

Не дожидаясь ответа, Аристов деловито погрузился в изучение бумаг, словно сидел за дубовым столом в своем кабинете в костюме и галстуке, а не здесь, свесив с койки худые волосатые ноги.

Виногорский облизнул усы сухим языком и едва заметно кивнул:

– Посмотрим, что мы с вами сможем завтра сделать... для государства.

Глава 8

№ 79

Из протокола допроса свидетеля, майора Бойко С. М.

Допрос провел полковой уполномоченный ОКР СМЕРШ 381-й дивизии (Дальневост. фронт) Рябьшев В. И. 23.08.1945

Бойко Сергей Михайлович, 1905 г. р., уроженец города Ворошилов, командир 7-й десантной роты 783-го стрелкового полка 381-й дивизии (15 арм., Дальневост. фронт). Временный гарнизон в г. Лисьи Броды.

Вопрос: Майор Бойко, вы 19 августа руководили операцией по захвату японской военной лаборатории «Отряд-512»?

Ответ: Так точно.

Вопрос: Итоги операции?

Ответ: Я все указал в рапорте.

Вопрос: Для нас повторите.

Ответ: При захвате ранены двое моих бойцов, один убит, с японской стороны потери составили 12 человек убитыми, из них четверо зарезали себя сами, чтобы не сдаться в плен. Несколько японцев, от 7 до 10, точнее сказать не могу, прорвались через оцепление и сбежали на двух грузовиках. С собой они увезли подопытных пленных, около 12 человек. А также подопытных животных: волка, собак и лисиц.

Вопрос: Почему пустили японцев? Почему не отбили пленных? Провалили операцию!

Ответ: При всем уважении, лично я считаю операцию успешной. Мы потеряли только одного бойца при захвате, враг – больше половины состава. Да, нам не удалось отбить пленных и захватить «Отряд-512» в полном составе, но в этом нет ни моей вины, ни моих ребят. Я неоднократно сообщал командиру полка о готовности к операции, однако дата захвата несколько раз откладывалась.

Вопрос: Майор Бойко, вы утверждаете, что виноват командир полка?

Ответ: Я не это хочу сказать.

Вопрос: А что же?

Ответ: В день, когда мы, наконец, получили приказ к наступлению, враг уже был предупрежден. Мы с ребятами сработали чисто и сделали, что могли, по максимуму, несмотря на обстоятельства и плохие погодные условия, проливной дождь. Следуя приказу, мы начали операцию по захвату лаборатории «Отряд-512» в 18:00. Когда я со снайпером Тарасевичем и с группой ребят расположился в кустарнике на холме, японцы на территории лаборатории уже жгли бумаги в бочках из-под горючего и заканчивали погрузку оборудования, я видел в

бинокль. В 18:10 капитан Деев, следуя нашему плану и моему приказу, рискуя собственной жизнью, тайно проник на территорию «Отряда-512» через ограждение. С ним была группа из трех бойцов.

Они устранили часовых, открыли ворота территории и подали нам сигнал из ракетницы. В это же время снайпер Тарасевич успешно уничтожил вражеского пулеметчика. В 18:15 я с ребятами вошел на территорию лаборатории. Нами была захвачена пулеметная вышка, у них там был станковый «Тип 92». Мы открыли огонь по врагу из ППШ и пулемета. Но они уже погрузили и оборудование, и пленных! Они были готовы, знали, что мы идем!

Вопрос: Пленные у них кто, китайцы?

Ответ: В основном там были женщины китайской наружности, но и несколько славянских парней, если я правильно разглядел. Все сильно заросшие, босиком и в больничных робах. Двоих японский офицер пристрелил на месте за медлительность, они остались валяться в луже, в грязи. Одна пленная была одета не как остальные, в прорезиненный плащ с капюшоном. Лица не видел. Мне показалось, я видел выбившуюся светлую прядь. Ее с черного хода вывел японец в форме капитана и со старинным мечом.

Вопрос: С каким мечом?!

Ответ: С самурайским старинным мечом, а огнестрела при нем вообще не было, ну то есть совсем психованный. Но мечом владел виртуозно, одного из наших тяжело ранил. Я в этого самурая из ТТ стрельнул, но тот как будто прям мечом заслонился, короче, меч-то я выстрелом выбил, но сам он в грузовик прыгнул и женщину уволок... Ну, в общем, двум грузовикам удалось покинуть территорию лагеря. Я лично открыл по ним огонь с вышки из пулемета, но закончилась лента.

Вопрос: Что вы нашли в здании?

Ответ: Ну я ж писал в рапорте. В лаборатории нами были обнаружены медицинские инструменты и приборы неизвестного назначения, частично сожженные медицинские записи на японском языке, несколько фотографий, а также трупы замученных подопытных. Один подопытный был найден раненым.

Вопрос: А деньги, ценности?

Ответ: Не понял вопрос.

Вопрос: Майор Бойко, были ли вами или кем-то из ваших людей обнаружены и присвоены деньги либо ценные вещи в захваченном «Отряде-512»?

Ответ: За кого вы нас принимаете? И какие там, по-вашему, ценности? Это вам замполит-крысеныш наплел? Грудю трупов мы там обнаружили!

Вопрос: Подробней.

Ответ: Совместно с капитаном Деевым, лейтенантом Гореликом и сапером Ерошкиным я вошел в лабораторный корпус. К тому времени мои бойцы уже осуществили захват корпуса. Там был полный разгром. На полу – три убитых японских офицера. Под одним из трупов –

динамо с проводом. Провод вел к приоткрытой двери и далее вниз по лестнице в подвал. В подвале электроосвещение на последнем издыхании: лампы трещат, мигают. По проводу мы пришли к грозди взрывателей, подсоединенных к фугасам, у япошек все было готово к подрыву. Сапер Ерошкин успешно перерезал провод. Мы стали обходить подвал по периметру и обнаружили разбитые колбы и пробирки, три фотографии, а также...

Вопрос: Что на фотографиях?

Ответ: Так я ж приложил их к рапорту.

Вопрос: Отвечайте на поставленный вопрос.

Ответ: На одной была лисица в вольере с разрубленным надвое хвостом, на другой двое людей в белых халатах и противогазах осматривают покойника. Третий снимок – старая черно-белая фотография в картонной рамке, на заднем плане пожилой японский морской офицер при орденах, рядом с ним пожилая женщина в кимоно, на переднем плане двое молодых людей, один тоже в форме ВМФ, второй – в кителе без знаков различия. Мне показалось, что это тот самый самурай из лаборатории, только чуть младше. На обороте написано иероглифами.

Вопрос: Что написано?

Ответ: Я по-японски не читаю. Нашли под кого копать.

Вопрос: Что еще в подвале?

Ответ: В центре помещения – четыре мертвых японца в белых халатах поверх формы, со вспоротыми животами, чтобы мы их не взяли в плен. Вдоль стен – вольеры. Одни распахнутые, пустые, в других валялись трупы животных: мертвые крысы, кошки, собаки, один мертвый тигр, две мертвые лисы. Когда мы дошли до самого большого вольера, освещение окончательно вырубилось. Мы включили фонари – и тогда увидели, что в этом вольере мертвые люди.

Вопрос: Сколько людей?

Ответ: Трудно сказать. Они лежали грудой. Все – голые, изможденные, с многочисленными ранениями. У всех – дырка контрольного выстрела над переносицей. И у всех очень длинные, отросшие ногти и волосы, у мужчин – бороды. Но в основном там были женщины. Тяжелое зрелище. Мы с ребятами повидали на войне многое, но такого... Нам там прямо нехорошо стало. Мы с Гореликом и Ерошкиным отошли, а Деев остался – и груду эту разворошил. И назад меня зовет: смотри, говорит, тут один еще дышит. Я смотрю: мужчина, славянской наружности, неопределенного возраста, длинные кривые ногти на руках и ногах, сильно заросший. На лбу – только глубокая царапина: прошло по касательной. Но состояние крайне тяжелое: пулевые отверстия в животе, в правой части груди и в ноге. Я раны осмотрел: не жилец, легкие пострадали и печень.

Вопрос: Но в рапорте вы указали, что подопытный пленный сбежал.

Ответ: Так точно.

Вопрос: В крайне тяжелом состоянии сбежал не жилец?!

Ответ: Да.

Вопрос: Объясните?

Ответ: Да я и сам бы хотел понять. Но он просто взял и... самостоятельно выбрался, то есть, вернее, выпрыгнул из груды трупов. Я абсолютно уверен, что тяжесть его ранений была такова, что он никак не мог совершать активные действия. Тем не менее он их совершал. Сначала он сел на корточки. Руки между колен опустил, как, знаете, собаки сидят. А потом как прыгнул. В прыжке Дееву щеку оцарапал, когтем своим, до крови...

Вопрос: Вы рассчитываете, что мы поверим в эти небывлицы?

Ответ: Не знаю, что за опыты японцы там с ним проводили, но это правда. Спросите лейтенанта Горелика, он подтвердит.

Вопрос: Спросим, всех спросим. Так что же, тяжелораненый прыгнул, как собака, оцарапал бойца Красной Армии когтем – и?

Ответ: Капитан Деев выпустил по нему очередь из ППШ.

Вопрос: Красноармеец стрелял по раненому подопытному славянской наружности, которого японцы держали в плену?!

Ответ: Деев был в шоке. Если бы вы видели то, что видели мы... Я прошу заметить, что действия капитана объясняются состоянием аффекта, он один из моих лучших бойцов. Я командовал ему отставить, сказал, стрелять нужно по врагам. Капитан Деев немедленно подчинился. Но подопытного он спугнул. Тот побежал вверх по лестнице, быстро, на четвереньках. Мы бросились за ним, но догнать не смогли. Когда мы выскочили во двор, его уже не было.

Вопрос: Уточним. Раненый в легкое и печень истощенный человек побежал от вас на четвереньках, и вы не смогли его догнать, так, майор Бойко?

Ответ: Так точно. Я не понимаю, как такое возможно, чисто физически. Он был ранен, смертельно ранен, но крайне активен.

Вопрос: А на следующее утро капитан Деев пропал из Лисьев Бродов и вместе с ним – четверо бойцов?

Ответ: Да.

Вопрос: Куда он делся?

Ответ: Я написал в рапорте. Я не знаю.

Вопрос: Он отбыл, выполняя ваш приказ, майор Бойко?

Ответ: Нет. Я не отдавал ему никаких приказов. Он отбыл самовольно.

Вопрос: Вы допускаете, что капитан Деев – вражеский шпион?

Ответ: Нет. Капитан Деев – один из моих лучших ребят.

Вопрос: Выходит, вы не контролируете своих ребят? Отвечайте на вопрос, майор Бойко. Как вышло, что один из лучших ребят, прихватив еще четверых хороших ребят, без вашего ведома исчез в неизвестном направлении?

Ответ: Насколько я знаю Деева... Я думаю, он хотел исправить свою ошибку.

Вопрос: Какую ошибку?

Ответ: С подопытным пленным, которого он спугнул. Может быть, он решил его разыскать. Своими силами. А дальше – с ребятами что-то случилось. Я жду от командира полка отмашки, чтобы организовать поисковую операцию.

Вопрос: Ничего ты не дождешься от командира полка. Сиди ровно теперь. Это дело СМЕРШ берет на особый контроль. Все понятно?

Ответ: То есть... вы лично, что ли, будете заниматься?

Вопрос: Бери выше. Из ОКР по дивизии к вам приедут. Капитан Степан Шутов. Слышал про такого?

Ответ: Не доводилось.

Вопрос: Догадываешься, что он с тобой сделает, когда ты ему эту сказку свою расскажешь?

Ответ: Сразу к стенке?

Вопрос: Не сразу. Сначала он душу из тебя вынет, майор.

С этого места стало неинтересно: шантаж, угрозы, топорные провинциальные методы. Полковник Аристов отложил протокол допроса майора Бойко, взял из папки одну из фотографий и мечтательно откинулся на мягкую больничную подушку. Черно-белый парадный снимок в картонной рамке, на заднем плане пожилой высокомерный морской офицер при орденах и сухая женщина в кимоно и с белым лицом, на переднем – двое юных японцев, один в форме офицера ВМФ, второй в кителе без знаков различия. На обороте – каллиграфические столбцы японских иероглифов.

Аристов пробежал их глазами и улыбнулся, хищно и возбужденно, уголком рта. Хорошо, что языки давались ему легко, и чернильные насекомые лапки чужих древних знаков покорно складывались под его взглядом в осмысленный текст:

«Ояма-сан, сын мой. Со скорбью и гордостью сообщают: твои отец и брат пали смертью воинов. Они погибли в Нагасаки от взрыва бомбы. Тем утром они были на торпедном заводе «Мицубиси», и бомба взорвалась совсем рядом. Огонь, забравший их, был жарче погребального костра на кладбище Окуно-Ин. Говорят, там сгорело все, что могло гореть, и во всем Нагасаки не осталось целых домов. Говорят, взрыв был ярче тысячи солнц, а столб дыма поднялся выше самых высоких гор. Десятки тысяч погибли сразу, но тысячи продолжают умирать и теперь, перед смертью теряя разум и человеческий облик.

Но я не плачу, сын. Я верю в «Отряд-512» и в «Хатиман» – твое великое дело. Настанет день, и ты создашь воинов, несущих смерть и неуязвимых для смерти. И да свершится возмездие».

Глава 9

*Приграничная территория у озера Лисье.
Конец августа 1945 г.*

В закатном небе, путаясь в кровавистых мотках облаков, тяжело кружили гуси, утки и лебеди, то и дело с хриплыми стонами пикируя вниз и чуть не задевая крыльями головы бредущих через заливной луг Флинта и Кронина.

Раз спустившись, обратно птицы уже не взлетали, а вяло бродили, поклевывая что-то в пожухлой траве, меж отражавших закат молочно-розовых лужиц и ручейков, которые, сплетаясь и расплетаясь, утекали к воспаленному горизонту, к еще не видимой, но уже ощущаемой близко большой воде.

– Почти дошли, – Флинт вяло махнул рукой. – Лисье озеро. На том берегу – Маньчжурия.

Он что-то хотел добавить, но передумал и замолчал, экономя силы. Покрытый испариной лоб казался мертвенно-бледным, особенно по контрасту с густой, чернявой многодневной щетиной.

– Да что за... ч-черт? – Кронин споткнулся о неподвижную птицу и остановился. Весь луг впереди, сколько хватало взгляда, был усеян лежавшими в траве гусями, лебедями и утками – не ранеными, не подстреленными, а просто мирно дремавшими. Одни слегка шевелились, другие не двигались вовсе. Упитанный гусь, сонно пасшийся меж отдохавших товарищей, склевал пару зерен ячменя, мутно глянул на Кронина и, пьяно пошатнувшись, пристроился спать в мелкой луже.

Кронин нагнулся к гусю, извлек из приоткрытого клюва недоклеванное ячменное зернышко и понюхал:

– Водярой шибает.

– Водяра и есть, – отозвался Флинт равнодушно. – Китайская. Ханшин называется Птица бухает, кемарит, ее собирают и на балочку волокут. Такой метод.

– Хороший метод, – Кронин вытащил нож, собираясь прирезать гуся.

– Нельзя, – ощерился Флинт. – Не ты заначил, не тебе брать.

– Решил меня понятиям поучить? – Кронин бережно взял гуся за голову, примериваясь, куда нанести удар. – За браконьеров местных впрягаешься?

– За тебя впрягаюсь, – прохрипел Флинт, но сквозь хрип в голосе вдруг прорезались властные нотки. – Учу – спасибо скажи. Шепятничать тут нельзя. Чужую птичку разок отвернешь – считай, порчушка. Может, и не заперют, но уважать не будут тебя мои кореша, через границу не поведут...

Немного помедлив, Кронин молча убрал нож и отбросил гуся. В тот же момент послышался выстрел, и к ногам Кронина шмякнулась, забрызгав штанину кровью, подбитая утка.

– А вот и «кореша» твои... – пришурившись, Кронин посмотрел на вышедшую из зарослей кустарника, тянувшегося слева вдоль луга, компанию азиатов с корзинами и холщовыми мешками, явно предназначенными для сбора урожая бухих птиц, и с висящими за плечами «зауэрами». Китаец, шедший впереди без корзины, остановился и прицелился в Кронина и Флинта из ружья. Остальные, последовав его примеру, сложили мешки и корзины на землю и тоже вскинули ружья.

– Да уж не твои... – напряженно процедил Флинт и приветственно сложил руки перед грудью: ладонью правой руки обхватил сжатую в кулак левую и слегка кивнул. – Сложи-ка руки, как я.

– Я им не клоун.

– Не тяни фазана! – прошипел Флинт. – Руки, Циркач! Кивни!

Поморщившись, Кронин неохотно сложил перед грудью руки и отвесил китайцам ернический, почти шутовской поклон. Флинт, впрочем, остался доволен:

– Вот так. Пойду теперь с ними побалакаю.

– Дохлый номер, Флинт...

– Ты здешние понятия знаешь? – ощерился Флинт. – Я – да. Ты здесь гастролер, я – пахан. Стой тут. Резких движений не совершай.

Застыв на месте, Кронин смотрел, как Флинт на деревянных ногах, напрасно пытаясь изобразить непринужденную походку вразвалочку, приблизился к банде. Теперь двое азиатов целились в него, остальные по-прежнему держали на мушке Кронина. Флинт начал говорить, все больше возбуждаясь и жестикулируя, явно что-то доказывая, но это не возымело эффекта: позы и лица китайцев оставались такими же агрессивными. Раздосадованный, Флинт эковским движением порвал на груди рубаху.

– Идиот, – Кронин на несколько секунд отвернулся, чтобы не видеть постыдной сцены.

Когда он снова взглянул на банду, диспозиция изменилась. Китайцы больше не целились ни в него, ни во Флинта, а вместо этого с вежливым интересом рассматривали оголенную грудь вора. Затем один из бандитов тоже распахнул на груди рубаху, обнял Флинта и сделал Кронину приглашающий знак рукой.

– Товарищ мой с зоны, – Флинт указал на приблизившегося Кронина.

Китайцы озарились вежливыми улыбками и закивали, как глиняные болванчики.

– А это Веньян, братан мой. Не сразу меня признал, – Флинт подмигнул Кронину и глянул на китайца в распахнутой рубахе, с круглым гладким лицом, исчерканным тонкими лучами морщинок.

– Можно просто Веня, – довольно чисто, споткнувшись только на звуке «р», представился китаец.

На безволосой его груди красовался такой же, как и у Флинта, крестообразный маленький шрам.

Глава 10

Москва. Кремлевская больница на Воздвиженке.

Август 1945 г.

Больничные этажи были непривычно пусты, на время визита наркома объявили санобработку. Только Аристов, в парадной рубашке и при галстукке, с пухлой папкой под мышкой и с капсулой темной жидкости в потной ладони, прохаживался в дальнем конце коридора (подойти ближе не разрешили), да шестеро здоровенных старлеев НКГБ – четверо у закрытой двери кабинета, двое у выхода на лестницу – дежурили вот уже часа полтора, с пустыми лицами и с табельным оружием в расстегнутых кобурах, передвинутых на живот.

Наконец дверь открылась. Круглые стекла очков без оправы блеснули из-за плеча одного из старлеев – и тут же скрылись за мощными спинами. Преданными черными пешками шахматно обступив наркома с четырех сторон, старлеи повлекли его к выходу, в противоположную от Аристова сторону; доктор Виногорский замыкал шествие.

Это было не по плану. Совсем не по плану. Виногорский обещал переговорить с наркомом и пригласить Аристова в кабинет по окончании процедуры... Аристов дернул уголок рта – и рысцой устремился за удалявшейся свитой.

– Подождите! Я полковник Аристов! – привычным движением он на ходу вынул из кармана брюк корочку, раскрыл и потряс в воздухе. – У меня срочная информация для наркома!

Старлеи напряглись и замедлили шаг, те двое, что стояли на входе, положили руки на кобуру. Меж спин мелькнул щекастый горбоносый профиль с пижонским кругляшом очков. Секундная заминка – и доктор Виногорский остался на месте, нарком же и его свита решительно миновали охранников, которые, пропустив их, тут же преградили выход для Аристова.

– У меня к наркому дело союзного значения! – потрясая удостоверением, Аристов двинулся было вперед, но старлеи не расступились, а напряглись еще больше. Один из них, оставив правую руку на кобуре, левую почти нежно положил полковнику на плечо:

– Товарищ полковник. Сделайте шаг назад.

– Да как вы... смеете?! – Аристов стряхнул с себя руку, но на шаг отступил. – А вы?! – он в ярости уставился на Виногорского. – Мы же с вами договорились! Вы должны были меня к нему провести!

– Прошу прощения, – Виногорский беспокойно огладил усы. – Во-первых, нет никаких «нас с вами». Во-вторых, я не знал ситуации. Оказалось, товарищ маршал ужасно занят.

– Мне нужно десять минут его времени! Хорошо, не сегодня. Завтра?

– Боюсь, товарищ маршал не может тратить десять минут на каждого, кто желает с ним говорить...

– Я не каждый! У меня есть основания считать, что Советский Союз может стать обладателем биологического оружия небывалой разрушительной силы!

– Глеб Арнольдович, – Виногорский доверительно взял Аристова за локоть, вежливо побуждая отступить от охраны еще на шаг. – Боюсь, я ничего не могу для вас сделать. Почему бы вам после выписки не явиться к наркому с докладом? Если вы, конечно, по-прежнему входите в его кабинет...

– Вы же умный человек, доктор, – Аристов попытался поймать взгляд Виногорского, но глаза у того бегали, как ошпаренные прусаки-тараканы. – Это у них... – Аристов презрительно кивнул на старлеев, – значок ГТО вместо мозга. Но вы. Посмотрите мне в глаза, доктор. Разве вы не понимаете логику момента?

– Глеб Арнольдович. Я боюсь, это вы недопонимаете логику... вашего момента...

Аристову удалось, наконец, перехватить взгляд Виногорского: испуганные тараканы застыли.

– Я не должен этого говорить... – не мигая, монотонно произнес Виногорский. – ...Но Лаврентий Палыч не будет с вами встречаться... ни завтра, никогда... И министр вас тоже не примет... На вас уже готово... Стоп! – Виногорский резко встряхнул головой, отвел глаза и принялся тереть рукой висок. – Вы, Аристов, свои эти штучки бросьте!

– Какие штучки, доктор? – невинно переспросил Аристов, внимательно разглядывая руку собеседника.

Под чуть задравшейся манжетой медицинского халата на запястье виднелся браслет из тонкой кожаной тесьмы, с болтающимися крохотными глиняными фигурками африканских божков, дырявыми камешками, разноцветными узелками и деревянными пуговками с выжженными на них иероглифами и рунами.

– Верите в обереги, доктор? Я думал, вы – человек науки.

– Мои пациенты постоянно расширяют мои научные горизонты, – Виногорский быстро одернул рукав. – Особенно такие, как вы.

– Какой же – я?

– Вы мамонт, Глеб Арнольдович. Под Дзержинским еще начинали. С Бокием работали, с Блюмкиным. Столько видели, столько знаете, столько умеете... Таких, как вы, считай, не осталось. Перестреляли всех мамонтов.

– Перестреляли бизонов, доктор, – любезно уточнил Аристов. – Мамонты сами вымерли.

– Уверен, вы найдете для себя правильный выход, – Виногорский улыбнулся, наслаждаясь двусмысленностью фразы. – Как врач я больше не вижу необходимости в вашем пребывании в стационаре. Я выпишу вам дигоксин, но это необязательно. Покой, вот что важно. Надеюсь, вам будет обеспечен полный покой.

– В расход меня, значит? – Аристов прищурился и уставился Виногорскому в переносицу. – По-вашему, это так просто?

Врач опустил глаза и неопределенно дернул плечом.

– Семь, – тихо сказал Аристов.

– Что «семь»? – удивился Виногорский и непроизвольно взглянул Аристову в глаза.

В этих глазах Виногорский увидел ледяное зимнее небо. То самое небо, что нависнет спустя семь лет над его могилой... В этих глазах он увидел серую бетонную стену. Ту самую стену, по которой расползется узор из его теплой крови. В этих глазах он увидел жидкий свинец. Тот самый свинец, из которого через семь лет будет вылита предназначенная ему пуля. Эти глаза смотрели ровно туда, куда войдет эта пуля. В переносицу...

Виногорский мотнул головой, пытаясь стряхнуть наваждение, но свинцовое небо держало, не отпускало...

– Я сейчас сосчитаю от семи до нуля, Виногорский. Я сейчас сосчитаю те годы, что вам остались. Вам будет страшно, очень страшно, пока я считаю. Но когда я произнесу «ноль», вы забудете. Вы не будете знать, что те, кому вы прислуживаете, поставят вас к стенке. Вы не будете знать свое будущее – поэтому не сбежите. А я знаю свое. Поэтому я сбегу.

Глава 11

Мы плывем по черной воде к границе миров, мой спутник и я. Мы плывем из мира живых в мир мертвых через смрадный туман. Он рождается из нашего дыхания, этот смрад. Мы плывем. Мы пахнем лежалым мясом убитых птиц.

Нас везет паромщик с круглым, желтым лицом. У него нет возраста, но много имен. В узких прорезях его глаз тлеют красные угольки. У границы миров он бросает весла, мы качаемся на воде. Он, наверное, ждет навлон – оплату за наш проезд. Он спокоен. Он ждет от меня монету. Из тумана слышен нарастающий стук.

Я ощупываю свой рот языком – монета должна быть здесь. Мертвецам ведь дают монету с собой, чтобы на границе они могли заплатить. Но монеты нет. Вместо монеты во рту у меня почему-то стебель бамбука.

Я знаю: раз у меня нет монеты, я должен его усыпить. Спеть ему колыбельную. Понятия не имею, откуда мне известны слова: они просто всплывают в голове, как будто поднявшись со дна взбаламученной черной воды.

*Баю-бай, засынай, детка,
Я с тобой посижу.
Если ты не уснешь, монетку
В руку тебе вложу.*

Я должен петь громко, но стебель во рту мне мешает. Паромщик тянется рукой к моему лицу – но что-то его отвлекает, и он смотрит в туман. Потом встает на ноги и кланяется кому-то, кто сильнее его. И произносит:

- Я очень рад видеть моих друзей.
- Что везем? – обращаются к нему из тумана.

И он говорит:

- Как всегда.

В этот момент мой спутник сдавленно, с присвистом, кашляет, и я просыпаюсь под грудой убитых птиц.

Граница между СССР и Маньчжурией. Озеро Лисье.

Начало сентября 1945 г.

Патрульный катер с тремя вооруженными погранцами вынырнул из тумана и подплыл вплотную к моторке Вени. Тот незаметно ткнул локтем в бок своего помощника, молодого китайца, и озарился такой утрированно-солнечной улыбкой, что лучики морщин на его желтом лице, казалось, вот-вот порвут растянутую донельзя кожу.

– Я очень рад видеть моих друзей, – Венянь отвесил поклон советским погранцам в темно-синих бушлатах.

Молодой помощник протянул им бутылку гаоляновой водки. Те нагло-расслабленно, сытыми хищниками, взирали сверху вниз на китайцев и их подношение с более высокого борта; наконец один из патрульных, нагнувшись, молча принял подарок. Второй посветил в лодку контрабандистов: фонарик выхватил из темноты и тумана груды гусей и лебедей с естественно вывернутыми шеями.

- Что везем?

– Как всегда, – Веня старательно сморщился в гримасе стыда.

В тот же момент груды мертвых птиц отчетливо содрогнулись и из глубины ее послышался сдавленный, с присвистом, кашель – как будто в приступе зашелся убитый гусь. Окаменев лицом, Веня выхватил из-за пояса нож. Патрульные тут же вскинули автоматы.

– Ай-ай-ай, птички мои бедные, недобитые...

Напевно сокрушаясь, Веня рванул к груды и принялся кромсать ножом птичьи туши. Гневно зыркнул на молодого помощника:

– Сколько раз тебе говорил: проверять товар, добивать, чтоб не мучились! Природа хорошая, она щедро дает, у природы много берем!..

Помощник виновато ссутулился в ожидании подзатыльника.

Продолжая лопотать, Веня выхватил несколько исполосованных птичьих тушек из кучи, сделал знак молодому, чтобы тот последовал его примеру. Вдвоем они поволокли тушки к патрульному катеру.

– ... У природы берем, но природу мучить нельзя, надо добивать обязательно... Вот, возьмите, друзья, что нам природа дала...

Погранцы, приспустив автоматы, обалдело переводили взгляд с подозрительной кучи на протянутые новые подношения.

– Ладно, Сунь-хуй-в-чай. Давай сюда свои дары леса. И водки еще давай. А пушнина есть?

Когда груженный дичью патрульный катер, вспенив темную, чуть тронутую ржавчиной рассвета водную гладь, занырнул в туман, молодой китаец вернулся к штурвалу моторки, а Веня убрал с лица клоунскую улыбку, просеменил к груды птиц и прошипел зло:

– Псы ненасытные! Все им мало! Дашь палец – поглощают руку...

– Во бу минбай! Дуйбутси! – перекрикивая шум мотора, возопил молодой. Он чувствовал себя все более и более виноватым в каком-то неведомом, но явно очень большом грехе.

Веня отмахнулся и разгреб груды с дичью. Под птичьими тушами скрючились Флинт и Кронин с бамбуковыми трубками для дыхания во рту.

Кронин выплюнул трубку, поднялся, стряхнул с себя перья и полной грудью вдохнул. Туман был свеж: мельчайшая взвесь заповедной живой воды.

Флинт продолжал сидеть среди трупов гусей и уток, сам точно птица, зябко нахохлившись, с заострившимся носом и синевой вокруг рта. С натугой и часто втягивал в себя воздух, как будто он был гуще, чем надо. Как будто Флинт так и остался в кронинском сне и дышал ядовитыми испарениями мертвой реки.

Китаец Веня присел на корточки рядом с вором и расстегнул на себе рубаху. Коснулся пальцем своего иксообразного шрама, потом дотронулся до того места на тощей груди Флинта, где под бушлатом скрывался точно такой же шрам. Вор тут же закашлялся, как будто прикосновения было достаточно, чтобы ему стало хуже, и выхаркнул алый сгусток на рябое крыло гуся.

– Я рад, что братан мой свободен и вернулся в эти края. Но я печалюсь, что болен мой братан, – китаец извлек из кармана маленький тряпичный мешочек и вынул из него корень, похожий на фигурку кургузого человечка с тремя ногами. – Вот жэнь-шэнь, исцеляющий хвори. Хороший жэньшэнь, он стоит дороже золота, но я не стану его продавать, я лучше отдам его братану моему.

Веня протянул корень Флинту.

Тот принял дар и кивнул в знак благодарности:

– Спасибо, братан. Вот только от лихого человека корешок не спасет. Мне бы волюну...

Китаец поднялся и коротко окликнул молодого помощника. Тот оторвался от штурвала, подошел и склонил голову в глубоком кивке. Веньян приказал ему что-то по-китайски. Тот тихо залопотал в ответ, уставившись себе под ноги, хоть и робко, но явно возражая. Лучистая, круглая физиономия Вени вдруг исказилась гримасой ярости. Он заорал на подчиненного по-китайски; тот молча слушал, опустив глаза, сжав губы и коротко кивая.

– Чего шипит? – шепотом поинтересовался Кронин, кивнув на Веню.

– Понятиям сявку учит, – вслух ответил Флинт. – Про братанов. Мой братан – твой братан, говорит. Братану, говорит, что попросит, все дай. С братаном, говорит, раны сделали на груди, пальцы макнули, смешали кровь теплую и слизнули... Клятва верности у них такая, сечешь? На всю жизнь. Мы с Венькой двадцать лет назад побратались. Когда рыжий песочек тут через границу возили...

...Наученный понятиям, «сявка» сдернул с плеча ружье и с вежливым кивком протянул его Флинту. Веня умолк, из состояния бешенства мгновенно вернувшись к свойственной ему благостной созерцательности.

– Венька! Век не забуду... – Флинт нежно погладил ствол.

– Еще подарки для моего братана и друга моего братана! – Веньян сделал знак молодому, и тот притащил кожаную баклагу с водой, заткнутую кукурузной кочерыжкой, две стеганых куртки взамен истертых и грязных лагерных бушлатов и два вещмешка с провизией, после чего вернулся к штурвалу.

Еще с полчаса моторка прыгала по волнам, с треском пропарывая плотную белую пустоту. Наконец из кокона тумана явилась нежная бабочка маньчжурского берега: низкорослые дубы и сосны на мелких сопках, голым боком песчаных склонов спускающихся к воде, и пушистые островки тростника и осоки на мелководье, затянутом молочно-розовыми пенками рассветного неба.

– Маньчжурия, – Веньян с гордостью обвел рукой берег. – Природа щедро дает.

Кронин первым соскочил с лодки и двинулся к берегу через осоку, по колено в воде. Обернулся, почувствовав на спине холодок недружелюбных, пристальных взглядов – будто вскарабкалось к затылку вдоль позвоночника ядовитое насекомое. Флинт стоял в воде рядом с лодкой, Веня что-то ему втолковывал по-китайски; оба смотрели на Кронина. Молодой китаец тоже смотрел – с удивлением и опаской. Флинт внимательно выслушал братана и что-то коротко, тихо ответил.

– О чем базарите? – Кронин в упор взглянул на Веньяна, тот отвел глаза и вежливо улыбнулся.

– Мой братан говорит, с тобой рядом ходить опасно, – перевел Флинт. – Оставайся, говорит, с нами.

– А ты?

– А я тебе дал слово вора.

Глава 12

*Маньчжурия. Лес у озера Лисье.
Начало сентября 1945 г.*

Лиза остановилась, отдышалась, поправила на шее цепочку с круглым кулоном и понюхала у себя под мышкой. Ей нравился собственный запах. Но еще больше ей нравился терпкий запах лесной богини. Когда богиня потела, она пахла прелой землей, смолой и, сильнее всего, можжевельником. Прикрыв чуть раскосые глаза и раздувая ноздри, Лиза уткнулась лицом в синюю гроздь шишкочагод, потом лизнула одну из ягод кончиком языка и привязала красную ленту к можжевеловой ветке. Прошла босиком по изумрудному, хрусткому, присыпанному сухими иглами мху к алтарю храма Отшельницы-Лисицы. Чугунный колокол, подвешенный к крепившемуся на четырех столбах навесу, болтался на ветру, издавая траурный звон. Она воскурила благовонные палочки, воткнула их в глиняную чашку с пеплом и поставила на жертвенный пень, а рядом с деревянной фигуркой крылатой лисы положила подношение – мертвого петуха. В прошлый раз Лиза привела сюда дочь, чтобы Небесная Ху-Сянь убедилась: ребенку нужна помощь, и срочно. Тогда они принесли для Ху-Сянь гусыню, и Настя спросила: «Неужели небожителям нравится есть дохлых птиц?» Лиза засмеялась и сказала: «Думаю, нет. Но когда мы приносим небожителям подарки, они становятся к нам добрей». На самом деле она не была в этом так уж уверена. Ни в прошлый раз, ни теперь.

Таежный лес, тянувшийся по сопкам вдоль озера Лисье, уже подернулся мутной ряской вечерних сумерек, и тонкие витиеватые струйки дыма тянулись от рыжих огоньков на кончиках курительных палочек к темнеющим хвойным лапам, к можжевеловым ягодам, к напряженным соскам на Лизиной обнаженной груди и к ее золотому кулону.

Она опустила перед алтарем на колени, горячо зашептала по-китайски, потом на всякий случай повторила по-русски:

– Я принесла тебе еду, о Небесная Лисица Ху-Сянь. Ты вознеслась, но я молю, будь милосердна к стаду живых! Особенно к моей дочери Насте, ей скоро семь. Обереги ее, не дай умереть, она всего лишь...

Лиза вдруг замерла и насторожилась, прислушиваясь, как встревоженный зверь. Не рискуя встать в полный рост, на четвереньках отползла за можжевеловый куст. Спустя минуту к поляне выбрали двое бородатых мужчин с вещмешками, в стеганых куртках. Их лица в сумерках казались нечеткими, но по движениям, позам и голосам было ясно, что один из них слаб и болен, а другой полон жизни.

– Стой, сил нет... – Слабый прислонился к низкорослой сосне. – Дай пить... – его голос почти утонул в хрусте бодрых шагов второго, сильного.

Сильный остановился, снял с пояса баклажку, сделал короткий глоток сам, остаток протянул Слабому. Тот жадно прильнул к горлышку – как будто надеясь этой водой напитать свою иссушенную болезнью и усталостью плоть. Сильный молча оглядел Слабого, потом сказал:

– Границу мы с тобой еще утром перескочили, Флинт. Выполняй уговор. Скажи, где мне искать Лену?

– Не бзди, Кронин, – прошелестел Слабый. – Дойдем до ведьминой фанзы, чифирнем – тогда расскажу.

– А если не дойдешь?

– Мое слово железное. Фанза рядом уже. Дойду.

– Это ж двадцать лет назад было, Флинт! А если нет давно никакой фанзы, а ведьма сдохла твоя давно, как ее хули там звали!..

– Хулидзин ее зовут. Она сдохнуть не может. Ведьмы вечно живут.

– Как будто звон похоронный... Слышь? – Сильный приблизился к кумирне, потом шагнул к зарослям, за которыми пряталась Лиза, потрогал разноцветные тряпицы и ленты, привязанные к можжевельным веткам, снова отошел к алтарю. – Что за хрень тут?

– Типа церкви у косоглазых. Они здесь молятся, – Слабый завороченно уставился на курящиеся свечи.

– Молятся пню? – Сильный потянулся рукой к фигурке крылатой лисы.

– Не трожь! – Слабый перехватил руку Сильного. – Шепятничать в кумирне нельзя. Плохая примета.

– А что в кумирне можно? – насмешливо спросил Сильный.

– Сказал же тебе: молиться. Еще тут можно желание загадать. Загадай, чтоб кралю свою найти. Одну свечу выбери. Если догорит – сбудется.

В темном небе, словно насмехаясь над Слабым, громко хохотнул филин-пугач.

– А ты что загадаешь, Флинт? – спросил Сильный.

– Есть у меня желание. В Австралию я хочу. Вот ведьма меня починит, для верности еще женьшень пожру, подлечусь – и в Шанхай, а оттуда пароходом в Австралию...

– Почему в Австралию?!

– А куда ж еще таким, как мы с тобой, Кронин? Там, в Австралии, только воры и каторжники живут. И все на воле, вертухая нету ни одного... – Слабый закашлялся. – Ладно, пойдем, стемнело совсем.

Сильный и Слабый двинулись прочь.

– А еще в Австралии, говорят, животное есть – сам вроде бобер, а клюв как у утки... – задыхаясь, сообщил на ходу Слабый. – Бобер с клювом! Я должен его увидеть!..

От порыва ветра колокол над кумирней зазвонил громче, заглушая голоса русских и их удаляющиеся шаги.

Они ушли, но Лиза на всякий случай еще несколько минут пряталась в зарослях, теребя кулон и глядя во тьму, на мерцающие рыжие огоньки курительных свечек. Ветер усилился – и после короткой агонии они погасли один за другим.

Глава 13

– Скоро прогреется, – Кронин развел огонь в очаге и глянул на Флинта.

Зажав между колен ружье, тот скрючился на циновке на кане – так местные называли лежанку с дымоотводом, примыкавшую к очагу, – и трясся в ознобе.

– Она придет, – процедил Флинт. – Придет ведьма.

Кронин промолчал. Похоже, фанза пустовала уже давно; никаких следов жизнедеятельности ведьмы тут не было. В рваном свете огня – только пыльная, скомканная циновка в углу (Кронин, как мог, ее отряхнул и подстелил Флинту, чтобы тот не валялся на голом камне), обрывки заменявшей стекло просаленной бумаги в окне, дыры в крыше, крытой ломтями коры, полусгнившая звериная шкурка, растянутая на рогатке, черный от копоти котелок и пара глиняных пиалок.

– Рассказывай, Флинт. Как найти место, где ты видел Лену.

– Чифирку замастыри... – стуча зубами, отозвался вор. – Губу макнем за людское и воровское, нутро прогрею – и расскажу.

Кронин хотел было возразить, но, оглядев еще раз дрожащего Флинта, только прицокнул досадливо языком и вытряхнул из вещмешка на кан узелок с черным чаем и завернутое в тряпицу вяленое мясо. Отодрал зубами кусок, жадно проглотил, почти не разжевывая, и взял пустую баклагу:

– Схожу за водой. Будет тебе чифирь.

Полная луна лоснилась в темной рванине облаков, заливая песчаный берег и Лисье озеро маслянистым мерцающим светом. Кронин скинул сапоги и размотал покрытые бурыми пятнами, присохшие к кровавым мозолям портянки. Закатал штанины, зашел по колено в стылую воду, встал на бледно-золотую дорожку, раскатанную от его ног к горизонту. На секунду Кронину показалось, что он слышит гул автомобильного двигателя, – но это был просто ветер. Ветер гнал по лунной дорожке косые, мутные волны.

Набирая баклагу, он почувствовал чей-то взгляд на спине. Обернулся. У кромки воды сидела лиса с добычей в зубах – из раззявленной пасти свисали крылья летучей мыши – и спокойно, внимательно смотрела на Кронина оранжевыми глазами. Он заткнул баклагу и направился к берегу по лунной дорожке. Лиса не двинулась с места. Только шире, будто в дикой улыбке, приоткрыла бурую пасть, демонстрируя бритвенно-острые клыки и оскаленную мертвую голову летучей мыши на языке.

У лисы было два хвоста. Рыже-пепельные с черными, будто опаленными огнем, кончиками, они нервно подрагивали на влажном песке.

В тишине раздался выстрел – и сразу второй. Лиса тьякнула и метнулась в заросли. Кронин выскочил из воды, натянул сапоги и рванул к ведьминой фанзе.

Рядом с фанзой – двухместный джип «виллис» с брезентовым верхом и армейский мотоцикл БМВ с коляской. Рядом с джипом курит старшина в форме, в левой руке сигарета, в правой – ТТ. Старшина набирает полную грудь дыма, округляет рот и выплевывает в ночное небо идеально круглые, тугие колечки. Он, наверное, долго тренировался делать такие.

Я тоже долго тренировался. Сначала в цирке, потом на войне. Я умею двигаться бесшумно. Как летучая мышь. Как тень.

Я стою за спиной старшины и, когда он в очередной раз затягивается, бью его под лопатку остро заточенной ложкой. Он роняет сигарету и обмякает в моих руках. Я сажаю его на сиденье «виллиса», забираю ТТ. Из рта его выплывает кривое полукольцо.

Пригибаясь к земле, я обхожу фанзу и забираюсь на крышу. Приникаю к щели между ломтями древесной коры.

Вор сидит на кане, его руки связаны за спиной, из раны на плече идет кровь. И лицо его тоже разбито в кровь, один глаз заплыл. Его ружье валяется на полу. Рядом с вором трое: капитан с «вальтером ППК» в руке, здоровенный белокурый бугай-лейтенант – кулак обмотан армейским ремнем с металлической бляхой, на боку кобура с пистолетом, – а у входа еще один лейтенант с южным смуглым лицом, с автоматом наперевес. На двери, чуть выше его головы, след от выстрела, охотничья гильза у него под ногой. Видно, вор стрелял из ружья, да вот не попал.

Белокурый почти без замаха, но умело и сильно бьет Флинта по лицу кулаком, увенчанным металлической бляхой с пятиконечной звездой. Вор заваливается на бок на кан, из угла рта вытекает струйка кровавой слюны.

– Фамилия, имя, откуда сбежал? – орет капитан. – Отвечать быстро, четко, сука!

– Сука... мать твоя... петух зашкворенный... – сипит Флинт.

Капитан бьет вора рукоятью «вальтера» в нос и говорит почти ласково:

– Ты у меня тут кукарекать будешь, мясо. Я капитан СМЕРШ. Я диверсантов фашистских потрошил. Откуда бежал? И где дружок твой?

– Я один. – Флинт слизывает с верхней губы струящуюся из ноздри кровь.

– Тут два вещмешка. Время мое, сука, не трать.

Капитан делает знак лейтенанту, тот снова бьет Флинта пряжкой. Капитан отводит глаза. Замечает на кане сверток с вяленным мясом, отдирает кусочек, с аппетитом жует.

– Я ж его все равно добуду, подельника твоего, – говорит сквозь чавканье.

– Ты балду свою из штанов... не добудешь... мусор...

Лейтенант ударом ноги сбивает вора на грязный пол. Капитан брезгливо вытирает брызги Флинтовой крови со штанины и отходит на шаг.

– Все, кончай его, – говорит белокрысому бугаю.

– Ну а как же, товарищ капитан... имя, фамилия, откуда сбежал, он же ничего не сказал...

– Да мне похер. Подельника его спросим. Этот мне надоел.

– Вас понял, капитан, – лейтенант вынимает из кобуры пистолет.

...Этодохлый номер. Наши силы не равны, я один, а их трое, и все трое умеют убивать не хуже меня. Человека, который, перхая кровью, корчится на полу, я все равно не спасу. Он умрет. Мне нечем ему помочь. Единственное, что я могу сейчас сделать, – просто бежать.

Я смотрю через щель в коре, как белокрысый взводит курок. Я никуда не бегу. Дело даже не в том, что человек на полу мне должен кое-что рассказать. Дело в том, что он свой, а эти трое – враги.

По логике вещей четыре человека в форме, наделенные властью, автоматами и пистолетами, сильнее двух беглых экков, один из которых, вор, смертельно болен, избит и связан, а второй, циркач, распластался на скате прогнившей кровли. Но есть логика хаоса (его еще иногда называют судьбой), согласно которой четверым людям в форме может просто не повезти. И тот из них, что лучше всех пускал колечки из дыма, будет сидеть, запрокинув голову, в «виллисе» и смотреть нарисованными мертвыми глазами в брезент. А тот циркач, который забрал его пистолет, начнет палить через дыру в крыше фанзы. И белокрысый лейтенант, который бил больного и связанного пряжкой ремня и собирался его пристрелить, вдруг выронит пистолет и опустится на колени, будто вымаливая у вора прощение, а потом, хрипя, рухнет рядом, и кровь

лейтенанта смешается на полу с кровью вора, и на секунду их взгляды встретятся, и лейтенант попробует сделать вдох, но получится только выдох, и он умрет непрощенным.

Из четверых тогда останутся двое: прильнувший к стенке капитан СМЕРШ и лейтенант-южанин со смуглым лицом. Южанин выпустит очередь из автомата вверх, в потолок, и сгнившие балки и куски коры рухнут на пол, но беглый зэк с акробатической ловкостью перекувырнется на крыше и останется невредим, и выстрелит в смуглого, и промахнется, и выстрелит снова, и на этот раз попадет. И смуглый приложит руку к груди, и оглядит удивленно окровавленную ладонь, и вдруг улыбнется, потому что исчезнут и фанза, и кровь, и боль, и маньчжурская ночь, и в солнечном мареве к нему выйдет гнедой чубастый конь Бахтияр, и он без седла поскачет на нем по пыльным улицам Хасавюрта.

А капитан по стеночке проберется к двери, перешагнет через труп смуглолицего и выскочит в ночь. До водительского сиденья «виллиса» ему останется семь шагов, когда выстрел уложит его на влажный, хрустящий мох. И над ним нависнет огромная, изрытая кратерами луна, и луна придавит его к земле, и за пару секунд до того, как наступит тьма, капитан почувствует железный привкус на языке, и успеет подумать: нет, это не может быть моя кровь, это просто вяленое мясо застряло в зубах под коронкой.

Глава 14

– Мать твою, Флинт!.. – обдирая пальцы, Кронин разгреб куски коры и обломки балок, засыпавшие вора и лейтенанта.

Оба неподвижно лежали на побуревшем от крови земляном полу фанзы. Лейтенант скрючился гигантским, откормленным эмбрионом; он, казалось, внимательно, не мигая, рассматривал сжатую в посиневшей руке пятиконечную пряжку: размотавшийся ремень пропитался кровью – как оторванная пуповина, еще недавно соединявшая его с жизнью. Флинт уткнулся лбом в приклад подаренного китайскими братьями ружья. На месте глаза, щеки, виска – бесформенное красное месиво.

– Что ж ты слово не сдержал, вор?.. – Кронин перевернул Флинта на спину. Неподвижное, отекающее, перекошенное – один глаз совсем заплыл, – лицо его напоминало маску пирата, нашедшего на острове гибель вместо сокровищ...

Маска дернулась. Распухший рот расплзся в улыбке, в рваном свете камина блеснула металлическая фикса и осколки зубов. Флинт хихикнул, тут же закашлялся и прокаркал:

– Слово вора – желез...ное. Я так просто... копыта... не кину.

Флинт с трудом уселся на земляном полу и харкнул красным на труп белобрысого лейтенанта.

– Ну ништяк... – он восхищенно оглядел фанзу. – Ты что же, трех мусоров положил?

– Четырех, – бесцветно ответил Кронин, перерезая веревки, туго стягивавшие сухие запястья Флинта.

Флинт кивнул и пошевелил отекающими, лиловыми пальцами.

– Красава!.. Чифирнем, как собирались, Циркач?

Кронин усмехнулся уголком рта, залил в котелок воды из баклажки и поставил на огонь. Флинт хотел было что-то сказать, но поперхнулся словами и кровью и затрясся в приступе кашля.

– А знаешь, Флинт. Может, и правда она придет, эта твоя Хули бздинь.

– Фуфло не гони... – просипел вор сквозь кашель. – Мне жалость твоя... не нужна...

– А я не гоню. Я ее у озера видел. С двумя хвостами лису.

Флинт выхаркнул алый ступок и уставился на Кронина единственным глазом – с таким доверчивым, детским ожиданием чуда, что Кронину стало не по себе. Как будто он обманул ребенка. Но ведь он правда видел лису... Слезающийся глаз вора вдруг резко сощурился, зрачок метнулся на что-то за спиной Кронина.

– Сзади! – одними губами произнес Флинт и схватил ружье.

Кронин кинулся на пол и перекатился к стене, одновременно спуская курок, стреляя не глядя в того, кто стоял за ним.

Я стреляю в того, кто стоит за мной, но слышен только сухой щелчок: патронов у меня больше нет. Зато патроны остались у того, кто ступил на порог. И у Флинта, который держит ружье.

На пороге – недобитый капитан СМЕРШ. Вокруг дырочки на груди по мундиру расплзлось темно-алое. Рот открыт; металлические коронки на месте нижних зубов неуловимо роднят его с Флинтом. Мутный взгляд направлен куда-то внутрь, словно он недоуменно разглядывает содержимое собственной головы. Он стреляет из «вальтера» Флинта в живот. А потом направляет дуло мне в лоб. Выстрел слышится до того, как он спускает курок: это Флинт палит из ружья. Капитан роняет «вальтер». У него больше нет лица. Он стоит несколько секунд, чуть

покачиваясь, будто мучительно принимает решение, а потом, обмякнув, рушится на пол. По дверному косяку сползают ошметки его мозгов.

... Я осматриваю рану. Я роюсь в походной аптечке смершевцев. Нахожу флакончик пенициллина, флагу спирта, шприц, бинт. Это все уже бесполезно, вор не жилец, но я говорю ему:

– Потерпи.

Рву зубами бинт. Пытаюсь остановить обильно выхлестывающую из раны теплую кровь. Он глядит на меня из единственной щелки глаза – будто с насмешкой.

– Не мельтеши, Циркач. Отвлекаешь.

Открывает глаз шире, таращась на что-то у меня за плечом.

– Прав был Венька, братан мой. С тобой нельзя ходить рядом... С тобой рядом смерть ходит.

А потом он вдруг говорит:

– Лисьи Броды.

– Что?

– Проклятое место... Лисьи Броды... Километров... тридцать отсюда. Там видел бабу твою. Котлы рыжие... на шее... как твои. Шла... с япошками... Конвой... У япошек там рядом... лагерь. Надо было сразу в Австралию, там нет вертухаев... А тут плохо. Добей, а? Страшно...

Он дышит часто и мелко. Его глаз подергивается мутью, как у больной птицы. Я поднимаю с пола «вальтер» убитого им капитана.

– В Лисьих Бродах – сычи... Там лес... Охотник в лес ходит... В лес не надо, не-ет. Не люди. С хвостами... Бесы и ведьмы... Их жгут... их режут... а они лают. Страшно. Страшно. Добей.

Я направляю на него дуло. Я медлю. Смерть любит приходить в свое время. Смерть нельзя торопить. Тогда напоследок – в бреду, в предсоне – она, возможно, выболтает вам тайну.

Флинт распахивает единственный глаз – удивленный и неожиданно ясный. Из угла рта вытекает тонкая алая струйка. На лице – недоумение, смешанное с детским восторгом:

– Бобер с клювом! На хрена?..

Я стреляю.

В закопченном котелке над очагом закипает вода, давится мутными пузырями. Я высыпаю в воду весь чай из мешочка и даю еще покипеть.

Я беру под мышки мертвого вора, сажаю на кан, протираю его лицо и собственные руки смоченным в спирте бинтом. Остаток спирта выплескиваю в котелок – в черное и густое, как деготь, варево.

Я зачерпываю чифирь в две пиалы, одну ставлю на кан рядом с Флинтom, другую выпиваю до дна – за людское и воровское. Я наливаю себе еще.

Я перетаскиваю в фанзу из джипа труп старшины. Я пью в компании пятерых мертвецов. Я раздаю каждому по монете в пять фэней – чтобы им было чем заплатить за паром перевозчику мертвых. Я не помню, кто научил меня этому правилу, просто его выполняю. Двум лейтенантам, вору и старшине я вкладываю монеты за щеку; капитану – в кулак, ведь рта у него больше нет. Нижняя челюсть мертвого вора вдруг отвисает, окровавленная монета выкатывается на кан.

– Прими, – я кладу монету обратно в его раззявленный рот. – На понт меня не бери.

... Я обыскиваю мертвого капитана, у которого теперь нет лица. Забираю у него деньги – мятую пачку заляпанных кровью гоби и совсем новенькие, хрустящие юани Красной Армии. Забираю вачинскую финку в кожаных ножнах. Отстегиваю кобуру от «вальтера». Из нагрудного кармана достаю потрепанную красную корочку: «Капитан Шутов Степан Владимирович состоит на службе в Отделе Контрразведки СМЕРШ 381 дивизии ДКА Дальневосточного фронта в должности: оперуполномоченный». Поблекшее черно-белое фото, чисто выбритое, невыразительное лицо.

В офицерском планшете Шутова – военная карта, книжка «Алиса в Зазеркалье» 24-го года издания и сложенная вчетверо бумага с печатями вместо закладки.

«...Вероятно, это и есть тот лес, – подумала Алиса, – в котором вещи не имеют названий. Что-то будет с моим именем, когда я вступлю в этот лес? Я вовсе не хочу потерять мое имя...»

Я закрываю книжку и разворачиваю бумагу: «Предъявитель сего капитан ОКР СМЕРШ Шутов С. В. командирован для расследования ЧП в населенный пункт Лисьи Броды».

Лисьи Броды... дыра... там видел бабу твою...

Лисьи Броды. Похоже, у нас с тобой общий пункт назначения, капитан.

Я снимаю полоски густой щетины с подбородка и щек позаимствованной у мертвых опасной бритвой. Я обрызгиваю бритую шею трофейной кельнской водой. Я приглаживаю волосы пятерней. Я смотрю на себя в квадратное зеркальце – треснувший кусок стекла с амальгамой. Мое лицо перечеркнуто трещиной. Это больше не я.

Я поливаю фанзу бензином – внутри и снаружи. Поливаю бензином джип «виллис». Я сажусь в седло мотоцикла, чиркаю спичкой и давлю ногой на стартер. Я вхожу в поворот под наклоном, как на арене, с трескучим ревом. За моей спиной горит ведьмин дом, горит «виллис», взрывается бензобак.

За моей спиной остаются пять мертвецов: троих я предал огню, а двоих – земле.

При мне – вещмешок убитого капитана, на мне – его выстиранная форма. Я аккуратно заштопал дырку от пули. Я смыл в озере кровь – свою и чужую. Это больше не я.

У обочины – обгорелый остов японского бэтээра, под ним уютно дремлют собаки. Вылезают, разбуженные треском моего мотоцикла, и, побрехивая, рысят по проселочной дороге за мной. Выезжаю к мосту. Покосившийся, простреленный щит на трех языках возвещает начало города и моей новой жизни. Две разлапистые, хищные многоножки японских иероглифов; под ними, шрифтом поменьше, китайские; а поверх всех иероглифов, наискось, свежей краской, надпись русскими буквами: «Лисьи Броды»...

у тебя непросто забрать контроль, Максим Кронин

Не помню, кто мне это сказал, и не важно. Главное – он был прав.

... За мостом – убогие деревянные фанзы и убогие люди. Все шарахаются при виде моего мотоцикла и отводят глаза. Выезжаю к кладбищу с православной церквушкой. Мимо кладбища идет молодая черноволосая женщина с закинутой на спину сеткой, в сетке бьется, беззвучно скалясь, клубок летучих мышей. Черноволосая замедляется, ее мыши беспомощно молотят костлявыми крыльями. Она смотрит на меня – не как другие, исподтишка, – но открыто и с детским почти любопытством. У нее глаза с азиатчинкой – полукровка. Длинные волосы – совсем мокрые. Платье липнет к груди, через влажную ткань просвечивают соски...

У меня непросто забрать контроль. Потерять контроль может только пленник своего тела. Настоящий хозяин не ведает страха смерти; он живет, как будто он уже умер. Он живет, умирая

и возрождаясь, меняя лица и имена. Он живет без настоящего и без будущего. Он оборотень. Он тень.

...Я въезжаю на центральную площадь. По периметру – обветшалые трехэтажные особнячки эпохи модерна, над одним из них – красный флаг. У дубовых дверей, сидя прямо на земле, дремлет красноармеец в надвинутой на нос пилотке, автомат сполз с плеча, широко раскинуты ноги в безразмерных, заправленных в сапоги галифе. Он похож на нескладного щенка овчарки с большими лапами...

Если хочешь владеть ситуацией, если хочешь быть оборотнем – смотри на себя со стороны. Я глушу мотор мотоцикла. Он глушит мотор мотоцикла.

Он когда-то был циркачом, солдатом и зэком. Его когда-то звали Макс Кронин. А теперь он – капитан СМЕРШ Степан Шутов. Командирован в населенный пункт Лисьи Броды для расследования ЧП.

Шутов пнул рядового носком сапога и проорал:

– А ну встать!

Часть 2

*Ты на крысу взгляни – щеголяет кожей,
А в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей!
Коль в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей,
Почему не умрешь ты, на людей непохожий?
(Ши-цзин, или «Книга песен»)*

Глава 1

*Маньчжурия. Лисьи Броды. Временный штаб советского гарнизона.
4 сентября 1945 г.*

Майор Бойко сидел, закинув ноги на стол. На ногах – добротные егерские ботинки. Трикони, трофейные, со стальными набойками, майор их сам стянул с убитого немца. В руке – короткий десантный нож, на краю стола – еще два таких же. Не меняя ленивой позы и как будто даже не целясь – секундное напряжение выдавала разве что едва приоткрывшаяся, резко очерченная щель рта, повторявшая контур квадратной майорской челюсти, – Бойко бросил нож в портрет императора Хирохито, висевший на стене рядом с дверью. Император остался тут от японцев. Ребята хотели снять, но Бойко не дал: «Мы его по назначению будем использовать».

Нож воткнулся монарху в лоб. Из каждого глаза уже торчало по рукоятке. Майор взял новый нож и уже расслабленно замахнулся, когда дверь пинком распахнули снаружи, и в комнату нагло, по-хозяйски шагнул человек в офицерской форме. За ним, неестественно скрючившись, семенил рядовой Овчаренко, его вывернутое запястье вошедший сжимал левой рукой. Правой он небрежно, с ленцой козырнул майору.

Бойко снял ноги со стола и, не выпуская ножа, поднялся:

– Это что здесь такое?!

– Это здесь контрразведка СМЕРШ. Я – капитан Степан Шутов. Вы?

– Майор Бойко.

– Что у вас тут за балаган, майор? – Шутов неприязненно покосился на изувеченный портрет Хирохито. – Где все? Один рядовой – и тот спит на посту! – капитан наконец разжал хватку. Овчаренко потер запястье и виновато вытянулся по струнке. – Я зашел как к себе домой. А если бы враг зашел?!

– Если б враг зашел, – Бойко положил на стол нож, нарочно стукнув о столешницу рукоятку, – я б с ним иначе поговорил. А ребята на стрельбище тренируются. – Словно в подтверждение его слов, из-за здания послышались выстрелы.

– Вы ведь знаете, по какому делу я прибыл.

– Как не знать, товарищ капитан, – майор поморщился, как от кислого, и напряженно сжал губы.

Как не знать, по какому делу слетаются после боя стервятники.

– Будете ребят допрашивать?

– Естественно, буду. У вас чепэ, майор Бойко. Вы это осознаете?!

Кругами ходит. И смотрит – странно так. Как будто ждет от Бойко подсказки.

– Чепэ, – осторожно кивнул майор. – Осознаю, капитан.

– Тогда жду подробностей.

– Да все, что мог, я вам уже в рапорте написал, товарищ капитан Шутов. Мне добавить нечего. Извиняйте, – Бойко холодно улыбнулся – как будто оскалился – и глянул капитану в глаза.

Плохие у особиста глаза. Холодные, хищные.

он душу из тебя вынет

Не подсказки, нет, слабины алчут эти волчьи глаза. Унизить, значит, хочешь майора Бойко, напугать, да, крыса? Ну-ну. Майор Бойко сам тебя в парашу макнет – да так, что ты не заметишь. Ты стрелять-то из своего «вальтера» небось только в спину умеешь.

– Капитан! – на суровом лице майора появилось простодушное, ребяческое выражение, а оскал мгновенно сменился задорной улыбкой. – А хотите перед допросами пострелять? Разо-мнетесь немножко с товарищами... Где, кстати, ваши товарищи?

– А товарищи мои уже постреляли, – процедил Шутов. – Погибли мои товарищи.

– Как?

– Вопросы я задаю, майор. И развлекаться мне некогда. Сейчас со штабом свяжусь, дальше буду снимать допросы. Человека себе возьму... – Шутов повернулся к рядовому, бес- толково переминавшемуся у двери. – Как зовут?

– Пашка! То есть, это... рядовой Овчаренко! – красноармеец снова вытянулся по струнке и отдал честь.

– Писать умеешь?

– Так точно!

– Будешь вести протокол. А сейчас на радиоточку меня веди. – Не дожидаясь ответа, Шутов направился к выходу. – Я надеюсь, майор, ты не против одолжить мне столь ценный кадр.

Пока мы идем к радиоточке, рядовой Пашка, неуклюжий большой щенок, как я и рас- считывал, выбалтывает, что у них тут случилось, в этой лисьей дыре. Пропал некто капитан Деев, а с ним четыре бойца, две недели назад. Этот Деев – подчиненный майора Бойко и его лучший друг. На рассвете самовольно покинул штаб, взяв оружие и людей. С тех пор никто их не видел...

– Вы же наших ребят найдете, правда, товарищ Шутов?

У Пашки веснушки и доверчивые, незабудкового цвета, глаза. Такие глаза я видел у ново- бранцев. А одному я их потом закрывал. С такими глазами почему-то всегда быстро гибнут.

Мне вдруг мучительно, так, что челюсти сводит, хочется сказать ему, кто я. Вместо этого я прессую его тяжелым, как глыба льда, взглядом и отвечаю, тихо и зло:

– Из-под земли их достану.

Он легко выдерживает мой взгляд; в незабудковых глазах вместо страха рождается грусть:

– Вы думаете, они под землей?

А вот старшина Артемов, радист, отдавая честь, старается на меня не смотреть. Для него я – как, впрочем, для всех, кроме при-дурковатого Овчаренко, – вертухай с чекистской гниль- цой. Зараженная бешенством, но наделенная властью крыса.

И я озираю радиоточку, быстро и воровато, как и положено крысе. И я смотрю на радиста нагло и требовательно, как и положено вертухаю. И я говорю ему:

– Связь со штабом дивизии, срочно.

Он покорно напяливает наушники, с минуту перебирает частоты, «Подснежник, я Ласточка! Как слышно меня, Подснежник, прием?», потом протягивает мне трубку:

– Есть связь.

– Можешь быть свободен.

– Но... товарищ капитан, я обязан быть при радиостанции...

– Это дело особой секретности, старшина.

Я глазами указываю на дверь и подношу трубку к уху, как бы не сомневаясь, что он подчинится и выйдет. Когда он выходит, я кладу на стол трубку и достаю финский нож.

Связь – понятие относительное. Вот, допустим, армейская радиостанция РБМ. Если снять боковую панель, то на корпусе, среди прочего, будут четыре контурные катушки с фер- ритовыми сердечниками, на сердечниках – втулки с резьбой. Если вставить отвертку в паз и слегка подкрутить – пару-тройку витков, не больше, – частота поплывет. То же самое можно сделать и без отвертки – достаточно финки капитана СМЕРШ Шутова. Вроде только что была связь – и вот уже ее нет...

Быстро ставлю панель на место – и тут же луплю по ней кулаком. Бубню в трубку:
– Прием! Как слышно меня? Прием!
Наконец, ору во всю глотку:
– Радист! Будет чертова связь или нет?!

Глава 2

– Как приехал, так и уедет. – Майор Бойко сделал ложный выпад вправо, резко качнулся влево, перекатился и стрельнул из ТТ по мишени, угодив в самый центр концентрических кругов на изрешеченном пулевыми дырками лбу плоского фанерного человечка. – Не ссать, парни. Не таких обламывали.

Человечек рухнул в груды битого кирпича, рядом с ним из завала с жужжанием поднялся следующий. Помотавшись из стороны в сторону, Бойко снова засадил пулю, на этот раз в обведенное траурным кружочком фанерное сердце. Стрельбище они организовали со скуки прямо за штабом, на руинах взорванного склада, среди битой кирпичной кладки. Поясные мишени в движение приводил сочиненный сапером Ерошкиным агрегат: трофейный мотоцикл со снятыми колесами и работающим движком, к ведущей оси присобачен редуктор, от него к мишеням тянутся веревки. Лицо сапера Ерошкина всегда хранило выражение задумчивости и грусти, как будто мысленно он присутствовал за длинным столом на бесконечных поминках. Однако руки его жили независимой от поминок увлекательной жизнью: любую попавшую в них железяку они переиначивали и награждали новой судьбой и смыслом.

– Так а что на допросе-то говорить? – Ерошкин пожевал травинку, переступил с ноги на ногу, хрустнув рыжим крошечком кирпича, и скорбно воззрился на очередного восставшего с земли человечка с решетом на месте груди.

– Говорить как есть, просто лишнего не болтать. – Бойко сделал в решете еще одну дырку и уступил место на огневом рубеже снайперу Тарасевичу. – Нам бояться нечего. Совесть наша чиста. Да, снайпер?

– А то ж. – Тарасевич, флегматичный увалень с припухшим, сонным лицом, принялся дырывать человечков, стоя на месте и лишь лениво перебрасывая руку.

– Вот нас особист-то, смелых и чистеньких, к стеночке рядочком поставит и – бах! – лейтенант Горелик, чернявый, курчавый и тощий, издалека весьма похожий на Пушкина, а вблизи – на нервного пуделя, дернул бурагинистым носом в сторону падающих и вскакивающих мишеней. – Только мы обратно не встанем... А вот и он, стервятничек наш. – Горелик сплюнул под ноги.

Бойко быстро покосился на приближавшегося к стрельбищу Шутова и уставился в упор на лейтенанта. Как взбешенная, но перед нападением честно обозначающая угрозу собака, чуть приподнял верхнюю губу, обнажив удивительно белые и крепкие для заядлого курильщика резцы. Процедил:

– Лейтенант Горелик. А ну придержите язык.

– Виноват, товарищ майор.

Горелик осторожно глянул в лицо майора и, убедившись, что опасный оскал уже превратился в дружескую улыбку – Бойко был гневлив, но отходчив, – добавил:

– Я просто особистов... со штрафбата... не очень.

– Все понимаю, Слав, – Бойко успокаивающе тронул Горелика за плечо. – Но на рожон не лезь. И себя, и всех подставишь.

– Что ж теперь, особисту жопу лизать?

– Понадобится – лизнешь, лейтенант. И хватит звать его особистом. Нет больше особистов, есть СМЕРШ. Тебе все ясно?

– Так точно, – Горелик мрачно кивнул майору и отдал подошедшему Шутову честь. Тот смерил его змеиным, невыразительным взглядом и шагнул вплотную к Бойко. Сапер Ерошкин, горестно качнув головой, выключил механический тир.

– Майор, вам какая формулировка ближе: «разгильдяйство» или «саботаж»? – Шутов говорил тихо, но зло. – Мои товарищи погибли. Я должен срочно связаться с руководством. А у вас рация неисправна. Это как понимать?

– У нас тут, капитан, не как вы привыкли... не как в тылу, – миролюбиво, но без намека на подобиострастие произнес Бойко. – ВЧ-связи нет, кабель не протянули пока, у нас тут две недели назад еще бои были. Есть только радио. Перебои случаются. Но радист у меня опытный. Связь будет, лично ручаюсь.

– Ловлю на слове, майор. – Шутов снисходительно оглядел стрельбище. – У вас тут, смотрю, прямо полигон.

– Десанту навык терять нельзя. Ерошкин, сапер, машинерию нам наладил. А хотите все же опробовать? У вас в СМЕРШе, говорят, своя школа стрельбы особая. Покажите, а? Ерошкин, свежих фрицев заряди товарищу капитану!

– Некогда, – Шутов раздраженно поморщился.

Но Ерошкин уже врубил мотоциклетный движок, и фанерные фрицы неспешно поднялись из своих братских могил.

– Ну, товарищ капитан, просим! – Бойко сделал приглашающий жест. – Ребятам поучиться полезно.

С досадой дернув уголком рта, капитан СМЕРШ вынул из кобуры «вальтер» и шагнул на огневой рубеж.

– Вторую скорость включи, Ерошкин, – приказал Бойко.

– Может, первую? – Ерошкин печально чмокнул зажатой во рту травинкой. – Не потянет же, – добавил он совсем убито и тихо.

– Вторую, вторую.

Ерошкин переключил скорость. Капитан поднял «вальтер» и повел дулом: трафаретные фрицы суетливо и бессистемно ложились и вскакивали.

Бойко весело подмигнул нахохлившемуся лейтенанту Горелику и шепнул ему в ухо:

– Смотри и учись, Славик, как особистов в говно макать вежливо.

Шутов выстрелил – мимо. Вторым выстрелом пробил фанерному человечку плечо, далеко от концентрических кругов на голове и груди. Третий – снова промах. И опять попадание – в того же человечка, что в прошлый раз, но тоже с краю, в плечо. И еще одно – куда-то в область фанерного паха.

– Выключайте шарманку! – особист раздраженно сунул пистолет в кобуру.

Обреченно козырнув, Ерошкин вырубил тир. Шутов молча, избегая смотреть на десантников, направился к штабу.

– Неплохой результат, капитан! – великодушно прокричал ему в спину Бойко и подошел к отстрелянным трафаретам.

Снисходительно оглядел фрица, которого Шутов трижды задел. Дырка в левом плече, дырка в правом и еще одна внизу живота, все по самому краю фанерного силуэта, еще б полсантиметра – и мимо. Крыса. Это тебе не в затылок стрелять. Бойко пнул ногой фанерного фрица и направился было прочь, но вдруг раздумал и вернулся к поверженному трафарету. Что-то было не так. Что-то с этими промахами у него не сходилось. Или нет, напротив. Сходилось слишком уж точно. Растопырив пальцы, майор замерил расстояние от яблочка грудной мишени до каждого из трех пулевых отверстий. Оно было одинаковым: идеальный треугольник с кружочком в центре.

– Товарищ капитан Шутов велел всем в штаб! – хрустя битыми кирпичами и стеклами, на стрельбище влетел раскрасневшийся рядовой Овчаренко.

– А ты у особиста на побегушках теперь, Овчара? – недобро сощурился Горелик.

– Никак нет, товарищ лейтенант, – Пашка неуклюже переступил с ноги на ногу в кирпичной пыли. – Просто у товарища капитана товарищи же погибли... Только что их доставили.

Там трое ребят. Обгорели сильно... – Пашка стянул с головы пилотку. – Прямо как головешки. Капитан на них такими глазами смотрел, что прям жутко. А потом ко мне повернулся и говорит, мол, пока мне новых товарищей сюда не прислали, будешь мне помогать, зови, мол, всех на допрос.

Глава 3

*Дальний Восток. Урановый рудник «Гранитный».
Сентябрь 1945 г.*

– Зачем вам это, полковник? Мертвяка допросить хотите? – начлаг Модинский прикрыл отекающей рукой багровый, в тонкой сеточке проступивших сосудов, нос. С утра и так мутило (вчера на нервах перебрал коньяку, когда явился этот черт из Москвы), а тут еще вонь из Рва Смерти, разворошенного по прихоти гостя...

– Да. Накопились вопросы к заключенному Кронину.

Полковник Аристов, в серой шляпе борсалино и в элегантном плаще, безмятежно и с легкой скукой – так столичный театрал с бельэтажа смотрит провинциальную оперу – с края рва наблюдал за зэками, ковырявшимися в братской могиле под дулами автоматчиков-конвоиров. «Адъютанты» начальства, Силовьев и Гранкин, топтались чуть в стороне, ожидая распоряжений.

Трупы в яме лежали грудой, обнаженные, с бирками на ногах и размозженными головами.

– Они все у вас, что ли, в завалах гибнут? – поморщился Силовьев.

– Отчего же все? Т-т-только т-трое, – выдавил Гранкин.

– Так ведь бошки у всех разбиты?

– Их киркой разбивают. Н-на всякий случай. Пыа... п... – Гранкин мучительно скривил рот, выплевывая непокорное слово. – П-последняя печать называется. Чтоб живые за зону не выходили.

– Предусмотрительно, – Силовьев брезгливо передернул плечами. – А побегу часто у вас бывают?

– Редко. Никогда. Это рудник г... гыа... гг...

– Гранитный рудник, я понял, – Силовьев сделал ободряющую гримасу.

– Объект особой с-секретности, – на лбу Гранкина выступила испарина. – Отсюда не убегают.

– Нашли! – словно в подтверждение его слов прокричал из рва конвоир. – Нашли триста третьего!

– П... пыа...

– Да ты не мучайся, сам скомантую, – Силовьев подмигнул Гранкину. – Поднимайте! Полковник Аристов желает осмотреть труп.

– Именно он. Триста третий, – Модинский тронул носком сапога бирку на обломке ноги мертвеца. – Кронин Максим Петрович, пятьдесят восьмая статья.

– Это не он, – спокойно повторил Аристов.

– Я же предупреждал: труп сильно обезображен в завале. Лицо всмятку, конечности раздроблены. Опознать невозможно.

– Максима Кронина я опознаю любым, подполковник. Уж вы поверьте. У нас с ним... особая связь.

– А я, товарищ полковник, в особые связи не верю. А верю в документацию. На бирке указан номер, соответствующий фамилии зэка? Указан. Опознать его по лицу, по зубам и так далее есть возможность? Нет возможности. Тогда – зарываем.

Полковник Аристов задумчиво оглядел далекие приземистые горы с намотанными на верхушки лоскутами тумана, и близкие, хищно ощеренные гранитные останцы, кривыми тем-

ными рядами торчащие из скалы, и серые каменные бараки. Тут даже в братской могиле – осколки камней и гранитная крошка...

– Шрам, – сказал Аристов очень тихо и посмотрел в лицо начальнику лагеря.

Гранит везде, подумал вдруг Модинский как будто бы не свою, а совершенно чужую, чуждую, бесформенным обрывком влетевшую в голову мысль. Тут даже в могиле – осколки камней и гранитная крошка. И глаза у полковника – такие же серые, как этот гранит...

– Не понял вас, товарищ полковник, – Модинский с усилием отвел взгляд. – Какой шрам?

– У Кронина на груди – шрам в форме китайского иероглифа «ван». Три продольные полосы, одна поперечная. У вашего безголового шрама на груди нет.

– Безобразие! – взревел Модинский. – Майор Гранкин! Опять перепутаны бирки на трупах! Найти виновных! Под трибунал у меня пойдут!

– Т-так т-точно! – выпучил глаза Гранкин. – А с эксг...г-гумацией что прикажете делать?

– Зарывать! – скомандовал Модинский. – До выяснения, с чьей биркой перепутали триста третью.

– Отчего же зарывать? – мягко поинтересовался Аристов.

– А что же мне, мертвяков до выяснения на солнышке тут держать? А если пару недель займет выяснение, что прикажете делать?

– Что прикажу? – все с той же вкрадчивой интонацией произнес Аристов – и тут же резко повысил голос: – Прикажу вам лично, ручками перерыть эту вонючую яму и предоставить мне тело со шрамом в форме иероглифа «ван»! Как вариант – можете просто сказать мне правду. Где Максим Кронин?

Модинский почувствовал, как становится горячим лицо, как кровь приливает к щекам и глазам, шумит и бьется в горле, в ушах, вскипает рубиновой пеной гнева. Унизить его, начальника лагеря «Гранитный», перед Гранкиным, перед конвоирами, перед эка?! Да что он о себе возомнил, этот хлыщ? Ничтожество с гонором. Уж он-то, Модинский, знал такую породу. С такими что главное? С такими главное – взять правильный тон. Тогда они быстро поджимают хвосты.

– Послушай сюда, полковник, – стараясь звучать спокойно, сказал Модинский. – Я просьбу твою уважил. Эксгумацию произвел. Но ты мне, Аристов, не начальник. Начальник мой – генерал-лейтенант товарищ Наседкин. Будет от него приказ перерыть всю яму – перерою всю яму. Нет приказа? Значит, ужин в комендатуре, коньяк хороший, грузинский. За Родину выпьешь, за Сталина – и утречком на самолет.

Полковник Аристов улыбнулся – чуть заметно, уголком рта:

– Ошибку делаешь, подполковник.

– Это урановый рудник «Гранитный», товарищ Аристов. Объект особой секретности. Тут ошибок не делают, – Модинский оглядел ров. – Зарываем! Проследи, Гранкин.

Начальник лагеря развернулся и пошел прочь, на ходу выуживая из кармана фляжку.

– Товарищ полковник, – Силовьев склонился к уху начальника. – Полномочий-то у нас правда нет. Мы ж самовольно вот это все, без распоряжения сверху, – он кивнул на развороченную эковскую могилу.

– А сверху никого больше нет, – Аристов по-отечески положил руку Силовьеву на плечо. – Так что ты не волнуйся.

– Не понял, товарищ полковник.

– Над тобой теперь только я, Силовьев. Я – на самом верху. А скоро поднимусь еще выше.

Глава 4

Маньчжурия. Лисьи Броды.

Начало сентября 1945 г.

– Товарищ Шутов, а номер дела какой писать? – Оставь там место, я потом сам заполню. Пашка понимающе кивнул, послунил химический карандаш и, высунув от усердия кончик языка, принялся старательно, но на удивление быстро выводить округлым детским почерком записи в протоколе.

– Красиво пишешь, рядовой Овчаренко. Каллиграфически. Тебе бы тушь, кисточку – да иероглифы по рисовой бумаге. Не пробовал?

– Никак нет, товарищ Шутов...

Дело № ____ об исчезновении капитана Деева О. М. и 4 бойцов Красной Армии в районе населенного пункта Лисьи Броды.

Допросы снимает: капитан Шутов Степан Владимирович, ОКР СМЕРШ 381 дивизии (15 арм. Дальневост. фронт).

Протокол ведет: рядовой Овчаренко Павел Иванович (7 рота 783 стрелкового полка 381 дивизии, 15 арм. Дальневост. фронт).

г. Лисьи Броды, 4 сентября 1945 года.

Допрос начат в 15:00.

Свидетель по делу № ____ лейтенант Горелик Станислав Валерьевич, десантник, 1925 г. р. (7 рота 783 стрелкового полка 381 дивизии, 15 арм., Дальневост. фронт).

Вопрос: Лейтенант Горелик, что вам известно об исчезновении капитана Деева?

Ответ: В ночь с 19 на 20 августа капитан Деев взял четырех бойцов, оружие, лошадей, провизию и ночью покинул расположение части.

Вопрос: Куда и с какой целью они ушли?

Ответ: Капитан Деев, как старший по званию, мне не отчитывался.

Вопрос: Есть какие-то предположения?

Ответ: Никак нет.

Вопрос: Видели когда-нибудь в городе эту женщину?

(примечание: капитан Шутов демонстрирует свидетелю фото на крышке карманных часов)

Ответ: Нет.

Свидетель по делу № ____ мл. лейтенант Тарасевич Савелий Денисович, снайпер, 1910 г. р. (7 рота 783 стрелкового полка 381 дивизии, 15 арм., Дальневост. фронт).

Вопрос: Что вам известно о местонахождении капитана Деева?

Ответ: Так ведь капитан Деев пропал куда-то, потому вы к нам приехали это дело расследовать.

Вопрос: И что же, никто ничего не слышал, не видел в ночь с 19 на 20 августа, когда Деев с лошадьми и людьми покинул расположение части?

Ответ: За других не знаю, а я-то сплю хорошо, товарищ капитан. Вот и в ту ночь, опять же, хорошо спал, крепко так. Ничего не слышал.

Вопрос: У вас лично есть предположения, куда ушел Деев с отрядом?

Ответ: Та какие предположения! Сам удивляюсь: глухомань на сто верст, токо зверье бродит и браконьеры, ну еще япошки-дезертиры, вы ж знаете... Шо ему там зандобилось? Непонятно.

Вопрос: Видели эту женщину?

(примечание: капитан Шутков демонстрирует свидетелю фото на крышке часов)

Ответ: А кто это?

Вопрос: Отвечайте на вопрос.

Ответ: Не видел я эту женщину никогда. Красивая, такую я бы точно запомнил.

Свидетель по делу № ____ капитан Родин Георгий Григорьевич, замполит, 1904 г. р. (7 рота 783 стрелкового полка 381 дивизии, 15 арм., Дальневост. фронт).

Вопрос: Располагаете ли вы информацией об исчезновении капитана Деева?

Ответ: В некоторой степени, так сказать, располагаю.

Вопрос: Конкретней?

Ответ: У меня есть основания полагать, что капитан Деев взял с собой проводника из местных староверов. Андрон Сыч его зовут, охотник. Потому что упомянутый Сыч в ту же ночь, что и Деев, покинул Лисьи Броды и до сих пор не вернулся. Я несколько раз расспрашивал жену Андрона Сыча, Татьяну Сыч, и брата его, Ермила, они утверждают, что Андрон Сыч ушел на охоту своим отдельным маршрутом. Но у меня к этим, понимаете, староверам доверия нет.

Вопрос: А майору Бойко вы сообщали о своих подозрениях?

Ответ: Так точно, сообщал. Майор Бойко мне отдал распоряжение перестать вынюхивать и найти себе дело.

Вопрос: Что-то еще имеете сообщить по поводу Деева?

Ответ: Моральный облик капитана Деева давно у меня вызывал, так сказать, сомнения. Самонадеян, недисциплинирован, склонен к авантюрам, допускает высказывания. Любовницу

себе завел из местных, Лизой зовут. Она полукровка, дочь китайца-кабатчика. Между прочим, мать-одиночка, дочку неизвестно от кого прижила. Ее моральный, так сказать, облик вызывает сомнения... Предполагаю, что она Деева даже чем-то, так сказать, заразила. Последнее время он бледный ходил, мешки под глазами, и сильно, так сказать, исхудал... Также имею подозрение, что, будучи кандидатом в члены КПСС, Деев тайно употреблял опиум, так сказать...

Вопрос: Капитан Деев курил опиум?

Ответ: Нет, опиум, так сказать, для народа. Имею в виду религию. Капитан Деев несколько раз посещал местную православную церковь, вел беседы с попом, в последний раз – вечером накануне отбытия. А поп, между прочим, происхождения дворянского, в Первой мировой служил авиатором, потом – белым летчиком... То есть тут вам и религия, и антиреволюционные настроения, со всех сторон получается, так сказать, разложение. Об аморальном поведении Деева я, как политрук, то есть замполит, неоднократно в письменной форме сообщал майору Бойко. И, между прочим, Деев не единственный в роте морально, так сказать, разложился. Мне стало известно, что лейтенант Горелик также имеет любовницу из местных жительниц, которая является...

Вопрос: Моральный облик лейтенанта Горелика меня не волнует. По Дееву у вас все?

Ответ: Еще имею сказать, что Деев что-то в сейфе хранит. Тут через площадь – бывшее отделение Русско-Азиатского банка. Там сейф остался, очень большой. И капитан в него, так сказать, что-то запер, а что – не сказал.

Вопрос: Вам знакома эта женщина?

(примечание: капитан Шутов демонстрирует свидетелю фото на крышке часов)

Ответ: А что, она имеет какое-то, так сказать, отношение?

Вопрос: Отвечайте на поставленный вопрос.

Ответ: Эта женщина мне, так сказать, не знакома.

Свидетель по делу № ____ Долин Арсений Александрович, церковнослужитель (батюшка), 1893 г. р., житель г. Лисьи Броды.

Вопрос: Что вы можете сказать об Андроне Сыче, охотнике и старовере? Известно ли вам, что он покинул город одновременно с капитаном Деевым? Они ушли вместе?

Ответ: Андрюшка-то... Он даже у раскольников наших вроде черная овца, не шибко древлеотеческие заповеди блюдет. А уж со мной-то ему с чего откровенничать? Куда он и с кем ушел – того мне знать не дано.

Вопрос: А Деев? Что он вам говорил, когда посещал вашу церковь?

Ответ: Простите великодушно, но вам я это открыть не могу. Потому как что мне человек поверяет – сие есть тайна исповеди.

Вопрос: А сие есть допрос, и сейчас вы говорите с оперуполномоченным СМЕРШ. А от СМЕРШ у вас тайн быть не может, уважаемый батюшка. Мы караем быстрее, чем ваш господь. Вы, насколько мне известно, из белых?

Ответ: Для меня больше нет ни белых, ни красных. Познав ужасы войны, пришел к вере.

Вопрос: Так в каких грехах вам исповедовался капитан Деев?

Ответ: Капитан познал ужасы войны, как и я. Он рассказывал, как на фронте людей убивал.

Вопрос: Так ведь он врагов убивал?

Ответ: Перед Господом нет своих и врагов, мы все – Его дети.

Вопрос: Что сказал вам Деев вечером 19 августа, накануне исчезновения?

Ответ: Капитан интересовался изгнанием бесов.

Вопрос: Что?

Ответ: Он спрашивал, как ведут себя одержимые бесами и как изгнать бесов.

Вопрос: Из кого? Кто был одержим?

Ответ: Сие мне неведомо.

Вопрос: Вы встречали в городе эту женщину? (*примечание: капитан Шутов демонстрирует свидетелю фото на крышке часов*) Отвечайте.

Ответ: Я ее не знаю.

Свидетель по делу № ____ Новак Иржи Францевич, врач, 1876 г. р., житель г. Лисьи Броды.

Вопрос: Капитан Деев в последнее время жаловался на здоровье?

Ответ: У него были носовые кровотечения, головокружения, общая слабость. Симптомы начали развиваться стремительно в последнюю неделю до его исчезновения. А до того был здоров как вол. Диагноз я установить не успел. Деев очень переживал и товарищам просил не рассказывать. Привык быть здоровым, крепким.

Вопрос: Видели эту женщину?

(*примечание: капитан Шутов демонстрирует свидетелю фото на крышке часов*)

Ответ: Нет. А что?

Вопрос: Вопросы тут задаю я. Кроме общей слабости, были еще секреты от товарищей у капитана?

Ответ: Откуда мне знать. Мое дело – не секреты выведывать, а людей лечить.

Свидетель по делу № ___ майор Бойко Сергей Михайлович, 1905 г. р., командир 7 десантной роты (783 стрелковый полк 381 дивизии, 15 арм., Дальневост. фронт).

Вопрос: Капитан Деев покинул Лисьи Броды по вашему указанию?

Ответ: Я все уже излагал в рапорте и на допросе полковому уполномоченному.

Вопрос: Я хочу услышать еще раз.

Ответ: Капитан Деев, находившийся в моем прямом подчинении, взял людей и ушел самовольно. Я такого приказа не отдавал. Направление и маршрут мне неизвестны.

Вопрос: Замполит Родин сообщал вам об аморальном поведении капитана Деева?

Ответ: Так точно. Сообщал в письменной форме. Много бумаги извел.

Вопрос: И что вы делали с бумагой?

Ответ: Складывал вчетверо и совал в задний карман. А что я должен был делать? Отличного офицера наказывать за излишнюю лихость? У нас десант, а не детсад. У Олежки... У капитана Деева орден Славы, два Боевых Красных Знамени, тринадцать забросок за линию фронта, фашистов как баранов резал! Ему сам маршал Жуков именной пистолет вручал, с благодарностью! Деев – боец, а не крыса штабная, он всю войну прошел.

Вопрос: А вы в курсе, что ваш лихой боец что-то в сейфе прятал?

Ответ: Замполит Родин докладывал.

Вопрос: И вы сейф до сих пор не вскрыли?

Ответ: А его не вскрыешь. Шифр неизвестен. Рвануть невозможно. Это «Мауэр» пятого класса. У него бронеплита – во! Полгорода ляжет. А внутри все в пыль разотрет.

Вопрос: Есть предположения, куда все-таки ваш герой Боевого Красного Знамени делся?

Ответ: Я уже говорил полковому уполномоченному. Я думаю, он хотел найти подопытного, которого мы упустили.

Вопрос: Какого подопытного?

Ответ: Пленного из японского лагеря «Отряд-512».

Вопрос: Подробнее?

Ответ: 19 августа мы штурмовали лагерь. Два японских грузовика прорвались через оцепление и скрылись. В здании мы обнаружили груды трупов и одного раненого, со следами пыток и истязаний. Мы его упустили. Деев считал себя виноватым.

Вопрос: Опишите внешность раненого.

Ответ: Вот зачем это, капитан? Я уже указал все подробно в рапорте, потом на допросе... Мужчина славянской внешности, возраст определить затрудняюсь, обнаженный, очень длинные ногти на руках и ногах, борода, спутанные длинные волосы. Тяжело ранен в живот, в грудь и в ногу.

Вопрос: И вы его упустили?

Ответ: И мы его упустили. Несмотря на тяжелое состояние, он проявил неожиданную сноровку.

Вопрос: Как вы это объясняете?

Ответ: Говорят, японцы в «Отряде-512» выводили идеальных солдат, нечувствительных к увечьям и боли. А уж как и что – это вам там в вашем отделе виднее. Извините, я в опытах над людьми понимаю мало. Я военный, мое дело – Родину защищать.

Вопрос: Укажите на карте место расположения «Отряда-512» на момент штурма.

Ответ: Здесь. А то вы не знаете.

(примечание: майор Бойко указывает точку на карте)

Вопрос: Укажите, куда передислоцировались японцы из «Отряда-512»?

Ответ: А, вы вот к чему клоните, капитан. Шпиона из меня сделать решили? Я служу в Красной Армии. С японцами не сотрудничаю. Куда они делись, не знаю. Враг мне о своих передвижениях не докладывает.

Вопрос: В японском лагере среди пленных, живых или мертвых, вы видели эту женщину?
(примечание: капитан Шутков демонстрирует свидетелю фото на крышке часов)

Ответ: Затрудняюсь ответить на вопрос, капитан. Даже если я ее видел, вряд ли смогу опознать.

Вопрос: В каком смысле?

Ответ: Тут на фото – ухоженная, красивая дама. А те пленные, которых я видел в «Отряде-512»... выглядели иначе. Они практически утратили человеческий облик.

Свидетель по делу № ___ Елизавета Бо, 1918? г. р., род занятий неопределенный (знахарка?), жительница г. Лисьи Броды.

На допрос не явилась. По месту жительства не застали.

Свидетель по делу № ___ Сыч Ермил Игнатьевич, 1906 г. р., охотник, житель г. Лисьи Броды.

На допрос не явился. По месту жительства не застали.

Глава 5

Никитка бежит по лесу. За Никиткой гонится человек-тигр. Он бывает человек, а бывает тигр. Когда он человек, его зовут Лама. А когда он тигр, у него на лбу четыре полосы, три вдоль, одна поперек. Человек плохой, и тигр тоже плохой. Он знает Никиткин запах и находит его везде. Он хочет Никитку утащить обратно, откуда Никитка сбежал, посадить в клетку и делать уколы. Или просто убить. Никитка бежит от тигра быстро-пребыстро. Никитка теперь стал сильный, он бегают хорошо, умеет даже бегать на четвереньках. Но тигр тоже сильный. Тигр сильнее Никитки. Никитка не хочет, чтобы тигр его догонял. Никитка хочет, чтобы тигр ушел далеко. Но тигр уже рядом с Никиткой. Никитка садится на корточки и закрывает глаза. Если Никитка не видит тигра, тигр тоже не должен его увидеть. Но этот тигр очень хитрый. Особенный тигр. Он видит, даже если темно. Он подходит к Никитке и нюхает его сзади. Из рта у тигра пахнет войной, пахнет так же, как пахли застреленные солдаты. Когда тигр бывает человеком, от него все равно идет этот запах, просто слабее. Но Никитка чует. Никитка теперь все чует...

Тигр делает больно Никитке, он режет ему спину когтями. Он злой тигр, наказывает Никитку за то, что Никитка сбежал. И он хватает Никитку зубами и волочет. Чтобы Никитка опять сидел в клетке и отдавал свою кровь.

Никитка не хочет в клетку и кричит, очень громко. За это тигр наступает ему лапой на горло, и Никитка больше не может кричать.

Никитка слышит выстрел и чует запах земли, железа и дыма. Это значит, он опять умирает. Пока Никитка не убежал, он много раз уже умер в клетке после уколов, и перед этим почти всегда бредил, что он на фронте. В него стреляют – и он падает лицом на дно ямы, и раскрывает рот, чтобы сделать вдох, но вдохнуть не может, а может только выдохнуть, отдать земле весь свой воздух, испустить в нее дух. И кровь с землей перемешиваются во рту, и он уже не может понять, где чье, как будто в нем – остывающий чернозем, а раскрытая пасть окопа сочится кровью.

Тот патрон, что предназначался ему, достался сто третьему. Сам же тигр отскочил в бурелом за секунду до выстрела, почуяв взгляд и прицел охотника кожей спины, тем самым местом чуть ниже левой лопатки, где до сих пор, уже вторую неделю, кровоточил при метаморфозе шрам от ножа. Обычно раны заживали на нем за пару часов, но эта рана была особой. Во-первых, располагалась она неудобно – нельзялизать. Но главное – она как будто нагнаивалась от мысли, что он не вправе растерзать того, кто ее нанес, потому что тот был неприкасаем. Он не вправе убить того, кто попал бы ему ножом прямо в сердце, будь сердце там, где оно обычно у тигра, а не с другой стороны.

Все метят в сердце ему – свинцом и порохом, камнями и осиновым колом, и горящими стрелами... Ермил, охотник, тоже целился из «меркеля» Ламе в сердце – но попал сто третьему в легкое; похоже, он вообще не видел сто третьего, когда выстрелил: подумал, тигр задрал какого-то зверя и тащит в чашу. Теперь охотник сидит на корточках перед сто третьим и смотрит на его тощую, тяжело вздымающуюся грудь, на две струйки крови – одну, выхлестывающую в такт с неровным биением сердца из пробитых дробью ребер, другую, тоненькой алой змейкой уползающую из уголка посиневших губ в нечистые заросли спутанной бороды и длинных, сальных волос. Он смотрит на его бурые ногти, на нескольких пальцах обломанные под корень, на остальных же – такие длинные, что они закручиваются в спираль. Косится на набедрен-

ную повязку из продранной мешковины, заглядывает в закатившиеся глаза, копается в своем заплечном мешке, выуживает сменную сухую обмотку, бинтует сто третьему грудь.

Сто третий широко разевает рот, как будто пытается, но не может зевнуть, скребет когтями впалую грудь, потом расслабляется и делает долгий, спокойный выдох, как человек, который смертельно устал и вправе, наконец, отдохнуть. Ермил-охотник щупает ему пульс, с досадой сплевывает на землю, встает. Переминается рядом с телом, не зная, как быть.

Оставь его здесь. Ты же видишь, из него ушла жизнь. Оставь его мне и иди своей дорогой, охотник, тебе не нужно знать, что будет с ним дальше...

...Ермил поправил ружье, накинул заплечный мешок, перекрестился двумя пальцами и пошел прочь.

Минуту спустя вернулся, взвалил сто третьего на плечо.

Вот это ты зря, охотник. Нельзя отбирать у хищников их добычу.

Когда охотник скрылся из виду, Лама вышел из бурелома, бесшумно ступая босыми ногами по сухим иглам. Глаза слезились, и противно ныла нижняя челюсть, как всегда после дневного метаморфоза, совершенного рефлекторно и слишком резко, по велению не разума, но инстинкта. И как всегда после такого метаморфоза, он чувствовал, что унижен. Столько лет прошло, а человека в нем все еще больше, чем зверя, и в минуту опасности его тело принимает привычную форму – будто хочет прикинуться слабым и жалким, чтобы его пощадили.

Лама плавно опустился на четвереньки и обнюхал багровое пятно на земле. Запах крови подопытного номер сто три – особенный запах. Будоражит, даже если ты человек и не чувствуешь полутонов и оттенков. Все равно это запах жертвы на пороге преобразования, которое никогда не случится. Запах боли, гнева и предстоящего чуда, он зовет за собой.

Лама выгнул спину дугой, готовясь к метаморфозу, отдаваясь нарастающему шуму в ушах, содрогаясь всем телом в такт захлебывающемуся сердцу... И почувствовал, как горячая капля скользнула из-под левой лопатки, проползла вдоль хребта, перечеркивая узор змеящихся татуировок, и скатилась вниз по ноге. В нос ударил запах собственной крови: открылась рана. Ножевая, та самая. Он поднялся на ноги, сделал глубокий вдох и скрестил на груди руки, успокаивая пульс. Тело знает, что делать. И знает, чего не делать. Он не будет совершать два метаморфоза подряд. Тем более днем.

Как и смерть, метаморфоз не любит свидетелей и дневной свет. *Переход* – так когда-то Лама вслед за Учителем Чжао называл превращение, но теперь ему нравилось научное «метаморфоз» – по сути, и есть короткая смерть, распад всех тканей и органов. А затем перерождение, воссоздание. Ояма называет это регенерацией. Как у гусеницы, становящейся бабочкой, у личинки, становящейся мухой, только гораздо быстрее. Весь процесс давно уже занимал у Ламы всего восемь секунд. И из них три секунды абсолютного небытия.

Как-то раз, давно, мастер Чжао дал Ламе нож и приказал разрезать куколку бабочки. Лама сделал, как Учитель ему велел. Из кокона вылилось темное, жидкое месиво.

– Вот чем ты являешься во время каждого *перехода*, – сказал мастер Чжао. – Нигредо. Ничто.

Лама тронул пальцем содержимое кокона и понюхал. Оно было липким и пахло смертью. Он спросил:

– Я каждый раз умираю, Учитель?

Мастер Чжао ответил:

– Плоть оборотня сильна, она может хоть каждый день переживать короткую смерть. Но душа его всякий раз тоскует.

Тогда Лама спросил:

– Где в момент превращения пребывает моя душа?

– Кто сказал, что она все еще у тебя есть? – мастер Чжао улыбнулся так безмятежно, что у Ламы заныло в груди.

– Почему ты говоришь мне эти жестокие слова, о Учитель?

– Потому что ты только что убил жизнь, – Учитель кивнул на перепачканный в буром нож и вскрытую куколку.

– Ты же сам приказал мне!

– Но рука твоя даже не дрогнула.

Та куколка была первым живым существом, которое Лама порезал ножом. С тех пор он убивал много раз, и вовсе не бабочек. Он отточил мастерство и скорость своих *переходов* до рекордных восьми секунд. И он не знал, во время какой из тысяч смертей – своих ли, чужих – душа покинула его навсегда и осталась одна лишь плоть.

Глава 6

Каждый раз, когда Никитку убьют, ему больше не больно, но очень грустно. Потому что он как будто бы вылупился из тела, как птенец из яйца, и оказался совсем один, и не знает, куда деваться, и не чувствует больше, где его стая. И поэтому Никитка ждет рядом с телом, пока оно выпустит его обратно. У Никитки теперь очень сильное тело, оно может умереть ненадолго и снова ожить. В первый раз, когда Никитке сделали укол и убили, он подумал, что за ним сейчас придет ангел и уведет жить на небо, – но никто не пришел. И Никитка понял, что такому, каким он стал, не полагается ангел. И что он отдельно от тела просто исчезнет – не уйдет жить на небо, а сам станет частью неба, станет ветром, облаками и воздухом, станет ничем. Это было страшно, еще страшней, чем уколы, и Никитка тогда решил оставаться в клетке, рядом с собственным телом, хотя оно казалось чужим: очень длинные ногти и волосы, как у ведьмы. Раньше он был другим. Раньше был Никитка солдатом, а потом его взяли в плен и сделали с ним плохое.

Но сейчас Никитка умер в лесу, а не в клетке. Его тигр подрал, а потом застрелил из ружья охотник. Он хороший, охотник. Он убивать его не хотел. Он Никитку спасти хотел, и даже рану забинтовал, а теперь несет куда-то Никиткино тело, а Никитка следом идет, потому что, если рана затянется и тело опять оживет, он вернется в него вместе с воздухом, вернется на вдохе...

Когда охотник выходит из леса и несет Никиткино тело мимо сельского кладбища, за ними увязываются собаки. Никитка им улыбается, он любит собак, но собаки не видят Никитку, а видят только Никиткино тело, и рычат, и морщат носы. А потом Никиткино сердце опять начинает биться, и Никитка тогда прижимается к своему телу и как будто его обнимает, и оно принимает Никитку обратно, и засасывает в себя, когда делает вдох.

И ему теперь опять больно, а собаки бешено лают. Никитка слабый пока, не может открыть глаза, но уже все слышит и чувствует. Собаки раньше всегда любили Никитку, а теперь хотят разодрать.

Охотник пинает собак, заносит Никитку в церковь и кладет его на пол, а сам выходит. Никитка не видит, но знает, что это церковь, потому что тут пахнет смертью, теплым воском и деревяшкой. Никитке не нравится запах, но нравится, что в церкви всегда есть бог на кресте: он, как Никитка, умеет умереть, а потом ожить, и тоже мучают его, как Никитку, и еще у него длинные волосы.

Никитка не может пошевелиться. Он чувствует, что кроме него здесь два человека. Один Никитке не нравится, потому что пахнет табаком и уколами. Второй пахнет свечками, хлебом и теми собаками, что лаяли на Никитку. Никитке человек нравится, потому что он наверняка гладил тех собак и кормил, а собаки ему руки лизали.

– Ну, отче, хватит спать над доской, – говорит тот, что пахнет уколами; голос у него старый. – В последний раз, может быть, играем.

Тот, что собак кормил, которого зовут Отче, стучает чем-то, судя по звуку, костяным по деревяшке:

– Хожу ладьей. Отчего же в последний-то, Иржи Францевич?

– Вы с гостем нашим из СМЕРШа разве не познакомились? Щас он нас всех тут... как в Харбине. Там стариков из белогвардейцев по ночам забирают и... Шах!

– А мне этот Шутов показался хорошим человеком, – говорит Отче.

Никитка не понимает, о чем разговор, но голос у Отче добрый и почти молодой. Никитка знает, что отче – это все равно как отец. Когда-то у Никитки тоже был отец, и мать была, но теперь у него есть только стая.

– Все-то у вас хорошие, отче. А вот как набегут сюда из Чека эти хорошие люди... Вас в лагерь, меня так, может, и к стенке, а потом уж друг за друга возьмутся...

– Нет, вы неправильно говорите! Вы не верите просто в возрождение Родины, а я верю! Народ наш такую войну выиграл, такой кровью! Русский человек пол-Европы прошел. Он гордо подымет голову...

– Вот ему по голове и дадут.

– Циник вы, Иржи Францевич.

– Я не циник, отец Арсений, я медик. Вы ходить-то будете? А впрочем, нет смысла. Тут все равно у вас мат в два хода... Вы чего, отче?

– Вы слышите этот звук?

Никитка стонет – и оба человека, наконец, его замечают, бегут к нему. Тот, который доктор, склоняется над Никиткой, и разматывает повязку на ране, и говорит:

– В лазарет его надо срочно.

А Отче выбегает из церкви и кричит:

– погоди, Ермил! Это кто? Ты кого принес?

Никитка слышит, как охотник замедляет шаг и отвечает:

– Се человек. Похорони его, батюшка, по-людски.

– Так ведь... рано пока хоронить-то. Подлечить его надо.

– Он живой?! – шаги охотника приближаются.

– А то ж! Ты доктору подсоби до лазарета, Ермил.

Никитка не хочет, чтобы его забрал доктор. Никитка пытается объяснить, что все само заживет, но вместо этого только слабо рычит. Никитка хочет сбежать – но он пока слишком слаб и не может пошевелиться. Охотник снова взваливает его на плечо и уносит – туда, где страшно пахнет лекарствами и уколами.

Глава 7

Лама проглотил кусок яблока и принялся. В церковном притворе пахло смертью, воском и подопытным номер сто три. Он скинул обувь и пошел босиком – уж конечно, не из уважения к этому их приколоченному к доскам божку, а просто чтобы бесшумно ступать. Их бог не заслуживал уважения – да и вряд ли являлся богом. Всего лишь немощный, жалкий даос, согласившийся на пытки и унижения ради бессмертия. Интересно, что сказал бы о нем Учитель. Вероятно, похвалил бы за ненасилие и смирение. Путь бездействия, невмешательства и уступки – Учитель любил такое. «Тот, кто пишет историю, не должен сам в ней участвовать», «Чтобы вырастить сад, нужно только разбросать семена», «Хочешь выиграть схватку? Тогда воспари над схваткой» – так говорил мастер Чжао.

Но у Ламы свой путь. Путь насилия и вмешательства. Чтобы выиграть схватку, нужно убить противника. Чтобы вырастить сад, нужно выполоть сорняки...

На лавке у стены лежала шахматная доска с недоигранной партией. Белым предстоял неминуемый мат в два хода. Лама замер: ему были знакомы фигуры. Китайский даос вместо короля. Лисица вместо ферзя. Слонов заменяли тигры. Пешки – в форме волков... Искусная подделка. У учителя Чжао были такие шахматы.

Отец Арсений стоял к Ламе спиной у распятия, припорошенного дрожащими бликами заупокойного огонька. Лама тихо подошел сзади – и двумя пальцами придушил свечку.

– Отпустите мне грехи, батюшка. – Он с хрустом откусил кусок яблока. – Я убил девятьсот двадцать семь человек.

– Тебе в храме не место, нечисть.

– И что же твой бог мне сделает? Моя версия – ничего. Потому что он слаб. Он даже слабее тебя. В твоём храме, отче, самый жалкий и беспомощный бог из всех, что я видел. Наши идолы – они хотя бы из золота, в позе лотоса, вокруг них – подношения... Этот ваш – изувеченный, голый, облезлый, прибитый к деревяшке гвоздями. Он похож на наших подопытных... Например, на сто третьего. Ты не видел его сегодня, а, отче?

С неожиданной сноровкой отец Арсений отскочил в сторону, выудил из-под амвона двустволку и навел на Ламу:

– Изыди.

Лама, чавкая яблоком, подошел вплотную к ружью и прижался грудью к стволам:

– Ты не сможешь спустить курок. Ведь это же грех?

– На все воля Божья.

– Ну а как ты отличаешь божью волю от дьявольской? – Он в последний раз куснул яблоко, в руке остался огрызок. – Куда Ева дела огрызок, в твоей священной книге не сказано?

– Она съела плод целиком, – отец Арсений отступил от Ламы на шаг, ружье в его руках чуть подрагивало.

– Любопытно. Я пришел с тобой говорить как раз о познании... Ты ведь знаешь, отче, откуда взялся подопытный номер сто три, которого приволок из леса охотник. Знаешь, что мы с ним сделали. Знаешь много лишнего, отче. Ты ведь жив только потому, что оказал «Отряду-512» услугу. Оказал нам услугу стукача... – Лама сжал в кулаке огрызок, и на заляпанный воском пол капнул яблочный сок. – Не делись ни с кем, кроме нас, своими познаниями. Или станешь моим девятьсот двадцать восьмым смертным грехом.

– Я храню тайну исповеди, – отец Арсений опустил ружье и ссутулился. – Но Господь – он все видит.

– Да пусть смотрит. – Лама запустил огрызком в Христа и направился к выходу. – Он все равно не участвует.

Глава 8

От лазарета Ермил Сыч пошел той дорогой, что вела мимо харчевни китайца Бо. Получался приличный крюк, но Ермил домой не спешил. На ходу привычно взглянул на окно Лизинной комнаты и привычно почувствовал, как просыпается в груди тяжелый, скользкий клубок. Есть ли свет керосинки в ее окне, или там темно – в любом случае тоска обвивала сердце холодной змеей. Если света нет, то и Лизы нет – и он не знает, где она, а главное, с кем. Кто на этот раз греет эти ее вечно замерзшие руки. Если свет горит – значит, она дома и, скорее всего, без мужчины, не приведет же она мужчину, когда в доме ее ребенок, да и нет у нее вроде мужчины, с тех пор как Деев ушел... Как бы ни было, Ермил остановится, и будет мучительно бороться с желанием к ней пойти, и победит это свое желание, и молча уйдет. А может быть, проиграет, и пойдет в харчевню, и потребует подать ему сейчас же ханшин, потребует громко, чтобы Лиза услышала, что он здесь. Ее отец, невозмутимый, вежливый Бо, тогда зачерпнет ему водки из чана, на дне которого лежит свернувшаяся в кольца змея. Она такая же, как у Ермила в груди, но только мертвая, а у Ермила живая – с тех пор, как Лиза его прогнала, он постоянно носил клубок тоски в своем сердце. Уже семь лет.

Он выпьет до дна настоящую на змее водку, потом еще и еще, но Лиза так и не выйдет и Настю к нему не пустит, а он не посмеет к ним постучаться. Или посмеет, но они ему не откроют.

На этот раз света в ее окне не было. Ермил помялся у входа в харчевню и пошел дальше. Тоска поднялась, куснула его прямо в горло раздвоенным жалом и скользнула обратно под сердце, сворачиваясь привычной спиралью. Ермил шел домой, убаюкивая свою змею, усыпляя: наипаче омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя, яко беззаконие мое аз знаю, что ни делается, все к лучшему, это Бог отводит от прелюбодейства с блудницей, а Сатана искушает... Сатана давно за Ермилом ходил по пятам, вот сегодня даже толкнул его под руку, чтоб Ермил убил не тигра, а человека, но Ермил от греха уберется.

Пробираясь к староверским избам вдоль гаолянового поля, уже частично убранного, Ермил в который раз подумал, что никогда эта скудная, истощенная, не способная выносить овес и пшеницу земля не станет ему родной. Ермилу было двенадцать, когда они всей общиной бежали в Маньчжурию и поселились на окраине Лисьих Бродов, и он, в отличие от младшего брата Андрона, знал вкус настоящего пшеничного хлеба, и ненавидел тот хлеб, что они стали печь здесь – из гаоляновой муки, из перемолотых сорняков. Тогда, в восемнадцатом, Андрону было два года, и он забыл, а вот Ермил всегда помнил первую ночь, когда они воткнули в эту землю сырые колья, накрыли их мокрыми ветками и на рассвете разожгли под этой «крышей» огонь. Они воспользовались древним местным законом: того, кто построил на земле дом, сколь угодно хлипкий, и развел в нем очаг, уже нельзя выгнать. Они остались здесь, в Лисьих Бродах, построили дома – уже добротные избы из сруба – на окраине поселения, но жили своей жизнью, особняком.

Ермил и по-китайски-то ни слова не знал, пока не начал навещать Лизу, дочь китайца Бо, полукровку. До этого он много раз встречал ее в городе – в харчевне или на рынке, – но не чувствовал ничего, кроме легкой брезгливости: местные азиатки вызывали у него отвращение, их руки казались липкими, лица – хищными, волосы – сальными, голоса – монотонными. По-настоящему он увидел Лизу восемь лет назад, в кумирне, в лесу. Она была голой и молилась своим богам. Она пахла свежим, молодым потом и можжевеловым, и соски ее, когда он вышел к кумирне с ружьем, напряглись и стали маленькими и твердыми, как пара можжевеловых ягод. Она научила его китайскому слову «ай», похожему на судорожный, испуганный, болезненный стон – и значившему «любовь». Она показала ему древнее начертание этого слова, вывела прутиком на влажной земле иероглиф, состоявший из четырех элементов:

«покрывало», «сердце», «ходить» и «когти». Она попросила его согреть ее холодные руки. Они легко помещались в его больших, шершавых, горячих руках.

Его любовь, его мучительное, внезапное «ай» воткнуло в сердце ему острые когти, накрыло душу тяжелым, непроницаемым покрывалом и погребло под собой все то, что было дорого раньше, – детей, жену, и даже брата, и даже Бога; и с той поры, куда бы Ермил ни шел, он приходил к ее дому...

...Шагнув за калитку, Ермил привычно поклялся себе выкинуть блудницу из головы, а любить семью, как подобает честному человеку. И привычно почувствовал новый укус тоски, увидев выскочившую навстречу жену.

– Ты где был? – слово «был» Марфа выплюнула ему в лицо вместе со слюной. – Опять у этой? У ведьмы?

Когда-то самая красивая в их общине, после третьего, Прошки, она совсем расплзлась, обвисла грудь, а живот не ушел, остался, как будто теперь она всегда была немножечко на сносях, и староста даже недавно спросил «Когда ждете?», а Марфа ушла в избу и там выла, потому что никого они больше не ждут. Она и правда после Прошки еще трижды беременела, но каждый раз кончалось выкидышем на небольшом сроке; потом Ермил перестал ее трогать совсем. После последнего выкидыша у нее случилось помрачение рассудка: она завернула в пеленку багровые сгустки и в чем была – в заляпанной кровью ночной рубашке – отправилась в церковь к отцу Арсению и умоляла, чтобы тот покрестил ее малышку по любому обряду, а что малышка не гулит – так это оттого, что ее ведьма сглазила. Она и раньше говорила, что Лиза – ведьма, но только в ту ночь, выводя скулящую жену из чужой тихой церкви, Ермил подумал, что это, может быть, не пустые слова. В последнее время он и сам временами чувствовал себя странно: похудел, при быстрой ходьбе задыхался. А в те ночи, когда он оставался у Лизы, ему снились тревожные, душные, пропитанные грязным вождением сны. В этих снах к нему выходила из темноты хвостатая женская тень и опускалась на четвереньки, и пристраивалась у него между ног, прикидала к нему прохладным, трепещущим хоботком, и пила из него густой, теплый сок, и хоботок становился теплым. И Ермил просыпался и со стоном извергал горячее семя на узорчатую циновку, а в том месте, где была его голова, циновка тоже становилась горячей. И красной, потому что носом шла кровь.

Он зарыл пеленку на краю православного кладбища на рассвете, к тому времени Марфа уже пришла в разум и стояла, пристыженно уставившись в сухую, комковатую землю. У могилы их неслучившегося ребенка Ермил дал слово, что больше не будет путаться с ведьмой.

Его решение Лиза приняла легко и спокойно, сказала «Иди своей дорогой, охотник» и почему-то на прощание рассмеялась. Уже спустя три дня Ермил не выдержал и попытался вернуться, но Лиза его не приняла. Через неделю к ней стали ходить мужчины. Через восемь месяцев она родила девочку с чуть-чуть раскосыми, как у нее, но серыми, как у Ермила, глазами. А впрочем, Бог его знает, какие глаза были у того, с кем она путалась сразу после него.

– ...Когда Господь уже изничтожит эту тварь и ее ведьминское отродье?! – голос Марфы сорвался на визг. – Где был? У них был? – в углах ее рта запеклись белесые комочки слюны.

– Не твоего ума дело, – Ермил взошел на крыльцо.

– Не моего, значит?! Тогда, может, ихнего?! – Марфа по-лошадиному мотнула головой в сторону избы, платок криво сполз на затылок. – Под монастырь подвел ты нас всех, Ермил! Вместе с братцем твоим! Ты что наделал, ты мне скажи, ты что сотворил? Не думаешь обо мне, о Боге не думаешь, хоть бы о детях подумал! По наши души пришли, кровавые псы!

– Что ты несешь, кликуша, какие псы? – Ермил поморщился и на секунду прикрыл глаза. Голос жены, бессмысленная дробь ее слов отдавалась в висках – как жужжание бьющейся в керосинку осы, как монотонный, нудный осенний дождь, как зубная боль.

– Такие псы! Днем был один, хотел тебя забрать на допрос! Теперь другие двое пришли, так Танька, дура, пустила их в дом! А как непустишь, когда мы слабые бабы да дети, защиты нет никакой... А они сапоги не сняли! За матицу зашли!

Ермил сорвал с плеча двустволку, отодвинул жену и решительно шагнул в дом, в душное облако, свитое из горящего дерева, аромата свежих блинов и дыхания множества ртов.

Младшие дети, Прошка и двойняшки Андрона, притихшие и испуганные, жались друг к другу на полатах. Бабка, как и все последние дни, лежала на печи, скрючившись и уткнувшись носом себе под мышку – как больная крупная птица, безучастная ко всему, кроме тепла, разгонявшего ее густую, старую кровь. Старшие дочери и Танька, жена Андрона, хлопотали по хозяйству в напряженных, неестественных позах. Они стояли рядом, спина к спине, и как будто бы живой стенкой загораживали собой печь, чугунные сковородки, и опару для блинов, и лук с яйцами для припека: чужаки не должны были видеть, как женщины готовят еду.

На лавке слева от входа со скучающим видом сидел майор Бойко. В глубине же избы, прямо в красном углу, под иконами – чужак в офицерской форме, перед ним на столе – жестяная миска с блинами. Он жевал с аппетитом. На вошедшего Ермила уставился нагло и властно.

Это было грубейшим нарушением всех приличий. В староверской избе в красном углу мог сидеть только глава семейства – то есть Ермил. Да и просто проходить за матицу – потолочную балку, означавшую границу между прихожей и внутренней частью дома, – посторонним не полагалось. Вот майор, тот их традицию чтит и сидел на правильном месте.

– Хорошо, что ты с охоты вернулся, Ермил, – Бойко выделил голосом слово «охота». – Тут к тебе капитан СМЕРШ Степан Шутов... имеет вопросы.

Ермил молча, недобро уставился на капитана:

– Какие вопросы?

– Удалась ли охота, товарищ Сыч? – Шутов сунул в рот крупный кусок блина.

– Божьей милостью, – Ермил скинул вещмешок и ружье и подошел к рукомойнику.

– Где же дичь?

– Промахнулся, – Ермил, отвернувшись, принялся мыть руки из чайника. В корыто полилась красновато-бурая вода.

– А мне сказали, Ермил Сыч не промахивается, – особист посмотрел на текущую с рук охотника воду и снова вцепился взглядом Ермилу в спину.

– Вы не слушайте его, он у девки был! – вмешалась в разговор Марфа.

– А ну вон пошла! – одеревеневшими от злости губами процедил Ермил. – Перед людьми меня не позорь!

– А ты сам себя с проблядовкой бесовской не позорь! – взвыла Марфа и выбежала из избы. Таня глупо хихикнула и тут же заслонила ладошкой рот.

– Интересно живете, – особист отодвинул от себя миску с недоеденным блином.

– Как все живем, – огрызнулся Ермил.

– Значит, все тут у вас живут интересно. – Шутов медленно, с ленцой потянулся и вдруг резким, совсем другим тоном спросил: – Где ваш брат Андрон Сыч? Где отряд капитана Деева?

– Не знаю. Я не сторож брату моему. А тем более Дееву.

Шутов пристально поглядел Ермилу в лицо – тот выдержал взгляд – и коротко кивнул, словно счел этот довод достаточно веским.

– Не сторож. Зато охотник и следопыт. Нам пригодятся ваши профессиональные навыки, – капитан поднялся из-за стола и направился к двери, на ходу отщелкивая крышечку золотых нагрудных часов. – Знаете эту женщину? – особист сунул Ермилу под нос портрет какой-то изнеженной, самодовольной блондинки на внутренней стороне крышки.

– Нет, Бог миловал.

Шутов резко захлопнул крышку.

– Поисковая группа выдвигается завтра, – сказал он уже с порога. – Ваше дело – вывести нас на след брата.

Не дождавшись ответа, даже не взглянув на Ермила и небрежно козырнув Бойко, особист спустился с крыльца и под бешеный лай сторожевого пса пошагал к калитке через утонувший во мраке двор.

– Убери, – Ермил мрачно кивнул на миску с недоеденным кусочком блина.

Таня послушно взяла со стола миску и выбросила ее в поганое ведро.

– Странные вы все-таки люди, – подал голос Бойко. – Что за вера такая – гостю еду, как собаке, в миску кидать, да потом еще миску выбрасывать?

– Так ведь если чужой человек из нашей посуды ест, там нечистая сила сразу заводится, дядя Бойко! – сообщил с полатей Прошка.

– Помолчи, сынок, – тихо сказал Ермил и уставился на Бойко потемневшими от бешенства глазами. – Ты кого мне в дом притащил, майор?!

– Как будто у меня был выбор, Ермил.

– У нас был с тобой уговор! Ты ж обещал: если я выйду на след, то мы по-тихому, без начальства, сами пойдем! Ну вот я вышел сегодня на след.

– Поздно вышел. Он уже здесь. Суется везде, разнохивает, копает под меня, крыса, глаза прозрачные...

– И что же мне, на брательника теперь вывести СМЕРШ?!

– А я, думаешь, мечтаю с этой крысой завтра в тайгу идти? У тебя, Ермил, брат пропал. А у меня – целый отряд!

– Так, может, мне его тогда до завтра... того? – Ермил выразительно кивнул на ружье.

– Мам! Таракан! Таракан! – на два голоса завопили с полатей близнецы.

– Ты не дури у меня, охотник! – Бойко возмущенно потряс указательным пальцем, будто грозил ребенку. – Давай-ка без самодеятельности.

– Мам! А в таракане бывает бес? А таракана прихлопнуть?

– Не надо, вдруг это Чун-ван! – страшным голосом предостерег близнецов Прошка. – Командир всех насекомых...

– Прихлопните! – разрешила Татьяна. – Только потом помолитесь.

С полатей послышался дробный, задорный стук, и через щель между досками к ногам Ермила вывалился жирный, полуживой прусак. Ермил поморщился и додавил его сапогом.

– Да без толку, – тоскливо бормотнул Бойко. – Одного прихлопнешь, семеро набегут.

Глава 9

Ложь – маленькая, вертлявая, скользкая тварь. Беспокойный, норвящий высунуться из тебя паразит. То мелькнет в неестественно напряженном изгибе губ, то глумливо зыркнет из уголков опущенных глаз, проползет щекотно по голосовым связкам, заставив голос дрожать, или брызнет кому-то в лицо неуместной, неловкой каплей слюны.

Я смотрю на себя в мутный, треснувший осколок зеркала на стене. В бледном свете спиртовки я похож на вернувшегося с войны мертвеца. На груди моей – шестилапый, зияющий, незаживающий шрам. В черных проймах глазниц – перечеркнутые трещиной, больные глаза. Приоткрытый рот – как еще одна трещина, ведущая в черное никуда. Набираю в пригоршни воду из ручкомойника, бросаю в лицо. И растягиваю губы в хозяйскую полуулыбку крысиного жоака.

Я умею лгать. Я умею различать ложь.

Майор Бойко на допросе солгал. И охотник солгал. Оба знают больше, чем говорят. Бойко покрывает Деева, охотник – брата, обоих можно понять. Оба, видимо, хорошие парни. Ненавидят меня. Все солгали на допросе хоть в чем-то, и все меня ненавидят, кроме, разве что, стукача замполита.

Все солгали хоть в чем-то – но про Елену не лгал никто. Здесь не знают ее. Разве только отец Арсений смотрел на портрет на секунду дольше, чем остальные. Но не думаю, что он врал. Ложь, вертлявую тварь, конечно, можно взять под контроль, но вряд ли это умеет поп.

Для начала – непродолжительное молчание, непроницаемое лицо. Запереть и усмирить ложь внутри, не дать высовываться ее скользкой головке. Она любит вылезать через рот, так что важно следить за губами, жевательными мышцами, носогубными складками. Но нельзя забывать про глаза. Важно брать под контроль не только рот, но и брови, переносицу, лоб.

Через трещину в зеркале равнодушно и нагло за мной следят мои чужие глаза. Я был клоуном, солдатом и эком, сегодня я смершевец, завтра стану кем-то еще.

Есть сложнейший фокус, позволяющий навсегда укротить в себе норвящую вылезти ложь. Недостаточно загнать паразита внутрь – нужно сделать его собой. Без остатка, без жалости отдать себя лжи, позволить ей сожрать себя целиком. Самому стать ложью. Самому обернуться тварью.

Я застегиваю на себе чужую, несвежую гимнастерку. Я оглядываю выделенную мне комнату на втором этаже когда-то богатого особняка. Здесь в начале века, видно, жила прислуга кавэжединского чина: из единственного окна вид не на площадь, а на разрушенный склад. А году в тридцать пятом сюда заселили японского рядового. Три недели назад он напрасно пролил свою кровь за Маньчжоу-Го, марионеточное маньчжурское государство. Или, может быть, здесь ворочался по ночам предавший свою землю китаец, исполнительная, задерганная марионетка на серой циновке.

А теперь бойцы Красной Армии разместили здесь личную комнату крысу. Венский стул с обугленной ножкой, кое-как застеленный липкой клеенкой, опрокинутый на попа снарядный ящик вместо стола – что еще нужно крысе? На клеенке – жестяная кружка, спиртовка, пиала с отбитым краем. Ручкомойник с облезлым ведром в углу. Деревянный топчан, на котором мне ни разу не доведется поспать.

Потому что я – гастролер, и сегодня я уйду в ночь. Остаться здесь – дохлый номер. Лены нет здесь, а может, не было никогда. Связь починят в любой момент. Разоблачение неминуемо. Больше здесь ловить нечего.

Завтра утром они будут ждать капитана Шутова, но капитан не придет. Поисковая операция сорвана. Причина: капитан вернулся в могилу.

Беглый зэк Максим Кронин этой ночью уйдет в тайгу. На рассвете проберется лесными тропами через сопки к разоренной японской лаборатории. И найдет того беглого пленного с огнестрельными ранами, когтями и длинными волосами, найдет живым или мертвым. Потому что если кто и видел Елену – живой или мертвой – так это он.

Поправляю португую. Надеваю фуражку. У меня с собой револьвер «смит-вессон» и «вальтер».

Самодельное стрельбище на руинах склада тонет во тьме – как мои воспоминания в темном крошечке забытого, разбитого прошлого. Вероятно, из-за контузии я многое позабыл. Но я помню, я всегда помню первую встречу...

...Я стою на арене. На поясе «обойма» с метательными ножами. На глазах – глухая повязка. Надрывается шпрыхсталмейстер, невидимый оркестр выдает барабанную дробь.

– А-а теперь!.. Смер-ртельный номер нашей гастролы!.. Непревзойденный! Гений! Клинка-а!.. Максим Кронин!

Невидимый зал рукоплещет хищно и возбужденно. Это Рига. Буржуазная Латвия. Январь тридцать третьего года. Но на самом деле это неважно, публика всегда и везде ведет себя одинаково: плотоядно надеется, что уж в этот-то раз кровь прольется. Хоть капля крови.

– Кто готов стать отважным добровольцем и выйти на сцену, дамы и господа? Кто станет мишенью для маэстро Кронина и его острейших ножей?

Я спокоен. Я знаю, что на сцену выйдет мой человек. Аннабель, моя девочка, моя ассистентка. На ее по-детски трогательных запястьях, на ее тонких щиколотках – серебряные браслеты, на шее – серебряная цепочка. А на каждом браслете и на цепочке – крошечный колокольчик.

Зал смолкает. Я слышу приближающийся перестук каблучков. Только что-то не так: я не слышу, как звенят колокольчики. Зато слышу незнакомый запах фиалок. Женский голос – гораздо ниже и гораздо уверенней, чем у моей Аннабель, – произносит:

– Я хочу быть мишенью.

– Вы... э-э... уверены?.. – блеет шпрых. – Как к вам... э-э... обращаться?

– Фройляйн Елена.

– Я прошу вас подумать, Елена. Это... э-э... немного опасно.

– Я всегда сначала думаю. Я готова.

Снова стук каблучков. На этот раз Аннабель:

– Возьмите лучше меня!

В ее голосе слышится паника: она опоздала.

– Нет. Я первая, – спокойно отвечает та, что вышла на сцену первой.

В зале шепчутся и свистят. Тогда я снимаю повязку.

По вискам и лбу шпрыхсталмейстера крупными каплями течет пот, его красный сюртук почернел под мышками, он затравленно теребит на шее блестящую бабочку, как будто она впиалась в него лапками. Передо мной на арене стоят две женщины: моя тонкая, маленькая помощница Аннабель – и высокая, незнакомая, очень дорого одетая блондинка в черном вечернем платье. Аннабель от волнения так морщит лицо, что оно похоже на мордочку нашкочившей обезьянки. Белокурая смотрит насмешливо и безмятежно. И внезапно я понимаю, что она прекрасно знает, что делает. Она просто развлекается. Она знает, что доброволец у нас подставной. Может быть, она даже знает про колокольчики. Ей забавно наблюдать, как пропитывается потом красный сюртук, любопытно, как мы выйдем из положения. Она знает, что я не приму ее в качестве добровольца.

Тогда я говорю ей:

– Вы правы. Вы вызвались первой, Елена. Я прошу вас пройти к мишени. Шпрыхсталмейстер поможет вам закрепить ремни.

Ее пушистые брови чуть вздрагивают – опаленным, беспомощным мотыльком:

– Это будет по-настоящему?

– Конечно, по-настоящему. Вы стоите, пристегнутая к мишени. А я с завязанными глазами бросаю ножи. Моя задача – освободить вас. Перерезать ремни.

– А если вы в меня попадете? Если сделаете мне больно?

– Я не могу гарантировать, что этого не случится.

Она пристально смотрит – не на меня, а чуть выше. Словно пытается разглядеть что-то прямо над моей головой. На ее красивом лице появляется страх.

Зал аплодирует и ревет. В любом городе публика одинакова – она любит смотреть на тех, кому страшно.

– Вы, должно быть, не видели прежде моих выступлений. Вы вольны уйти со сцены, Елена. Уступить место той, что доверяет мне больше, – я киваю на Аннабель.

Аннабель и шпрех с облегчением ждут, когда Елена освободит сцену.

– Я останусь, – говорит она громко, а потом добавляет так, чтобы слышать мог только я: – Между болью и унижением я выбираю боль, Максим Кронин.

Я киваю. Она встает у мишени, раскинув руки, как для полета. Или как для распятия. Шпрех трясущимися пальцами застегивает у нее на запястьях, на сведенных вместе лодыжках и на горле пропущенные через отверстия в мишени тонкие ремешки.

Я опускаю на глаза повязку, достаю первый нож и дожидаюсь, когда стихнут аплодисменты и барабанная дробь. Обычно в этот момент я слышу легкий перезвон колокольчиков Аннабель. Я хорошо знаю расстояние до мишени и расположение на ней тела. Я меткий, и у меня острый слух. Звон колокольчиков служит мне ориентиром. Я знаю точно, куда бросать нож, чтобы перерезать ремни. Сначала я освобождаю от ремней ее ноги, потом руки и, наконец, горло.

На этот раз перезвона колокольчиков нет.

Я делаю вдох на счет «три», а потом на счет «семь» длинный выход, и снова, и снова, чтобы унять биение сердца. И я бросаю нож в тишину. Бросаю нож в тишине.

Я не помню, как мне удастся освободить Елену без крови. Я в повязке, и воспоминание вместе со мной погружается в темноту. Помню только, как спустя час мы с ней стоим под открытой лестницей, прячась от мелкого, вертлявого снега, и на ней расстегнутая нежно-палевая шубка из норки, и от нее пахнет фиалками, она курит тонкую папиросу через мундштук и не стряхивает с нее пепел, и раз за разом отрастает омертвевший пепельный кончик, и сам срывается, и смешивается со снегом...

Прямо на нас, гогоча и дурачась, вываливается из цирка компания латышских студентов, один, узнав меня, приветливо машет рукой, на рукаве его пальто – алая лента с черной свастикой в белом круге. А следом за ними выходит моя помощница Аннабель в нелепом берете, и на секунду застывает, и смотрит на меня большими глазами, а я отвожу взгляд и делаю вид, что мы не знакомы; она отворачивается и бредет через пургу по улице Меркеля в сторону Верманского парка. Она вернется, если я ее позову, и бросится мне на шею, если я ее догоню, она как преданная ручная обезьянка, но мне больше не нужна обезьянка. Мне нужна женщина, которая смотрит на меня уверенно и немного насмешливо, и не стряхивает пепел с кончика сигареты, и поправляет волосы, и смеется:

– Скажите правду, в вашей повязке ведь была дырка, через которую вы смотрели?

Я отвечаю:

– Секреты фокусов не разглашаются даже под страхом смерти.

Но я не помню, теперь я уже не помню того секрета. Наверняка в моей повязке и впрямь была дырка, через которую я смотрел...

... Я запускаю мотоциклетный движок, запускаю стрелковую машинерию. Редуктор шелкает, приходят в движение веревки, и трафаретные фрицы не спеша восстают во тьме из своих могил. Я выставляю вторую и сразу же третью скорость. Теперь мишени выскакивают суетливо, как черти из пустых табакерок, и угрожающе погромыхивают.

Я отхожу на огневой рубеж. Отсюда я не вижу мишени. Я меткий, и у меня острый слух. И я стреляю с двух рук, из «вальтера» и «смит-вессона», как автомат, без пауз, не меняя положения корпуса, лишь перебрасывая руки в направлении новых целей, и в головах невидимых фрицев, ровно по центру, появляются свежие дыры.

Я продырявлю их всех и уйду во тьму, из тьмы – в тайгу, из тайги – за ней. А после – с ней или без нее – в Шанхай, а из Шанхая пароходом в страну таких же, как мы. Туда, где только беглые каторжники и нет вертухаев. Туда, где ходит по земле бобер с клювом. Туда...

– Товарищ Шутов, вот вы где! Наконец-то! А я вас ищу.

Я вырубаю движок. Позади меня на груди битого кирпичка стоит с фонариком нелепый рядовой Пашка:

– Я вас в харчевню папаши Бо отведу. Я его Боряном зову.

– Зачем мне в харчевню? – я пытаюсь придать голосу жесткость, но он звучит просто хрипло.

– Ну как же? Вы же дочь его Лизу допросить собирались, любовницу Деева. А она обычно к ночи приходит. А еще у Боряна водка рисовая – чудо как хороша! Там ребята наши уже сидят, выпивают, закусывают. Я подумал, может, вам с ними? Глядишь, и подружитесь?

Ложь – жадная, властная, ненасытная тварь. Если она уже пожирает тебя, от нее непросто избавиться. Она потребует напоследок накормить ее до отвала. Что ж, хорошо. Сначала девка китайская. Потом китайская водка. А потом уже тьма.

Пусть Шутов еще поживет.

Глава 10

Дальний Восток. Урановый рудник «Гранитный».

Начало сентября 1945 г.

Начальник лагеря подлил себе в граненый стакан коньяка и вытянул из ленд-лизовой белой пачки с красным кружком последнюю сигарету. Пустую пачку чуть смял и кинул на пол. Пятьсот шестая, не меняя положения тела, подобрала.

– Ты знаешь, что общего между табаком «Лаки страйк» и Хиросимой?

Она наморщила лоб, безуспешно пытаясь сообразить.

– И то и другое американцы поджаривают! – Модинский хлопнул себя по ляжке и захохотал. Пятьсот шестая поспешно захихикала вместе с ним, прикрыв влажный рот ладонью.

Он чиркнул спичкой, затаился, отхлебнул из стакана и блаженно откинулся на спинку кресла.

Скомандовал почти нежно:

– Включи-ка, милочка, граммофон.

Пятьсот шестая послушно поднялась с пола, обтерла руки о голый живот, дрожащими пальцами, медленно, чтобы не повредить пластинку, опустила металлическую иглу. Из уютного граммофонного потрескивания выплыли вкрадчивые фортепьянные аккорды. Пятьсот шестая снова встала на четвереньки и взялась за тряпку.

– И вот мне приснилось, что сердце мое не болит... – проникновенно затаил Черный Пьеро. – Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае...

Подполковник Модинский умиротворенно стяхнул пепел на пол. Он наблюдал, как пятьсот шестая ерзает с тряпкой по полу у его ног, как двигаются ее обнаженные ягодички, и с ленцой прикидывал, чего ему сейчас хочется больше: застегнуть, наконец, ширинку, прогнать ее и в одиночестве насладиться Вертинским – или дождаться, когда она закончит уборку, а потом поставить ее перед собой на колени еще раз. Наверное, все же второе. Ему нравился ее нежный, неопытный, еще почти детский рот, она всего пару дней как поступила в женский барак, и Гранкин сразу же присмотрел ее для подполковника, когда новеньких зэчек раздели в бане.

– ...А кроткая девушка в платье из желтых шелков, где золотом вышиты осы, цветы и драконы, с поджатыми ножками смотрит без мысли, без слов...

Модинский почувствовал, как, убаюканный песней, невольно соскальзывает в золотистую и густую, как мед, дремоту, обожравшейся мухой увязает в сладкой, застывающей топи, и оттуда, из глубины, слышит, как Черный Пьеро ему говорит:

– Я буду считать от семи до нуля. Когда я скажу «ноль», вы очнетесь.

– Внимательно слушает легкие, легкие, легкие...

– Ноль.

Модинский проснулся, как от пощечины. Пятьсот шестая спала у его ног на полу, скрючившись в позе эмбриона. А в соседнем кресле, закинув ногу на ногу, сидел полковник Аристов – в расстегнутом длинном плаще и лайковых черных перчатках. Пижонская шляпа борсалино лежала у него на коленях. Страдальчески изогнув брови, он смотрел на заикающийся, захлебывающийся одним и тем же словом граммофон:

– Легкие... легкие... легкие... легкие...

Модинский хотел было выхватить из-за пояса револьвер, короткоствольный «бульдог», но рука ему не подчинилась и так и осталась лежать на расстегнутой ширинке; удалось лишь слабо пошевелить указательным пальцем. Казалось, сознание его ожило, но тело так и осталось под слоем загустевшего меда. Как во сне, когда хочешь ударить врага, но не можешь.

– Дивная вещь, – задумчиво произнес Аристов. – Стихи контрреволюционного поэта Гумилева. Записано на фирме «Парлофон» в буржуазном Лондоне. Смутьян вы, подполковник, космополит. И женщин не уважаете, – полковник брезгливо кивнул на пятьсот шестую. – А впрочем, бог с ними, с женщинами. Но разве ж можно так обращаться с пластинками? Игла совсем стерта! – полковник потянулся к граммофону и убрал с пластинки тонарм с иглой.

– К... к-к... – Язык начальника лагеря неповоротливо трепыхнулся, и будто не из прошлого, а прямо из сведенного горла оторванным жалом выдавилось в рот давно забытое воспоминание: ему пять лет, и его покусали пчелы, язык распух, и он не может ни говорить, ни дышать.

– Не надо пучить глаза, подполковник, а то удар хватит. Вы вон уже весь багровый. Этак мы и поболтать не успеем.

– Кт... кт... кт...

– Давайте так. Я вас сейчас освобожу от своего, скажем так, влияния. Но прошу без глупостей.

– Кто позволил?! – сипло выдавил Модинский, трясущейся рукой выхватил из-за пояса «бульдог» и направил на Аристова.

– А кто ж не позволит? Часовой дрыхнет, каналья. Девка ваша тоже, от греха. Генерал-лейтенант товарищ Наседкин? Так он далеко, в Москве. Опустите револьвер. Обожжетесь.

– Я связывался с Наседкиным, – прохрипел подполковник. – Он сюда вас не отправлял.

– Не отправлял, – с некоторой даже грустью признал Аристов.

– Я сейчас... стрелять буду.

– Ну мы же вроде договорились без глупостей, – сказал полковник разочарованно и тут же добавил монотонным, глубоким голосом: – Ваш револьвер раскален добела.

Сначала в нос ударил запах паленой кожи, и лишь потом пришла боль. Модинский с воем отшвырнул револьвер и стал баюкать правую руку левой. На алой ладони вздувались мутно-желтые пузыри.

– Предупреждал ведь, что обожжетесь. Ладно, перейдем к делу. – Полковник снова заговорил низким голосом, на одной ноте: – Равняйся. Смирно.

Марионеточно дернувшись, Модинский поднялся с кресла и вытянулся по струнке.

– Убрать срам!

– Так точно! – Модинский застегнул ширинку.

– Отвечать на вопросы четко, лаконично, исчерпывающе. Вам известно, где Кронин?

– Никак нет, – начальник лагеря скосил глаза вниз. Между ног по брюкам расплзлось темное, мокрое пятно.

– На меня смотреть.

– Слушаюсь!

– Что произошло в штольне?

– Заключенный номер триста три, Кронин Максим, кличка Циркач, пятьдесят восьмая статья, заключенный номер двести сорок один, Рукавишников Аристарх, кличка Флинт, статья сто пятьдесят четыре А, и заключенный номер двести семьдесят два, Лизунов Анатолий, кличка Пика, статья сто шестьдесят семь, совершили нападение на надсмотрщика и, забив его камнями и остро заточенной ложкой, сбежали с уранового рудника «Гранитный», являющегося объектом особой секретности. Опасаясь наказания, я поручил своему помощнику майору Гранкину скрыть факт их бегства.

– Что-то еще ценного сообщить имеете?

– Никак нет.

– Как скучно. Вы и правда знаете столько же, сколько ваш подчиненный Гранкин. Это ошибка, Модинский. Подчиненный всегда должен знать чуть меньше.

– Позвольте спросить?

– Спрашивайте.

– Вы сделали с майором Гранкиным то же, что и со мной?

– Вовсе нет. Товарищ Гранкин рассказал мне все добровольно. По собственной инициативе. Давайте монету, – Аристов требовательно протянул руку в кожаной перчатке.

– Какую монету, товарищ полковник?

– Которая была у мертвого охранника. При нем ведь нашлась монета?

– Так точно.

Модинский деревянной походкой проследовал в дальний конец комнаты, порылся в кармане шинели и положил на обтянутую черной лайкой ладонь полковника пятнадцатикопеечную медно-никелевую монету.

– Прощайте, Модинский.

Аристов поднялся, элегантно надел шляпу, снял с граммофона пластинку Вертинского и сунул под мышку.

– Игранные иглы нельзя использовать, – укоризненно сообщил он. – Стальная игла служит недолго, быстро стачивается, и ее тут же следует заменить.

Полковник шагнул к выходу, приоткрыл дверь и уже с порога обернулся:

– Вы испытываете невыносимую душевную боль, подполковник Модинский. Вы не видите смысла жить. Вам хочется застрелиться. Можете воспользоваться револьвером, он уже остыл.

Аристов прикрыл за собой дверь и вышел на воздух. Часовой с ППШ спал стоя, привалившись к стене. Полковник на ходу щелкнул его по носу и направился к Гранкину и Силовьеву, стоявшим чуть в отдалении.

– Личные вещи принесли, майор Гранкин?

– Так точно, провели шмон. – Гранкин поспешно полез в офицерскую сумку, добыл оттуда два пузатых бумажных пакета с бирками и протянул Аристову.

Тот быстро изучил надписи на бирках: «Рукавишников А. С. (№ 241)» и «Лизунов А. И. (№ 272)».

– А Кронин? Триста третий? Его вещи где?

– Ничего н-не н-нашли, т-товарищ полковник. Как будто его здесь и не было. Этот Кронин ваш – он как п... пыа... п... – Гранкин скривился, тужась непослушным словом, – как призрак какой-то!

Аристов смерил оцепеневшего Гранкина змеиным, ледяным взглядом – и вдруг весело хлопнул его по плечу:

– Молодец, Гранкин! Все верно сказал. Кронин – призрак. Теперь зайди к своему начальнику и найди там обложку вот от этой пластинки, – полковник продемонстрировал майору Вертинского. – И коньяк еще прихвати. У него там грузинский, марочный. Хороший у товарища Модинского вкус был. Нервы только ни к черту.

– Б-был? – наморщив лоб, переспросил Гранкин.

Из избы Модинского послышался выстрел. И тут же – женский истошный визг. Часовой, очнувшись, бросился внутрь, майор Гранкин – за ним.

– Товарищ полковник... – Силовьев преданно заглянул в лицо Аристову. – А зачем вы велели майору Гранкину это все принести?

– Как зачем? – Аристов безмятежно улыбнулся ему в ответ. – Отличный коньяк. А пластинка без обложки испортится.

– Я про личные вещи.

– Вещи, Силовьев, могут нам многое рассказать. Главное – грамотно их допросить.

Глава 11

Маньчжурия. Лисьи Броды. Начало сентября 1945 г.

– Лиза не здесь, – папаша Бо зажег керосиновую лампу и быстро обошел с ней всю комнату, как бы в доказательство того, что его дочь не скрывается в каком-нибудь темном углу. – Но Лиза скоро здесь, – он поставил лампу на маленький деревянный столик с короткими ножками, отошел на шаг и услужливо кивнул.

Желтая лысина Бо, сплошь покрытая пигментными пятнами, напоминала панцирь крапчатой черепахи, а глубокие морщины на лбу – кольца времени на древесном срубе. Седая, жидкая бородака топорщилась, как пучок засушенных трав, но брови были густыми и черными, а тело – не по-стариковски сухим, а, скорее, как у гимнаста поджарым. Пятьдесят ему лет или сто – никто не смог бы определить.

Шутов бегло оглядел помещение: две тряпичные куклы на застеленном яркой циновкой кане, глиняные идолы на приколоченной к стене полке (тот, что в центре, – с телом лисы, головой женщины и тремя хвостами), и тут же какие-то пузырьки с мутными жидкостями и темными порошками, и повсюду, вдоль стен и под потолком, висят пучки засушенных трав и вязанки кореньев, и от этого в комнате пахнет осенним, увядающим лесом.

– Его дочь – знахарка, товарищ Шутов, – сообщил Пашка. – Да, Борян? Травница.

– Лечить, помогать, да-да, – мелко закивал папаша Бо и указал на нить ярко-пунцовых семян, похожую на молитвенные четки. – Вот сян-су-цу – отхаркиваешь, рвота, и убивает червя. Вот цянь-е-лань, – он ткнул в пучок тысячелистника с корневищами. – Легко дышишь, хорошо видишь, запора нет... Пока Лиза не здесь – хотим чай? – китаец гостеприимно указал на дверь, ведущую из комнаты дочери в захламленный коридор, а оттуда – в основное помещение харчевни.

– Нам бы лучше, Боря, по стопочке рисовой, – сказал Пашка.

– Лисовой, – понимающе кивнул Бо, и глаза его из-под набрякших век блеснули лукаво и молодо.

Сапер Ерошкин, лейтенант Горелик и майор Бойко, сидевшие за дальним столом, при появлении Шутова мгновенно умолкли. Ерошкин печально и сосредоточенно погрузился в изучение стоявшей перед ним пиалы, как будто в ней заключались все знания и все скорби. Горелик резко и дергано, как деревянный Пиноккио на шарнирчиках, обернулся на Шутова и обратно к окну и принялся отбивать сапогом по дощатому полу нервную дробь. И только майор, не меняя расслабленной позы, поглядел на особиста открыто и прямо, и даже изобразил подобие слабой улыбки.

Другие два стола пустовали, под одним из них девочка лет шести, с явственной азиатчиной в лице, но сероглазая и русая, сосредоточенно играла с серым пушистым обручком, напоминавшим заячий хвост. Увидев Бо, закричала:

– Дедушка! Тут дядям очень пить хочется!

– Устами младенца! – Майор Бойко, явно навеселе, добродушно захохотал. – Борян, принеси-ка кувшинчик еще! – Он снова взглянул на Шутова. – Присоединишься к нам, капитан?

Горелик выпучил глаза на майора, но тот уже энергично сдвигался вправо, освобождая Шутову край лавки рядом с собой, у окна. Секунду поколебавшись, особист подошел и, явно неохотно, как бы делая им всем одолжение, уселся на расчищенное для него место.

Бо поставил перед ними на стол полный кувшин рисовой водки и блюдо с освежавшими, нанизанными на тонкие шпажки и зажаренными до коричневой корочки летучими мышами. Очищенные от перепончатых крыльев, длиннопалые скрюченные лапки у одних

были молитвенно скрещены на груди, у других же раскинуты, будто они улетали в рай, уготованный тем, кто безвинно насажен на кол.

– Закусим! – Борян озарился гостеприимной улыбкой. – Подарок, деньги не платить.

– Спасибо, Борь, но мы такое не едим, – стараясь скрыть отвращение, сказал майор Бойко.

– Летала мышь хороша! Летала мышь на здоровье! – растерянно залопотал китаец и даже показал руками, как хорошо мышь летала. – Скажи, Настя! – Он затараторил по-китайски.

– Дедушка говорит, летучие мышки полезны для организма! – с готовностью сообщила девочка. – Угощайтесь!

– Вот как они это могут жрать? – Ерошкин скорбно воззрился на оскаленные мышинные пасти, застывшие в последней гримасе боли.

– А я, с вашего позволения, попробую! – рядовой Овчаренко бодро плюхнулся на лавку рядом с Гореликом, ухватил одну шпажку и снял с нее маленькую хрустящую тушку. – Я так рассуждаю, от угощения отказываться невежливо!

Пашка откусил кусочек обугленного мяса, перекосясь, но героически прожевал и проглотил. Папаша Бо тем временем притащил две чистые пиалки, одну поставил на стол перед Пашкой, другую уважительно протянул Шутову в сложенных лодочкой ладонях.

– Ну что, капитан, – Бойко тут же наполнил из кувшина все пиалы и поднял свою. – За победу советского солдата?

– За победу. – Особист поднес рисовую к губам, но отпить не успел. Из темноты по ту сторону окна прозвучал одиночный выстрел, и, выронив пиалу, Шутов опрокинулся с лавки.

Зазвенели осколки.

– Убили дядю! – заплакала Настя.

Глава 12

Смерть – голодная, хитрая тварь, принимающая разные формы. Но она так часто крутилась рядом со мной, что я научился ее узнавать. Она может быть похожа на уставленный угощениями стол. На окно, распахнутое во тьму за моей спиной. На едва различимый, щекотный звук сдвигаемого предохранителя, тонуций в голосах собутыльников и в гомоне ночных птиц. Смерть шустра, но я умею чувствовать ее приближение.

И за долю секунды до выстрела я успеваю броситься на пол. Пуля, метившая мне в центр спины, задевает плечо по касательной. Я выхватываю «вальтер» и выбегаю на улицу. Остальные – за мной. Майор Бойко орет:

– Кто, сука, стрелял?

Кто бы ни был, он уже исчез в темноте. По надорванному рукаву гимнастерки расплзается красное, но я отказываюсь идти в лазарет: царапина, ерунда.

Капитану СМЕРШ Шутову уже не поможет доктор. А Максиму Кронину, беглому зэку, пора уходить.

– Под трибунал у меня все пойдете! – скалюсь я напоследок, поворачиваюсь к ним спиной и шагаю прочь.

– Товарищ Шутов, вы ж ранены! Товарищ майор, он же ранен! – Овчаренко мечется между мной и своими, как щенок между удаляющимся вожакom и остающейся стаей; выбирает меня. – Товарищ Шутов, вы в штаб? Я с вами!

– Шестеришь на побегушках, Овчара? – шипит Горелик.

Рядовой застывает и морщится, как от удара. Я не вижу этого, но чувствую горлом, спиной. И я слышу, как он отвечает не обиженно, но удивленно:

– Да вы разве не видите? Человеку же больно!

И упрямо идет за мной.

«Рядовой, отставить! Приказываю остаться». Я хочу, я должен это сказать и уйти один – но нельзя его сейчас от себя прогнать. После слов лейтенанта он и так плетется побитой собакой. Оттолкнуть его теперь на глазах у стаи – обречь на их презрение навсегда.

Ничего. В штабе я скажу, что мне нужно поспать, – он козырнет и отвяжется.

А пока пусть идет со мной. Пусть хоть кто-нибудь, кроме смерти, сейчас идет со мной рядом.

Глава 13

Дальний Восток. Урановый рудник «Гранитный».

Начало сентября 1945 г.

– Товарищ п-полковник! Зачем же в к-карцер? Там условия неблагоприятные. Да и запах... – майор Гранкин рысил следом за Аристовым и Силовьевым по промозглому коридору с початой бутылкой грузинского коньяка, их шаги тяжелой дробью отскакивали от каменных стен и, гулко дрожа, повисали в воздухе.

– Я уже объяснил. Мне надо уединиться.

– Так д-давайте я вам лучше к-кабинет т-товарища Модинского предоставлю? Уединиться разве ж обязательно в одиночке?!

– Где ж еще, – задумчиво произнес Аристов, останавливаясь перед густо вымазанной бурой краской тяжелой дверью с трафаретной белой надписью: «Одиночная камера для осужденных».

Гранкин отворил дверь, и полковник Аристов шагнул внутрь. Одиночка – тесный каменный мешок с крепившейся к стене откидной лавкой, крошечным зарешеченным окошком под потолком и парашей – пахла сыростью, отчаянием и мочой.

– Вы свободны, майор, – Аристов вынул из руки Гранкина бутылку и ключ от камеры и откинул лежанку.

– Слушаюсь. – Гранкин козырнул и потопал обратно по коридору, разбрасывая в воздухе дребезжащее эхо шагов.

– А я с вами тут, да? – Силовьев был явно польщен.

– Оставайся пока что. Вдруг ты не безнадежен.

Аристов глотнул коньяку из горла, поставил бутылку на лавку и раскрыл кофр. Достал из него коробку с мелками, маленький бумажный сверток и кожаный футляр для игральнх карт. Вынул было пакеты с личными вещами бежавших вместе с Крониным зэков, поколебался, убрал обратно. Вместо них извлек из недр кофра сложенную вчетверо фотографию и изъятую у Модинского пятнадцатикопеечную монету.

– А и правда, товарищ полковник, почему вам понадобился именно карцер? Кабинет-то чем хуже?

– Неужели ты не чувствуешь силу этого места, Силовьев? Одиночество, боль, обреченность? Вечный холод каменных стен?

На блиновидном лице майора отобразилась работа мысли.

– Так а сила-то в чем?

– Нет, ты все-таки безнадежен.

Аристов развернул фото – и Силовьев по-птичьи вытянул шею, силясь из-за спины полковника разглядеть четырех людей, снятых на фоне старинных зданий. Слева стоял сам Аристов, только чуть-чуть моложе, в щегольском элегантном костюме. По центру – Кронин, тоже недурно одетый, приобнимающий светловолосую женщину в черном платье. Справа – арийский блондин с пронзительным взглядом.

– Шею сломаешь, Силовьев, – не оборачиваясь, сказал Аристов. Он положил фотографию на каменный пол и извлек из коробки белый мелок. – Это Рига. Тридцать третий год. Меня ты, полагаю, узнал. Кронина, наверное, тоже.

– Так вы с ним, получается... давно?..

– Знакомы? О да.

Полковник начертил вокруг фотографии треугольник.

Силовьев помялся, ожидая подробностей, но их не последовало. Полковник начертил второй треугольник, наложенный на первый, – получилась шестиконечная звезда.

– А эти двое, блондины... Кто?

– Эти двое – вышка для меня, если фотографию увидит начальство. И десять лет строгого для тебя – если ты о ней немедленно не доложишь.

– Это вы так шутите, товарищ полковник?

– Это я демонстрирую тебе безграничное, Силовьев, доверие, – Аристов развернул сверток и извлек из него шесть коротких тонких черных свечей. – Блондинка – Елена, в девичестве фон Юнгер. Жена Кронина. В июне сорок первого бежала из СССР. Нелегально – сводный брат, вот этот блондин, вывез ее через окно на границе. Его имя – Антон Вильгельм фон Юнгер, рижский немец, барон, между прочим. Породистый. До осени сорок третьего – оперативник абвера. После – сотрудник института «Аненербе». Знакомое заведение, Силовьев? – Аристов чиркнул спичкой и, последовательно обмакивая свечи в огонек, принялся прилеплять их в тех местах, где пересекались контуры треугольников.

– Расовые исследования, насколько я знаю. Оккультизм, – Силовьев пожал плечами. – Всякое мракобесие.

– Вот и я сейчас займусь мракобесием, – полковник принялся зажигать свечи. – А ты, Силовьев, иди. Распоряжения для тебя будут такие. Пункт первый. Захлопнешь дверь в камеру и постоишь там, снаружи. Пункт второй. Если через пятнадцать минут я не выйду – зайдешь обратно, возьмешь монету, – он положил пятнадцать копеек в центр фотографии. – Задуешь свечи, а меня до утра здесь запрешь, что бы я ни говорил и ни делал.

Он протянул Силовьеву ключ от карцера.

– Зачем, товарищ полковник?!

– Для всеобщей безопасности. Пункт третий. Монету вложишь в рот покойного товарища Модинского. А впрочем... рта могло не остаться. Ну, тогда в руку. Только смотри, чтоб не выпала. Хочешь спросить, зачем?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Вот и славно, Силовьев.

Полковник Аристов зажег от спички последнюю, шестую, свечу и вынул из футляра неполную колоду «марсельского» Таро – двадцать два старших аркана. Перетасовал. Вытянул, не глядя, шесть карт.

Ритуал с Таро – формальность, не более. Один из способов красиво и плавно войти в нужное состояние. Полковник любил формальности. И красивые жесты.

Он аккуратно разложил карты по треугольным лучам звезды – начиная с вершины и против часовой стрелки: аркан Сила, аркан Шут, аркан Суд, аркан Справедливость, аркан Повешенный и аркан Дьявол. Непроизвольно дернул уголком рта: получившаяся последовательность его настораживала. Тем не менее он вытянул из колоды еще одну карту и положил ее поверх фотографии и монеты, рубашкой вверх. Он знал, что рискует с монетой, но и шанс на удачу был довольно велик. Все зависело от того, принял ли мертвый надсмотрщик эту монету. И тут важно именно внутреннее принятие, а не формальное, внешнее. Монета, навязанная покойнику силой, не считается принятой. Он должен согласиться ее забрать.

Если надсмотрщик монету не взял – а и с чего бы ему принимать подачки от зэка? – значит, монета принадлежит Кронину. Если монета принадлежит Кронину – он установит с ним связь.

Но если надсмотрщик принял монету, Аристову предстоит несколько очень неприятных мгновений: надсмотрщик отдал ее Паромщику, а тот швырнул ее в реку, и Аристову придется почувствовать в ноздрях и во рту вкус черной воды на *той стороне*. Он ненавидел контакты на *той стороне*. После такого контакта требуется изоляция и длительный отдых, о новых *кон-*

тактах на некоторое время придется забыть. Смерть – это тварь, трупным ядом помечающая свою территорию. Нельзя к ней вторгнуться – и не унести немного яда в себе.

Полковник Аристов залпом допил коньяк, отставил бутылку, положил руку на карту Таро и закрыл глаза. Он чувствовал, как металлический холод монеты перетекает через того, кто скрыт под рубашкой карты, ему в ладонь. И еще прежде, чем свечи завертели своими огненными язычками против часовой стрелки, и даже до того, как Аристов перевернул карту, и даже не открывая глаз, он ее угадал. Аркан Смерть – скелет с косой, идущий по головкам цветков и головам мертвецов. Он попробовал прервать контакт и отдернуть руку – но неудачно. Только резко откинулся назад, будто получил удар в челюсть, а рука его отбросила карту – скелетом вверх – и снова накрыла монету, уже не по воле Аристова, и даже не по воле мертвого вертухая. По воле Паромщика.

Полковник Аристов дернулся снова, с мучительным стоном пробуя вырваться из пахнувшего лежалым мясом тумана, – но туман лишь сгустился. Послышались тяжелые шлепки весел о воду.

Получается, вертухай не просто принял монету Кронина. Как назло, он еще и блуждал с ней все это время, только сейчас наконец нашел пристань и взошел в лодку. От вертухая полковнику не было никакой пользы – за две недели он забыл и себя, и язык человека и теперь изъяснялся на этом их жутком шипяще-харкающем наречии, – но от него хотя бы не исходило угрозы, он еще даже не расплатился с Паромщиком.

Но вот Паромщик – тот почуял чужака в своей лодке.

У Паромщика нет глаз и нет возраста. В его мутных глазницах тлеют красные угольки. У Паромщика много имен из разных легенд, но ни одно ему не подходит. По большому счету он вовсе и не Паромщик – просто принял доступную для полковника форму, потому что истинную его сущность полковник, как и все остальные, познать не способен.

Да и лодка его наверняка никакая не лодка. Вне материи и вне времени какие могут быть лодки?

*где навлон
и почему ты живой*

Паромщик не издает звуков. Его слова звучат у Аристова в голове. Полковник разлепляет запекшиеся губы и, преодолевая сопротивление сна и тумана, пытается выдавить из себя слова колыбельной:

*Баю-бай, засытай, детка,
Я с тобой посижу.
Если ты не уснешь, монетку
В руку тебе вложу...*

Паромщик, не дослушав, сует ему в рот свою окоченевшую, распухшую руку – и шарит негнушимися холодными пальцами за щеками и под языком, а потом лезет в горло.

*дай мне монету
делай короткий вдох
теперь длинный выдох*

Спустя пятнадцать минут Силовьев вежливо постучал в дверь камеры-одиночки – но полковник не ответил. Майор оглянулся, быстро перекрестился – и шагнул внутрь.

Полковник Аристов извивался на животе, просунув неестественно вывернутую руку в центр шестиконечной звезды. На ладони лежала пятнадцатикопеечная монета, и он судорожно сжимал и разжимал вокруг нее побелевшие пальцы – как будто кто-то крепко держал его за запястье. Лицо посинело. Из рта на каменный пол текла слюна с прожилками крови.

– Товарищ полковник, вам плохо?

– Монету, – просипел Аристов.

– Так точно!

Силовьев опасливо, словно перед ним было полураздавленное ядовитое насекомое, потянулся к полковнику, цапнул с его ладони монету и тут же отдернул руку.

Полковник выгнулся дугой и обмяк. Из рта его доносилось тихое, стрекочущее шипение.

– Товарищ полковник...

Шипение нарастало.

Силовьев, сбиваясь, с третьего раз задул все свечи, выскочил в коридор и запер дверь карцера.

– Открой, Силовьев! – послышался из одиночки сдавленный, но узнаваемый голос полковника. – Отопри камеру! Это приказ-з-с!

Последнее слово предательски утонуло в свистящем шипении.

– Вы приказали ваши приказы не выполнять, товарищ полковник! – оттарабанил Силовьев. – Я с утраца к вам зайду!

Майор еще раз перекрестился и деревянной походкой пошагал прочь.

Глава 14

Маньчжурия. Лисьи Броды. Начало сентября 1945 г.

Мы идем мимо бедных китайских фанз. Кое-где за бычьими пузырями маленьких окон тускло светятся очаги – там теплится жизнь. Но по большей части фанзы необитаемы: обгоревшие, гнилые, разрушенные, они пялятся пустыми глазницами на противоположную сторону улицы – на чужие кладбищенские кресты и чужую православную церковь, залитую масляным светом родной азиатской луны.

У одной из фанз нет ни крыши, ни передней стены. Внутри на кане, как на сцене амфитеатра, сидит нищая китайская семья: двое взрослых, он и она, с ними согбенная старуха и трое детей, все в рваных лохмотьях. И сама ситуация, и их кукольные, застывшие позы выглядят неестественно. Я замедляю шаг и направляю на них армейский фонарь, добытый в вещмешке убитого Шутова:

– Странные люди. Почему у них не горит очаг?

Отец семейства, словно услышав мои слова, слезает с кана. У него в руках – гнилое полено. Он кидает его в холодный, расколотый надвое, темный очаг и протягивает руки к несуществующему огню.

– Какие люди, товарищ Шутов? Там никого нет.

Рядовой Овчаренко растерянно смотрит то на меня, то на фанзу. Он как будто действительно их не видит.

Мать семейства тоже слезает с кана. В ее левой руке копошится черная курица. Правой женщина берет нож. Раздается короткий шмяк, обезглавленная курица бежит по двору и кидается мне под ноги.

– Она чумная, – говорит женщина. – Мы все чумные. Сожги нас, Кронин.

Я отталкиваю ногой курицу, тычущуюся в меня запекшимся обрубок шеи, и она, взбивая крыльями воздух, кидается к кладбищу. Когда я снова смотрю на фанзу, она пуста, но я не могу зафиксировать на ней взгляд, она как будто колыхается на темной воде и раз за разом отплывает, отплывает, отплывает с причала.

– Товарищ Шутов, обопритесь-ка на меня, вас шатает.

– Сам пойду.

Я иду, цепляясь рукой за кладбищенскую ограду. На земле, прислонившись к ограде, сидит вертухай. Он без головы, он держит в руке безголовую курицу, из горла его торчит ложка. Рядом с ним вальяжно, словно на пикнике, развалился Флинт. Они выглядят корешами.

Флинт засовывает руку в дыру в своем животе, обмакивает пальцы в крови и протягивает мне пятерню:

– Циркач. Давай побратаемся.

– Куда башку свернул? – слова выходят с бульканьем из горла безголового вертухая. Он вынимает из шеи ложку и заточенным, красным концом указывает на дорогу. – Туда смотри, триста третий!

Впереди на дороге – торопливо удаляющаяся в сторону штаба и главной площади фигура в черном плаще с накинутым капюшоном. От быстрой ходьбы капюшон спадает на плечи, под ним – белокурые длинные волосы.

Я кричу ей:

– Лена!

И я бросаюсь за ней.

Не оборачиваясь, она идет через площадь и сворачивает во двор, прилегающий к зданию штаба. Я бегу, но ноги тяжелые, как во сне, они тяжелей, чем брусчатка, они утопают в ней, они врастают в нее.

– Товарищ Шутов! Вам надо в лазарет! У вас из раны кровь хлещет!

Я отталкиваю рядового Овчаренко, и он падает на брусчатку.

Во дворе у штаба дымит полевая кухня. За сколоченным из досок длинным столом – почти вся рота, человек двадцать. Бодро звякают ложки. Тарасевич, снайпер, щедро плещет в протянутые к нему жестяные кружки самогон из оплетенной бутылки.

– За победу!

– За русский народ!..

Когда я появляюсь, они смолкают.

– Где она? Где женщина? – слова выходят из меня мучительными толчками, как будто я не произношу их, а меня ими рвет. – Черный плащ. Длинные волосы. Светлые волосы.

Тарасевич затыкает горло бутылки бумажным катышем и плавно опускает ее наземь, к ноге:

– О дает особист.

– Капитан, вы ранены? – стукач Родин таращится на мой пропитанный кровью рукав возбужденно и жадно, он похож на слепня, прикидывающего, где удобнее присосаться.

– Ерунда, царапина, – раздается хриплый, знакомый голос.

Во главе стола, на почетном месте, как юбиляр, – капитан СМЕРШ Степан Шутов. Его форма вымазана в земле, из дыр в груди и во лбу прорастают бледные сорняки, он хватает и выдергивает их с корнем, в корнях копошатся черви:

– До свадьбы все заживет.

Рядом с Шутовым молча курит молодой старшина. Голова его запрокинута, из дыры в спине выпрастываются пушистые кольца дыма.

Капитан поднимается над столом, рвет из кобуры «вальтер», такой же, как у меня, и наводит на меня ствол:

– Добегался, контра!

Я спокоен. И как будто не в моей голове, а где-то за пределами моего тела рождаются слова, которые я почему-то произношу вслух:

– А ты разве не понял? Ты труп. Прими свою смерть.

Он сгибается, как от удара в живот, рука с пистолетом трясется. Теперь он целится не в меня, а в десантников за столом. Черное дуло ствола растревоженной мухой мечется от одного красноармейца к другому.

Побледневший Тарасевич медленно задирает вверх руки:

– Не стреляй, капитан.

А я смеюсь:

– Не ссыте, ребята! Капитана тут нет!

Они мне не верят. Застыв с поднятыми руками, Тарасевич таращится на мертвого Шутова и его дергающийся из стороны в сторону ствол. Подоспевший следом за мною Пашка хватает с земли оплетенную бутылку самогона и метит призраку в затылок.

– Дохлый номер, – комментирую я.

Рядовой Овчаренко замахивается – но бьет почему-то не призрака, а меня. И, падая в темноту и роняя «вальтер», я успеваю услышать визгливый голос:

– Ты что наделал, дурак? Ты ж капитана СМЕРШ по голове, так сказать, бутылкой!..

И голос Пашки, виноватый, растерянный:

– Так ведь он в ребят целил...

А дальше все голоса сливаются в звон и гомон, и слова утрачивают значение и уподобляются птичьим крикам, а потом смолкают и птицы – и тьма смыкается надо мной.

Глава 15

Аглая обработала раны на плече и затылке смершевца – обе были неглубоки, – потом сменила влажное полотенце на лбу Дикаря и принялась подстригать ему длиннющие ногти, которыми он сам себя царапал, когда метался по койке и дергал руками и ногами, как бегущая во сне собака. Его нашли в лесу и принесли в лазарет заросшим и обнаженным, поэтому она сразу назвала его про себя Дикарем.

Интересно как получается, размышляла Аглая. Один снаружи страшен, а внутри – ну чисто ребенок. В бреду называет себя Никиткой. «Никитка хочет, чтобы тигр ушел далеко!» Другой снаружи красив, – она покосилась на мускулистую шею и неподвижное лицо смершевца – идеальные черты и пропорции, золотое сечение, ей ли не знать, по призванию она ведь художник... Даже шрам его красив, напоминает китайский иероглиф «владыка»... Но внутри он страшен. Он преследует, уничтожает людей. Благородных людей. Таких, как ее отец.

И вот случилось, что эти двое ненадолго равны. На соседних койках, без сознания, оба страдают – и оба сейчас в ее власти. Но сестра милосердия в равной степени милосердна должна быть к каждому. И к тому, кто страшен внутри, и к тому, кто страшен снаружи. Надо будет эту мысль записать в дневник и рассказать Паше... Пока не забрали Пашу. После того, что он сделал, обязательно заберут.

Она бросила взгляд поверх раздвижной ширмы из реек и желтой рисовой бумаги, разрисованной выцветшими китайками с веерами, – удостовериться, смотрит ли на нее Паша. Он смотрел. Она сегодня убрала волосы в косу, но точно знала, что из-под плата выбивалось несколько завитков. Ей нравился плат сестры милосердия – он напоминал головной убор монахини, а значит, делал ее в глазах мужчин слегка недоступной. Ей нравилось строгое платье под горло – оно подчеркивало стройность и хрупкость ее фигуры. Еще ей нравилось, как ляпочки фартука перекрещивались на спине, указывая всем, что, как сестра милосердия, она взяла на себя тяжкий крест.

Встретившись с ней взглядом, Пашка зарделся и зачем-то отступил к стене, чуть не уронив с полки пузырьки и мензурки, одну едва успел поймать в воздухе. Ну чисто слон в посудной лавке. Пашка поставил мензурку на место и от греха вернулся к захламленному столу, где у доктора в каком-то одном ему известном порядке были свалены тетради, истории болезней, микроскоп и к нему стекла, лупы, пеналы со шприцами и скальпелями, стетоскоп, макет парусника, дореволюционные фотографии... На краю стола опасно располагалась керосиновая лампа. Если Пашка сшибет эту лампу и что-нибудь загорится, дядя Иржи его приберет...

Для нее этот Овчаренко, конечно, слишком простой. Тут и думать не о чем. Но его по-человечески жалко. Капитана СМЕРШ избил. Буылкой по голове. Что за это с ним будет? Что за это будет с ними со всеми?..

– Я еще вот, доктор, пулю подобрал, которой в капитана стреляли... – Пашка неловко протянул Новаку пулю. На большой Пашкиной ладони она смотрелась как растопыривший хищные, острые лепестки свинцовый цветочек. – Ей, видите, носик рассекли, чтоб была разрывная.

– Нам тут, Пашенька, пули не нужны, – кротко сообщила Аглая. – Мы людей лечим. Пулю ты лучше отдай своему красному командиру.

– А я думал, вдруг пригодится, – Пашка глянул на нее так беспомощно, что она тут же пожалела о сказанном.

– Ну давай, – Иржи Новак, сжалившись, взял у беспомощно топтавшегося Пашки злощастную пулю. В конце концов, человека, может быть, через несколько дней расстреляют. Так что лучше теперь с ним по-доброму, хоть и красноармеец...

Чтоб порадовать Пашку, доктор Новак вынул из груди хлама лупу и изучил пулю.

– Любопытно...

Вопреки ожиданиям, пуля и впрямь оказалась ему интересной. Он взял скальпель и соскреб с распахнутых лепестков на лабораторное стеклышко сероватую субстанцию. Рассмотрел под микроскопом. Удовлетворенно хмыкнул.

– И чего там? – Пашка наблюдал за действиями врача с почтением и непонятной надеждой. Доктор Новак сунул в рот трубку – сталкиваясь с интересными явлениями и давая им объяснение, он всегда закуривал трубку, – но разжечь ее не успел. В лазарет стремительно вошел майор Бойко, с порога кинул резкое:

– Где он?

Не дожидаясь ответа, шагнул за ширму. Увидел лежащего без сознания Шутова.

– Рядовой Овчаренко! Ты как посмел на капитана СМЕРШ поднять руку?! Теперь нам всем... – Бойко задохнулся словами, только сжал бессильно кулак, то ли грозя рядовому, то ли демонстрируя, как им всем теперь будет.

– Да я не рукой, товарищ майор. Бутылкой. Он в ребят целил.

Верхняя губа майора чуть дрогнула.

– Значит, он целил? – Бойко кивнул на неподвижного Шутова.

– Так точно. Сначала в себя самого, потом в Тарасевича, да еще кричал, страшно так, что Тарасевич, мол, уже труп и должен принять свою смерть, потом во всех ребят по очереди...

– А ты, рядовой, ребят, значит, спас? – с металлом в голосе уточнил майор Бойко и вдруг рявкнул так, что затряслись пузырьки и пробирки на стенах: – Спас, да?!

– Виноват, товарищ майор, – Пашка горестно переступил с ноги на ногу в опасной близости от керосиновой лампы.

– Ладно, Паша, с тобой потом разберемся, – майор чуть хлопнул рядового по плечу, смягчившись так же внезапно, как и озверел, и повернулся к доктору Новаку. – Когда он придет в себя?

– Строго говоря, он уже должен быть в себе. – Новак раскурил трубку. – Черепно-мозговой травмы нет, ну разве что небольшое сотрясение – и только. Огнестрельная рана тоже несерьезная. Но на пуле, которой в него стреляли, я обнаружил следы вещества... подозреваю, что какого-то яда растительного происхождения. Налицо симптомы острейшей интоксикации...

– Что вы собираетесь предпринять?

– Много жидкости и покой. – Новак пыхнул трубкой. – Противоядия у нас нет. Так что я не берусь сейчас делать прогнозы.

– Хотите сказать, он может и не очнуться? – уточнил майор.

– Как медик могу сказать, что человеческая жизнь – штука хрупкая... Взять вот нас с Глашенькой... да и с вами, товарищ майор. Сегодня мы все живы-здоровы, а завтра товарищ Шутов очнется, огорчится, что с ним такая неприятность в Лисьих Бродах случилась, – и...

– Не стреляй! – выкрикнул вдруг с койки заросший, которого Аглая называла про себя Дикарем. – Не стреляй! Не стреляй в Никитку! – Он заслонил лицо руками и обмяк, увязая, как в могиле, в своем темном бреду.

– А этот у вас откуда? – с изумлением спросил Бойко, который только теперь обратил внимание на второго пациента. – Это ж наш подопытный!

– Подопытный?..

– Мы его с Деевым нашли в «Отряде-512». Япошки его недобили. И от нас сбежал – даром что не жилец. В легком дырка, в печени...

– Боюсь, вы его с кем-то путаете, майор, – уверенно сказал доктор Новак. – У этого только одна огнестрельная рана – сегодняшняя. Она не критична. Еще его тигр подрал – но следы от когтей поверхностные, не глубокие. Жить будет, определенно.

– Если от меня кто сбежал – я того ни с кем не перепутаю, – задумчиво произнес Бойко. – В общем, так, доктор. Товарищу Шутову обеспечьте наилучший уход. Если с ним что-то случится... – майор сделал выразительную паузу, – это будет большой потерей.

– Несомненно. – Доктор пыхнул трубкой. – Очень большой потерей. Для всех нас. Я сделаю все возможное.

– Рядовой Овчаренко. Будешь сюда заходить, присматривать за подопытным. Если очнется, сразу доложишь...

– Вам? – с готовностью вскинулся Пашка.

– Старшему по званию. А если... то есть когда капитан Шутов придет в себя, скажите ему, что поисковая группа вынуждена была уйти без него.

– Но как же... без него-то? – оторопел Пашка.

– Рядовой! Вы капитана СМЕРШ бутылкой по голове отоварили. Теперь мои приказы будете обсуждать?!

– Виноват, товарищ майор.

– Мы действуем согласно распоряжению товарища капитана, – зачем-то все-таки пояснил Бойко уже с порога. – Было сказано на рассвете выдвигаться – вот мы и выдвигаемся. Ожидать, пока товарищ капитан придет в сознание, не было сказано.

– Я тут часик-другой сосну, Глашенька. – Доктор Новак поправил на спинке плетеного кресла плед и, крикнув, уселся. – Нелегкий был день. Если кто-то из пациентов ухудшится... – он растянул рот в зевке, – ты буди, не стесняйся.

– А вы правда ведь сделаете для товарища капитана все возможное, доктор? – с тревогой уточнил Пашка.

– А ты правда думаешь, что тебе будет лучше, если товарищ капитан моими стараниями выздоровеет?

– Так не в этом же дело, – растерянно сказал Пашка. – Это ж человек. Беспомощный. Ему надо помочь.

Глаша снова, словно насильно себя убеждая, подумала, что для нее этот Пашка – слишком простой. Он читает-то небось по складам. А она – генеральская дочка. Он простой, а оттого наивный и добрый. Рядом с ним просыпается совесть.

– Дядь Иржи... грех это, – сказала Аглая тихо.

– Что грех?! Спать? – изумился Новак.

Она молча кивнула на бледного, поверхностно и часто, по-собачьи дышавшего Шутова.

– Так не мы же его подстрелили! – доктор с досадой поднялся с кресла; сон, так мягко и приятно его было сморивший, теперь совсем улетучился. – Мы ничего дурного не делаем.

– Иногда бездействие – тоже грех, – почти прошептала Аглая. – Он и правда сейчас беспомощен.

Она знала, что лицо ее в свете керосиновой лампы одухотворенно светилось. Пашка бросил на нее восхищенный, собачий взгляд.

– Если нужно противоядие, вы же знаете, к кому надо идти, – добавила она совсем кротко.

– Это мы с тобой, Глаша, перед этим человеком беспомощны! – Новак принялся яростно набивать трубку.

– Не курили б вы тут, дядя Иржи. Пациенты все-таки...

– Он таких, как мы с тобой, не задумываясь к стенке поставит! Ты забыла, кто твой отец и мой лучший друг? Так я напому. Белый генерал Петр Смирницкий!

– Ну и что? – встрял Пашка. – Она с отцом порвала за его антисоветские убеждения! И вот сказал же товарищ Сталин: сын за отца не в ответе! Я и сам из белоказачества происхожу – и ничего, не расстреляли. Наоборот – как есть боец Советской...

– Я знаю, кто мой отец, дядь Иржи, – игнорируя Пашку, сказала Глаша. – А еще я знаю, что вы клятву Гиппократу давали...

Новак хотел что-то возразить, но как-то вдруг весь разом обмяк и как будто сильно состарился. Изо рта свисала так и не зажженная трубка.

– Все так, Глашенька, – сказал он устало. – Все так. Мы по чести живем. А они пусть плотки друг другу грызут, – он неопределенно махнул рукой в сторону коек. – И в спину стреляют... Пойду беспомощному вашему помогать.

Над горизонтом криво размазались первые неуверенные разводы рассвета. Стоя у распахнутого окна, Аглая смотрела, как Новак, по-стариковски сутулясь, идет по утонувшей в стьлом тумане брусчатке – как будто по палубе потерпевшего бедствие корабля. На противоположном конце площади красноармейцы из поисковой группы седлали коней. Она закрыла окно, но помещение уже насквозь пропиталось промозглой маньчжурской хмарью. Аглая взглянула на неподвижный силуэт особиста за ширмой и зябко поежилась. Зачем все это? Что на нее нашло? Зачем дядя Иржи пошел за помощью? Этот человек не заслуживает спасения, он опасен. Может быть, он даже участвовал в арестах в Харбине. Может быть, он арестовал и ее отца.

– Ты дрожишь, – Пашка накрыл ее плечи своей шинелью. – Замерзла?

– Знаешь, Пашечка. Я ведь даже не знаю, где сейчас папа. И жив ли. Если будут меня пытать и допрашивать – это все зря. Больше месяца от него нет вестей.

– Тебя не будут пытать, – напряженно ответил Пашка. – Я тебя в обиду не дам.

– Я вот думаю... – продолжила она, чуть покачиваясь из стороны в сторону и как будто не слыша, – а вдруг этот капитан на самом деле за мной пришел?

– Что ты, Глаш. Он здесь совсем по другому делу.

– Я просто чувствую, Пашенька, что за мной идет кто-то...

– А ты выходи за меня! – он с шутовской решимостью рухнул на одно колено, едва не своротив микроскоп. – Будешь не Смирницкая, а Овчаренко. Выслужусь в маршалы – и никто тебя не тронет.

– Пашка, ты клоун.

Она рассмеялась, как бы обозначая, что не отвергает его предложение, но просто знает, что слова его – не всерьез. Смех получился мелодичным, но немного искусственным, как будто включили запись на грампластинке.

– Я простоват для тебя, да, Глаш? – отозвался он без обиды, но и не принимая ее великодушной игры. – Ты генеральская дочка, а я – никто.

– Ну что ты, Пашенька.

Она погладила его по доверчивой большой голове – и вдруг зачем-то поцеловала в макушку. Пашкины волосы пахли дождем и рисом и были неожиданно жесткими. Как шерсть у овчарки, повалявшейся на мокром рисовом поле.

Глава 16

Московская область. Спецшкола-интернат ГПУ. 1923 г.

...Сразу после удара наступает милосердное, освобождающее ничто: только тьма и безмолвие. Но это длится недолго. Первой возвращается боль. Пульсируя в такт биению сердца, боль выхлестывает из того места на затылке, куда пришелся удар бильярдного кия. Вслед за болью возвращаются звуки. Сначала мне кажется, что по ту сторону тьмы кричит, свистит и рукоплещет огромный зал. Спустя секунду я понимаю, что это гремит в ушах моя кровь, а там, снаружи, – голоса и гогот моих мучителей, Филя и его шайки. Мне четырнадцать, а им по шестнадцать, я один, а их четверо.

– Чо скулишь, гаденыш? Ты глиста буржуйская – или красный воин?

Один из них хватает меня под мышки и рывком ставит на ноги. Я не вижу кто. Но точно не Филя, он обычно стоит в стороне и рук не марает. Почему темно?.. Я пугаюсь, что зрение не вернется, трясую головой, и холстина трется о мою щеку, и тогда я, наконец, вспоминаю, что на голову мою накинута глухой мешок. Это часть «тренировки» по придуманным Филей правилам. Они ловят меня, нахлобучивают мешок, волокут в подвал интерната, где когда-то была бильярдная, берут кии и мне тоже дают один. Моя задача – отбиваться от них вслепую. Если я, конечно, боец, а не какое-то там ссыкло белопогонное, недобитое. А если ссыкло, «тренировку» можно прервать одним способом – встать на колени.

– Ну чо, Кронин, продолжим? – Филя брезгливо и совсем легонько тычет меня острым концом кия под ребра, будто проверяя, не сдохло ли насекомое. – Или все-таки на колени?

Я молчу. Через непроницаемую холстину мешка я не вижу, но чувствую, как Филя откладывает кий и делает им знак: приступайте. Я сжимаю свой кий и встаю в боевую стойку. Я пытаюсь ориентироваться по звуку – но все звуки тонут в их дружном гоготе. Один бьет меня кием в спину, другой в живот.

Мне четырнадцать, а им по шестнадцать, я один, а их четверо, я всхлипываю, а они смеются, но они меня почему-то боятся.

– Для чего ты здесь, среди нас, а, гнида буржуйская? Чтoб за нами шпионить?

Я молчу и слепо размахиваю в воздухе кием. И на долю секунды мне кажется, что я сейчас не с ними, не здесь. Что с тех пор прошли годы, столько лет, что я успел позабыть, для чего я был среди них. Я не помню, кто и зачем меня к ним привел. Помню только, что тренировки закончились плохо, очень плохо для Фили...

– ...А давайте ему юху из носа пустим? Если голубая – значит, точно белогвардейский пащенок! А будет красная – значит, не все потеряно!

Кто-то бьет меня в нос. Из-под мешка мне на грудь стекают сопли и слюни с кровью.

– Зырьте, красная! – комментируют с деланным удивлением.

Они, конечно, видели мою кровь много раз. Но им нужен предлог, чтобы не забить меня до смерти.

– Дайте кий, – важно говорит Филя, и я чувствую, как стая почтительно уступает место рядом со мной жожаку.

Он заходит сзади и с размаху подбивает мне голени – я падаю на колени. Но я знаю, что они знают: я не сдался, это не их победа.

– Не боец ты, Кронин, – удовлетворенно говорит Филя. – Завтра повторим тренировку.

Я не хочу их видеть, когда рассеется тьма. Я жду, пока они уйдут из подвала. И только потом, когда стихают шаги, сажусь на корточки и начинаю реветь в голос и распутывать веревку, которой примотан к шее мешок. Руки трясутся, я дергаю веревку так, что она только сильнее затягивается. И вдруг ощущаю, что рядом со мной кто-то есть. Я точно знаю, что Филя

и его шакалы ушли, но через пропитанный соплями и кровью мешок в меня впивается холодный, свинцовый взгляд. Я замираю. Секунду спустя мне на затылок ложится чья-то рука. И кто-то гладит меня через мешок – сочувственно, по-отечески.

Я плачу – но теперь уже не от боли, а оттого, что не в состоянии вспомнить, чья это рука, такая родная и сильная, меня утешает. Я как слепая собака, которая чует по запаху, что рядом хозяин, и захлебывается от желания лизнуть его пальцы. Я кричу ему:

– Кто ты?

Мой голос почему-то мужской и грубый, не как у подростка. Я пытаюсь стянуть с головы мешок, но человек обнимает меня за плечи, и баюкает, и шепчет:

– Подожди, Максим Кронин. Давай с тобой поболтаем. Не надо, не просыпайся.

– Я тебя знаю?

– Ты был мне как сын, – его голос звучит печально. – Скажи, Максимка, где ты сейчас?

– В подвале школы-интерната...

– Чушь. Это воспоминание. Сон. Где ты *на самом деле*? Куда ты сбежал из лагеря? Дай мне точное место.

И я отвечаю:

– С какой целью интересуешься?

И, не дожидаясь ответа, нащупываю на полу кий – и бью его снизу, быстро и четко, острым концом в живот.

Потом я сдергиваю мешок. И жду, когда расступится тьма.

Глава 17

Маньчжурия. Лисьи Броды. Начало сентября 1945 г.

– Капитан отравлен «Сном пяти демонов». В составе пять элементов. Сначала берут адамов корень – он имеет форму человеческой фигуры и вырастает там, где когда-то была виселица, из семени повешенного мужчины...

...Тьма расступается не сразу. Сначала я слышу голос. Женский голос, глубокий, мелодичный и нежный, от которого у корней волос высыпают бисеринки мурашек, от которого, не успевая проснуться, уплываешь обратно в сон...

– ...Голыми руками нельзя извлекать этот корень, а то случится удушье. К стеблю привязывают шелудивую собаку, кидают ей сердце и печень черной курицы, и когда она бросается к потрохам – вырывает растение с корнем, а оно стонет, как человек...

...Таким голосом, наверное, заманивает путников на дно моря русалка, а потом убаюкивает рожденных под водою детей, и из сосков ее, пока звучит колыбельная, течет молоко, и становится морской пеной...

– ...Потом кладут семена черной белены; растение должна срезать обнаженная женщина. А следом – плоды бешеной вишни, но только выросшие возле кладбища и обязательно с гнилью...

Я совершаю усилие – и вынырываю из покачивающих меня волн забвения. И вслушиваюсь в слова, и понимаю, что текст «колыбельной» очень уж странный.

– ...Болиголов. Со стебля соскребают серый налет, он пахнет как мышьяная шерсть, и красные пятна, они пахнут как засохшая кровь. В самом конце кладут цяо-ву-тоу, по-русски называется волчья смерть. Бывает с голубыми цветками, а бывает с зелеными. Из сока ву-тоу делают яд для охотничьих стрел. Для «Сна пяти демонов» используются только ву-тоу с голубыми цветками, а сок из стеблей следует отжимать на восьмой луне, отобрав лишь те из растений, у которых корни изъедены червем...

Вслед за слухом возвращаются тактильные ощущения. Я чувствую на себе ее руки – они холодные, но горячей коже вокруг раны это приятно, – она втирает мне в плечо густую, скользкую мазь. Я лежу на спине.

...Потом обоняние. Мазь пахнет лесом, травой и осенью – а может быть, так пахнет сама эта женщина.

Я все еще в темноте. Одной рукой она приподнимает мне голову. Другой вливает в рот густой и терпкий, сладкий, но с полынной ноткой отвар.

Когда я делаю глоток, тьма рвется клочьями, и эти клочья обретают окраску и очертания. И сквозь дрожащее марево, как если бы между нами горел костер, я вижу склонившуюся надо мной женщину. Она мне знакома. Я узнаю ее глаза с азиатчинкой и черные волосы – это ее я видел, когда въезжал в город; на ней тогда было мокрое платье и она несла сетку, полную летучих мышей.

Но самое главное – мне знакомо то, что болтается у нее на шее вместо кулона. Часы на цепочке. Такие же, как мои. И я хватаюсь за них, и резко дергаю, и женщина вскрикивает. Цепочка лопается, и часы раскрываются в моей одеревеневшей ладони.

На внутренней стороне крышки – мой собственный овальный портрет. Это часы моей Лены.

Чужая женщина смотрит на меня бесстыдно, с насмешкой.

– Я жизнь спасла тебе, капитан. Это твой способ сказать спасибо? Отнять у женщины украшение?

– Где... украла?.. – каждое слово дается так тяжело, как будто на груди у меня лежит гранитная глыба.

На секунду лицо ее застывает – только слегка раздуваются ноздри. Она смотрит на меня очень пристально, сверху вниз. Потом вдруг смеется, звонко и беззаботно, разворачивается – и просто уходит.

Я вскакиваю с койки, делаю шаг за ней следом – но это отнимает все силы. Тьма наваливается на меня снова, опрокидывает на спину и оглушает, как камнепад в штольне.

Часть 3

Там растет дерево, у него листья с черными прожилками, цветы его освещают все вокруг. Его название – дурманное гу.

Если носить такой цветок у пояса, то не заблудишься...

И там водится животное, похожее на лису, но с девятью хвостами; звук ее голоса напоминает плач ребенка.

Она может сожрать человека. Тому же, кто съест ее, не опасен яд змеи.

(Шань хай цзин, или «Каталог гор и морей»)

Глава 1

Дальний Восток. Урановый рудник «Гранитный».

Начало сентября 1945 г.

С раннего утра Аристов так мучился животом, что об отъезде из «Гранитного» не могло быть и речи. Полковник разместился в спальне безвременно почившего начальника лагеря, и Силовьев притащил ему из лазарета какой-то отвратительный порошок «от живота», но порошок не помог. Полковник потребовал, чтобы Силовьев спустился к Рву Смерти, вырвал с корнем росшие там ромашку и подорожник и заварил их, но и отвар не возымел никакого действия – может быть, Силовьев побрезговал, поленился и собрал растения не на могиле, или просто в сложившейся ситуации никакие средства не помогли бы.

Нет, конечно, Аристов не рассчитывал, что лекарства или отвары быстро устранят последствия *контакта* с Паромщиком, тем более все еще и усугубилось ударом кия в живот, но он надеялся хотя бы на краткосрочное облегчение боли, на небольшую передышку между позывами рвоты. Однако не было ни облегчения, ни передышек, и раз за разом Силовьев, сострадательно охнув, менял стоявший на полу у кровати таз и переставлял иглу в граммофоне, гоня одну и ту же пластинку.

*Стало тихо в дальней спальне.
Синий сумрак и покой,
Потому что карлик маленький
Держит маятник рукой.*

И не было сил приказать Силовьеву сменить опостылевшего Вертинского, и даже мысль, что к ночи должно непременно хоть немного, но отпустить, уже не была утешительной, потому что казалось, что ночь теперь никогда не настанет, и день застыл в одном мучительном спазме, и маленький карлик будет стискивать в руке этот маятник бесконечно.

Ошибкой было, не дав организму отдохнуть и восстановиться после *той стороны*, вообще без передышки, в ту же ночь штурмовать еще и кронинский сон. Он не планировал, конечно, этого делать. Хотел всего лишь, как обычно, понаблюдать за Максом, сидя в зрительном зале, и успокоиться, и убедиться, что все идет своим чередом и что, хотя физически он его пока не нашел, в ментальной плоскости Кронин по-прежнему под контролем. Для этого Аристов, как всегда, уселся в первом ряду, ожидая едва заметного толчка, обозначавшего переход из его собственного сна в повторяющийся кронинский сон, – и, как всегда, ощутил его. Однако зал московского цирка, вопреки обыкновению, не заполнился зрителями, но остался пустым, хотя из задних рядов и послышались неуверенные хлопки. А «неповторимый Макс Кронин» на сцену так и не вышел, сколько ни звал его полупрозрачный, с пробелами на месте рта и носа, шпехшталмейстер. На всякий случай Аристов выждал пару минут, однако слабая завязь сна не окрепла, а, напротив, окончательно порвалась, оставив на месте сцены ледяную, гудящую тьмой прореху. Как будто Кронин просто взял и передумал смотреть этот сон и собственной волей выбрал себе другой.

И вот тогда растревоженный предшествующим *контактом*, выведенный из равновесия Аристов поддался внезапному импульсу (совсем на него не похоже, обычно он не действовал на эмоциях), подошел к тому, что осталось от сцены, заглянул в разверзшуюся пустоту – и, рискуя разбиться, шагнул в маячивший на дне разлома кронинский сон.

Тут ему повезло. Он прошел через жесткую ткань чужого сна удачно, без травм, как будто просто раздвинул ведущие за сцену кулисы. Объяснялось это, по всей вероятности, тем, что и

место, и время действия Аристову были знакомы. Двадцать третий год, Московская область, спецшкола-интернат ГПУ. Подростком Кронин провел там семь месяцев – ровно столько понадобилось, чтобы у него случился *прорыв*.

Когда Аристов шагнул в подвал, дружки Филя избивали Кронина бильярными киями, а он нелепо и тяжело, преодолевая сопротивление сна, отбивался. На голову Кронина они нахлобучили глухой мешок. Филя молча стоял в стороне и, не моргая, следил за происходящим нарисованными, неживыми глазами. Макс не мог его видеть через мешок и тем более не мог помнить, как именно Филя умер тогда, в двадцать третьем, однако, раз глаза у Филя были такие, значит, сам факт смерти он помнил.

Аристов тихо прошел мимо Филя, щелкнув его походя по носу, и почувствовал то спокойствие, ради которого, собственно, сюда и явился: все идет своим чередом, Кронин по-прежнему под контролем. Если раньше Аристов гордился Максом как учителем блестящим учеником, то теперь, оскопленный ментально, с хирургической точностью избавленный от воспоминаний о чуде, Кронин все равно оставался его достижением, просто иного рода. Он гордился им, как гордится врач пациентом после удачной лоботомии.

Волей Аристова с сорок первого года и до сих пор даже кронинские сны были начисто лишены фантазии и чудес – ему снились просто обрывки из прошлого с легкими искажениями. И, конечно, с купюрами в тех местах, где их с полковником прошлое было общим.

Этот сон тоже был довольно точным оттиском прошлого. В спецшколе над Максом действительно издевались. Время от времени Аристов самолично наблюдал за этими «тренировками» через глазок в подвальной двери. Рядом с ловким, волевым, властным Филей Кронин выглядел абсолютно беспомощным, но полковник верил, вернее, видел, что прорыв и озарение в его случае очень возможны.

– Держи его все время на грани, ты понял, Фил? Пусть он будет на взводе, ждет удара и днем, и ночью. Только так мы его научим видеть во тьме.

– Так забьем ведь сопляка, товарищ полковник, – с сомнением отвечал Филя. – До полной непригодности доведем.

– Если даст себя забить – значит, он мне не нужен.

– Или он сорвется и глотку мне ночью вскроет, – рассудительно продолжал Филя.

– Если дашь себя резать – значит, *ты* мне не нужен.

Иногда после «тренировки», дождавшись, когда Филя и его шестерки уйдут, Аристов заходил в подвал к скулившему Кронину, обнимал и гладил по голове.

– Папа Глеб, забери меня отсюда! – канючил Кронин.

– Еще не время, Максим.

Каждую субботу Аристов увозил его в лес – пострелять. Уже через месяц спецшколы Макс отлично стрелял, он вообще потрясающе быстро всему обучался... кроме самого главного. Того, что следовало освоить сверх школы.

– Я выбрасываю из-за дерева карты, а ты стреляешь, Максим. Ты стреляешь всего один раз. В даму пик.

– Я отсюда не вижу карты! – Кронин щурился, стоя с револьвером в руке. – Как я могу ее угадать?

– Я, я, я! – раздражался Аристов. – Не пытайся увидеть и угадать! Отключи и чувства, и ум, возьми, наконец, контроль!

– Папа Глеб...

– Я не папа!

– Товарищ полковник, я вас не понимаю.

– Что тут можно не понимать?! Перестань быть пленником своего тела! Закрой глаза, слейся полностью с тьмой! Тьма все сделает за тебя!

Кронин шурился и стрелял, и отлично попадал прямо в центр карты – но карта была не та. Девятка бубен, туз червей, валет треф – но не дама пик.

Двадцать девять ошибочных выстрелов. Двадцать девять испорченных карт. Двадцать девять потраченных зря суббот. Тридцатым выстрелом он попал. В ту субботу они поехали в лес втроем – Аристов, Макс и Филя...

...Подкатило. Аристов свесился с кровати над тазом и скривился в сухом, болезненном спазме. Он был пуст, как сброшенный бабочкой кокон, безжизненно пуст внутри: ни отвара ромашки, ни черной ядовитой воды, ни слюны, ни желчи, ни сил – в нем ничего не осталось.

Он откинулся на подушку и поймал себя на сентиментальном стариковском желании вернуть Максу пару воспоминаний лишь для того, чтобы вместе с памятью к тому вернулось также и знание, кто он, Аристов, для него. А вместе с этим знанием пришло бы подчинение и сочувствие. В желании подчинить себе Кронина ничего постыдного не было, напротив, это совершенно нормально: всякая система стремится к равновесию и гармонии, в том числе система учитель и ученик; если же ученик бьет учителя кием в живот, это уже не система, а нонсенс, иными словами – хаос. Однако Аристов, будучи беспристрастен и даже придирчив к себе, сознавал, что куда больнее бильярдного кия его задело не нарушение равновесия и гармонии, а именно отсутствие к нему у Кронина сострадания. Не помня его, Макс был к нему во сне абсолютно безжалостен.

Впрочем, вздор. Аристову просто следовало вчера здраво оценить свои силы. Посмотреть на тренировку и сразу уйти. Что за дерзкая, дурная идея – задавать вопросы сновидцу? Но избитый Кронин показался ему ребенком, безутешным и безобидным – там, в подвале, на корточках, с мешком, привязанным к голове... Очень зря он так близко к нему подошел. Даже в нынешнем своем виде Макс Кронин великолепен. И удар его точен.

К ночи все-таки полегчает. Но впредь себя нужно беречь. Никаких *контактов* в ближайшие дни. И никаких чужих снов. Ему нужен полноценный, хороший отдых.

Аристов скрючился в постели начлага и закрыл глаза. В темноте капризной, назойливой мухой вилял голос Черного Пьеро.

*Но ад ли это, рай ли?
Сигары, и коктейли,
И кокаин подчас
Разносит Джонни кротко,
А денди и кокотки
С него не сводят глаз,
С него не сводят глаз.
сводят глаз
сводят глаз
сводят глаз*

Игла опять затупилась. Аристов осторожно повернулся лицом к двери и прикинул, на что уйдет меньше сил: задействовать дыхание, голосовые связки, язык и позвать Силовьева вслух – или же выцедить еще одну нематериальную каплю из пересохшего родника пустоты.

Иглу необходимо сменить, а родник как можно скорее снова наполнить. Сон и отдых – самый правильный путь, но и самый длинный. Черный Пьеро подсказывал Аристову путь покороче. Кокотки полковника никогда не интересовали, а вот кокаин... подчас.

Майор Силovieв как раз решил перекинуться с майором Гранкиным в дурака, когда в голове его, четко и внятно, как в телефонной трубке, прозвучало: «Смени иглу в граммофоне и раздобудь марафет».

Глава 2

Аглая коротко остригла бессвязно бормотавшему Дикарю волосы и бороду и даже еще раз подровняла ему ногти на руках и ногах. Она никогда не стригла ногти под корень, ведь это может быть больно, но вчера, верно, так спешила, что на некоторых пальцах оставила слишком уж длинные. Покончив с ногтями, Аглая отступила на шаг и оглядела пациента – придиричиво и тревожно, как только что дописанную картину. Теперь Дикарь не казался уже дикарем, а походил на обычного раненого солдата. Она решила, что впредь даже про себя будет называть его, как полагается, человеческим именем, то есть Никитой, и тут же поймала себя на мысли, что тот, кто за ней наблюдает, сейчас может убедиться, что она все делает правильно и хорошая. Аглая почувствовала, что ей как будто слегка не хватает воздуха – так обычно бывало, если она подмечала у себя одну из *неправильных* мыслей. Ведь никто за ней, конечно же, не следил: оба больных – Никита и смершевец – лежали в забытьи, дядя Иржи ушел к себе на второй этаж, поспать немного перед началом дневного приема. А больше в лазарете никого не было.

Она покосилась на шкафчик с лекарствами – после прошлого раза Новак держал его запертым – и распахнула окно. В помещение хлынул запах намокшей хвои: многолетний кедр рос впритирку к стене особнячка, в котором располагался их лазарет; после каждого дождя иголки дивно пахли. И зачем она только сидела тут с закрытым окном, в этом спертном, пропитанном лекарствами и болезнью, стоячем воздухе? Оттого и было ей душно, а вовсе не от иных каких-то причин.

Она вставила тонкую дамскую сигарету в мундштук, чиркнула спичкой, закурила и выпустила струйку дыма на улицу, воображая, как вместе с дымом из нее выходят все неправильные, лишние мысли...

Ну и кому она врет? – *неправильная* мысль нагноившейся занозой сидела в правой половине головы. Самой себе врет. Уж ей ли не знать, что следят-то ведь не снаружи, а изнутри. Что тот, кто наблюдает за ней, знает все ее чувства и помыслы. Что от этого соглядатая не отделаться, не избавиться. Что невозможно, никогда невозможно ей просто побыть одной.

– Это Бог, – сказала Аглая, выпуская еще один клубок дыма.

Она старалась как можно реже разговаривать с собой вслух, чтобы не быть похожей на маму – не вообще на маму, а на чужую, гневную, разлюбившую ее маму, какой та стала в последние дни болезни. Но иногда ей все же требовалось произнести что-то громко и четко – это помогало привести мысли в порядок.

Вот и сейчас помогло. Неправильная мысль то ли соскользнула куда-то совсем глубоко, то ли полностью вышла, оставив после себя небольшую лому в правой глазнице.

– Изнутри за мной следит только Бог, – сказала Аглая, чтобы эффект закрепился.

Мысль исчезла. А вот мигрень подступала. Перед приступом в голову вечно лезет какой-то вздор... Боли как таковой пока не было, но даже предчувствие этой боли мучило и пугало, как будто правую половину лица уже заслонила темная тень, и там, под тенью, готовилось проснуться что-то хищное, острое и чужое.

Аглая на всякий случай подергала дверцу шкафа с лекарствами – конечно же, заперто. Левая стеклянная створка волнообразно переливалась, как будто дразня ее, не позволяя не то что взять, но даже просто увидеть за этим сиянием пузырек с морфием. Она уже знала – если переливается слева, болеть будет справа... Жестоко было со стороны Иржи Новака забирать ключ от шкафчика. В конце концов, она не хуже их пациентов. Имеет право на обезболивание! Купировать приступ мигрени морфием – совершенно нормально. Но нет же, Новак вбил себе в голову, что пара шприцов с трехпроцентным раствором сделают ее морфинисткой!

Она взглянула на настенные часы – острые концы стрелок тонули в вертящемся против хода времени водовороте сияния, но по расположению оснований стрелок на циферблате она

заклЮчила, что уже десять. Это значит, ей пора пробудить монстра, выжившего ее же стараниями: Лиза сказала дать смершевцу вторую часть снадобья ровно в десять утра.

Сместившись вместе с ее взглядом от циферблата к койке, сияние окутало голову особиста вертящимся ореолом, а потом вдруг разом исчезло – как будто тьма, исходившая от Шутова, этот ореол поглотила.

Аглая взяла трясущейся рукой оставленную Лизой пиалу с отваром и подошла к койке. Уже поднося к губам капитана темно-бурое пойло, застыла от мысли: может, не надо?..

– Если вторую пиалу не дать, может не выжить, – сказала ей двумя часами ранее Лиза. Она уверенно шла через площадь, и подол ее платья, и черные ее волосы на ветру развевались, а Аглая бежала следом, отчаянно завидуя тому, как Лиза не побоялась просто взять и уйти. – «Сон пяти демонов» очень сильный. Для пробуждения нужно три полных пиалы.

– А третья где? – спросила Аглая.

– Когда очнется, скажи, пусть за третьей ко мне придет. Только он должен будет сначала извиниться за грубость. За то, что сорвал с меня золото и обвинил в краже.

– Ну что ты, Лиза! Это же капитан СМЕРШ. Такие за грубость не извиняются.

– Не извинится – значит, останется с мертвецами. – Она рассмеялась, как если бы ей удалась хорошая шутка, и пошла дальше, как если бы ей был неведом страх.

– Ты что, совсем его не боишься? – прокричала ей в спину Аглая.

– Зачем бояться других людей? – не оборачиваясь и не замедляя шага, ответила Лиза. – Бояться нужно того, что у нас внутри.

От этих слов Аглаю вдруг замутило и стало неудобно дышать, как будто слова ударили ее в солнечное сплетение. Ей захотелось дать сдачи, и она крикнула еще громче, на всю площадь:

– У тебя же дочь, Лиза! Как можно быть такой легкомысленной? Если тебя заберут, что она одна будет делать?

Лиза остановилась. Потом повернула к ней фарфорово-бледное, по-прежнему улыбающееся, но как будто застывшее вместе с этой улыбкой лицо:

– Моей дочери грозит беда страшнее, чем СМЕРШ.

...Аглая приподняла тяжелую голову капитана и маленькими порциями стала вливать ему в рот отвар из пиалы. Пусть тот, кто за ней наблюдает, поймет уже, наконец, что Глаша не делает людям зла и хорошая. А помыслы – что ж, наверняка и у праведников бывают недобрые помыслы.

Глава 3

Настя убедилась, что за ней никто не следит, залезла в заброшенную чумную фанзу – на самом деле там давным-давно уже никакой чумы не было – и стала ждать Прошку.

Ей запрещалось водиться с другими детьми. Мать разрешала Насте гулять одной, но только с условием, что она будет держаться подальше и от китайских фанз, и от изб староверов. «Ходи по лесу или вдоль озера, людей избегай». Она не раз пыталась выяснить и у мамы, и у дедушки Бо причину этих ограничений, но они отвечали так, что понятней не становилось. «Такие правила в нашей семье». Вот и все объяснение.

Ей, впрочем, не нужно было никого избегать: другие дети от Насти и сами шарахались, им тоже не разрешалось с нею водиться. Потому что Настина мама – якобы ведьма. Это были глупости и неправда, и бред сумасшедшей Марфы, но дети Лисьих Бродов ей верили – все, кроме Прошки. Ему тоже строго-настрого запрещали с Настей играть, но он не слушался и играл, и за это его Марфа била, если вдруг узнавала. Но Прошка все равно потом убежал играть с Настей. Он был Настиним лучшим и единственным другом. Три дня назад Насте исполнилось семь – она была на год младше Прошки, – и он подарил ей на день рождения крестик. Сказал, из чистого золота. Она ответила, что золото никогда не бывает чистым (однажды слышала эту фразу от мамы), и догадалась, что крестик Прошка украл у собственной матери либо у тетки. Но про догадку свою ничего не сказала, как не сказала и того, что молится Небесной Ху-Сянь, а не распятому богу, она с благодарностью приняла подарок, потому что знала, что, воруя у родственников, Прошка ради нее рисковал и сознательно совершал грех. Это придавало крестикую настоящую ценность и очищало золото, из которого он был сделан, от грязи. Они зарыли подарок в лесу, чтобы ни Прошкины мать с отцом, ни ее мать и дедушка Бо его никогда не увидели. Потому что если Прошкина мать узнает, она его просто приберет, а если ее мать узнает, она этот крестик у нее отберет и скажет, что мы, мол, не берем чужое нечистое золото. И это будет нечестно, потому что сама она как раз носила чужие золотые часы. Они воткнули палочку в землю, чтобы не забыть, где тайник, и Прошка сказал: вот бы ты была моей младшей сестрой. А Настя ответила, что это можно устроить.

Они назначили братание на сегодня, на одиннадцать утра. Перед тем как идти в чумную фанзу, Настя выкопала свой крестик, чтобы надеть его на церемонию.

Прошка явился с получасовым опозданием, заплаканный, взмокший и, судя по вспухшим на руках багровым следам, сильно поротый: его, наверное, Марфа била ремнем, а он заслонялся. Настя не стала его расспрашивать, просто открыла и протянула пузырек с целебным настоем: мать последние три дня отчего-то ужасно за нее волновалась и велела всюду носить лекарство с собой, а если что-нибудь заболит, сразу выпить и тут же бежать домой.

– Это что? – Прошка недоверчиво понюхал настойку.

– Травяной сбор. Выпьешь – перестанет болеть.

Он послушно опрокинул в себя содержимое и поморщился:

– Горько.

– Потому что там корень женьшеня, на который помочилась лисица.

– Я выпил ссанье лисы?! – Прошка перекосялся и принялся яростно сплевывать слюни на земляной пол.

– Вот дурак. Она помочилась на стебель, а в отвар моя мать положила корень. Боль прошла?

Прошка осторожно потрогал спину, а потом даже слегка потерся задом о стену фанзы. Изумленно взглянул на Настю:

– Почти не больно... Твоя мама, что ли, и вправду ведьма?

– Моя мама – травница. Но знаешь что, Прошечка. Если думаешь, что я дочка ведьмы, давай тогда не будем брататься.

– Что ты сразу, – Прошка неуклюже тронул рукой ее волосы, и Настя решила, так уж и быть, принять это за жест извинения.

– Нож принес?

– А то, – Прошка вытянул из кармана складной охотничий нож.

– Тогда режь.

– Что резать?!

– Как что? Ладонь. Хочешь, я свою сначала порежу, если боишься.

– Ничего я не боюсь. – Прошка надулся и, сосредоточенно сопя, сделал в центре левой ладони косой надрез. Отдал Насте нож – та быстро полоснула себя ближе к запястью.

– Теперь плюнь в мою ранку, – она протянула ему руку. – А я тебе плюну.

Когда они соединили руки и их слюни смешались с их кровью, Настя сочла уместным вознести небольшую молитву:

– О Небесная Лисица Ху-Сянь, обрати свой взор на стадо живых, видишь, я и Прохор теперь брат и сестра, я прошу, оберегай моего брата, как оберегаешь меня.

– Мне, наверное, тоже помолиться? – осознавая важность момента, предложил Прошка.

– Только если знаешь что-то подходящее.

Прошка наморщил лоб.

– Господь, пастырь мой... – начал он нерешительно. – Это Настя, моя сестра. Так что Ты теперь... Покой ее на злачных пажитях и води ее к водам тихим. Подкрепляй ее душу, направляй ее на стези правды. А если она пойдет долиной смертной тени, пусть не убоится зла, потому что Ты с ней. Твой жезл... ой!

В забитое окно фанзы ударился здоровенный булыжник; гнилые доски проломились и осыпались на земляной пол трухлявыми щепками. За окном стояли Андроновы близнецы и еще трое пацанов лет десяти-одиннадцати, тоже из староверской общины: двое обриты наголо из-за вшей, третий, племянник старосты Тихон, на голову выше всех, белобрысый.

– Зырьте, Прошка с ведьмой в чумной избе обжимается! – гоготнул Тихон.

– Ну все, мамка тебя совсем прибьет! – со смесью восторга и страха сообщил Прошке один из близнецов.

– Мы все твоей мамке скажем! – поддакнул второй.

– Скажете – сам вас прибью, – набычился Прошка.

– Не прибьешь. – Белобрысый развязно подошел вплотную к проломленному окну, шмыгнул носом и выхаркнул внутрь, прямо под ноги Насте, зеленую, густую соплю. – Мы своих в обиду не даем, да ведь, парни? – Тихон обернулся к маячившим у него за спиной бритым приятелям, потом подмигнул близнецам.

– А то, – с готовностью отозвались «парни», предвкушая веселье. Тишка всегда придумывал что-нибудь интересное.

– Потому как наша с тобой, Прохор, община – аки одна большая семья. И мы в ней законы древлеотеческие блюдем, а к ведьмам и блядам не идем! – Племянник старосты, лбясь во весь рот, сделал выразительную паузу, чтобы товарищи оценили каламбур и красоту рифмы.

– Зырь, Тихий, – снова подал голос один из близнецов. – Это ж ведьма у нашей мамки украла! – он указал грязным пальцем на Настину шею. – Его ж мамка уже три дня везде ищет!

Вся стая недобро уставилась на Настин золотой крестик. Тихон молча наклонился и поднял с земли два камня, по одному в каждую руку. Остальные последовали его примеру.

– Она не крала! – отчаянно крикнул Прошка. – Это я украл!

– Нет, я, – спокойно сказала Настя. – Его не бейте.

– Мы тут будем, а вы двое к двери идите, – приказал Тихон двум бритым. Не выпуская камней, те послушно переместились от окна к двери фанзы.

– Ты, Прохор, выходи сюда к нам, – негромко, но оттого особенно страшно сказал бело-брысый.

– Не выйду.

– Я сказал, выйдешь.

– Пошел ты.

– Вот как оно, значит, – произнес Тихон спокойно, но кожа под белыми волосами побагровела от гнева. – Ну, значит, ничего не поделаешь. А я-то хотел по-божески, по добру... – Он повернулся к Андроновым близнецам. – Бегите к Марфе. Скажите, сын ее с ведьмой заперся в чумной фанзе и не выходит.

– Не надо, стойте! – крикнула Настя. – Выходи! – она сорвала с шеи золотой крестик, сунула Прошке в руку и подтолкнула его к двери. – Она тебя тут если со мной увидит, совсем прильет!

Прошка сжал крестик и молча вышел из фанзы. Из надрезанной ладони, сочась через стиснутые, побелевшие пальцы, на землю капала кровь.

– Зырьте, распятие после ведьмы кровит... – вылупился один из близнецов. Второй стоял, точно так же вылупившись, но молча.

Тихон, ухватив камень тремя пальцами, указательным и средним перекрестился:

– Значит, так. Каждый пусть кинет в нее два камня. Один – за воровство, другой – за колдовство. После этого будем считать, что она наказана. Ты, Прохор, тоже кидаешь. Если не кинешь – мамке твоей расскажем, что она крест украла.

– Это я украл, – еле слышно выдавил Прошка.

– Ну, значит, расскажем, что ты. Украл крест семейный – и ведьме некрещеной его подарил. Ты хочешь, чтобы мы рассказали?

– Нет, – совсем тихо, чтобы не услышала Настя, ответил Прохор.

– Вот и слава Богу. Тогда камни с земли поднял быстро. По моей команде со всеми кинешь.

Прошка медленно, не дыша, как будто стоял в глубокой воде, сунул крестик в карман, наклонился, выбрал камни поменьше и поднял. Настя молча смотрела на него из пролома в окне. Потом опустила голову. У нее на ногах были красные войлочные туфельки с вышитыми на носках мордами тигра – традиционные китайские обереги. Ей подарил их дедушка Бо, чтобы тигры всегда ее защищали.

– Ну, помолясь... – Тихон снова перекрестился. – В наказание за воровство – пли!

Настя присела на корточки и закрыла руками голову. Камни – в том числе Прошкины, но она знала, что он метит мимо, – полетели через окно и дверь в фанзу, но в нее не попали. Она погладила руками носки туфельек-тигров.

– Чо вы мажете?! – озверел белобрысый. – За воровку в проклятую ведьму – пли!

Настя метнулась вправо, а потом, в последний момент, бросилась к левой стене, надеясь таким образом обмануть их ожидания и выскользнуть из-под обстрела. Но это не сработало: поднявшись в полный рост, она стала куда более доступной мишенью. Один камень попал ей в ногу, другой – в лицо. Она даже не сразу поняла, куда именно, потому что и лоб, и нос, и челюсть как будто бы онемели. Она увидела, что на грудь двумя струйками льется кровь, и только потом, когда спереди ее платье из желтого стало красным, почувствовала во рту вкус железа, а в переносице – жжение.

Наверное, тигры на туфельках помогают только настоящим китайским девочкам. А у нее слишком много неправильной крови.

– Слушай мою команду! – племянник старосты подобрал с земли еще пару камней; глаза его сияли от возбуждения. – Теперь кидаем камнями в бесов! Они там в ней внутри прячутся!

Он кинул камни, один за другим, остальные тоже. Из фанзы доносился плач Насти.

– Ты обещал по два камня! – закричал Прошка. – Это нечестно!

– Так это в нее по два камня. А в бесов – лучше побольше. Ты что же, не за Христа, а за бесов? – Тихон угрожающе ткнул Прошку в плечо. – А ну кидай камни! И чтоб мне не мазал! Я ж знаю, ты меткий, в папашу!

Близнецы, возбужденно прильнув к окну, кидали камни и куски досок уже без команды, в свое удовольствие. Краем глаза Прошка заметил, что бритоголовые, гогоча, вошли в фанзу.

– Прикажи им, чтоб прекратили, – без выражения сказал Прошка.

– Иначе – что? – издевательски уточнил Тихон.

– Иначе – вот, – Прошка вытянул из кармана охотничий нож, дрожащими руками раскрыл и направил на Тихона острие.

– И что, порежешь нас, братьев по вере, ради бесовской нехристи?

Тихон вразвалочку подошел к Прошке и требовательно протянул руку:

– Давай сюда. Это игрушка для больших мальчиков. Давай-давай, не бойся. Нож отдашь – мы уйдем.

Не веря Тихону, понимая, что врет, но притворяясь перед собой, что поверил, Прошка отдал ему нож. Племянник старосты осмотрел рукоять и лезвие со знанием дела. Сложил нож, засунул в карман, приблизил свое лицо к Прошкиному вплотную, так, что почти соприкоснулись их лбы:

– У бати взял?

– Ну.

– Ты знаешь, что воровство – смертный грех?

– Ну.

– Отступаешься от греха?

– Отступаюсь.

Белобрысый сделал шаг назад, кивнул, вроде бы удовлетворившись ответом, а потом с оттяжки ударил Прошку кулаком в скулу. Тот упал, и Тихон принялся методично, как будто даже слегка скучая, бить ногами лежачего. Не в полную силу, так, чтоб ничего не сломать, – а то не хватало еще, чтоб Ермил потом пришел разбираться.

Близнецы, присмирив, испуганно топтались рядом: они такого поворота не ожидали:

– Тиш, можт, не надо? Он все-таки брат наш...

– Заткнитесь! – Он и сам понимал, что пора бы остановиться, но от этого их нытья только больше зверел и остановиться никак не мог.

Из фанзы слышались взрывы смеха бритоголовых и Настины вскрики.

– Еще раз повтори, а то я уши не чистил, – отсмеявшись, про-гундосил тот, что помладше. – Где, говоришь, твой папка?

– Мой папа на войне, – стараясь не плакать, ответила Настя.

Оба снова загоготали.

– Это мамка твоя, шлюха, тебе спиздела? Нет у тебя никакого папы!

– Если мама у меня шлюха, а из Лисьих Бродов она точно не уезжала... – прошептала Настя, понимая, что теперь они ее точно прибьют, – тогда, значит, мой папа – кто-то из здешних. Может, ваш? – Она зажмурилась, ожидая удара.

– Это чо она щас сказала? – оторопел младший.

– Это бесы в ней говорят, – со знанием дела констатировал старший. – Ибо она есть ведьминское отродье. Слышь, ты. Ну-ка, разденься! – он рывком задрал Настин подол. – Мы щас с братом проверять будем, ты ведьма или не ведьма.

– Слуш, Серый, а как мы проверим? – тот, что помладше, озадаченно поскреб бритую голову.

– Ты чо, дурак? – беззлобно ответил Серый. – Если ведьма, на теле будут ведьмины родинки, которыми ее дьявол пометил, а еще, конечно, третий сосок.

– Чо, правда?

– Да вот те крест, – Серый перекрестился двоеперстием и рявкнул на Настю: – Быстро, сука, разделась!

Она как раз стягивала с головы намокшее и липкое от крови платье, когда у фанзы прогремел выстрел; бритоголовые вжались в стену. Следом за выстрелом раздался голос мужчины, сильный, гневный и ясный, как раз такой голос, какой, по Настиним представлениям, будет у папы, когда тот вернется с войны:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.